

КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВВЕДЕНИЕ В СИНЕРГЕТИКУ

ХРЕСТОМАТИЯ

Часть 3

СИНЕРГЕТИКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Издательство Кыргызско-Российского
Славянского университета

Бишкек ◆ 2005

ББК 86.3; 87; 88
В 24

В 24 ВВЕДЕНИЕ В СИНЕРГЕТИКУ. Хрестоматия: В 3-х ч. – Ч. 3. Синергетика и социальная психология / Ред.-сост. Н.М. Калинина. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2005. – 423 с.

ISBN 5-8355-1405-0

Третья часть хрестоматии посвящена социальным процессам и исследованию мотивов поведения отдельных людей, коллективов, спонтанно возникающих объединений. Приведены работы философов, психологов, социологов, посвященные поведению масс и коллективов. Здесь же помещены произведения известных поэтов и писателей, а также отдельные части текстов из кыргызского народного эпоса «Манас».

Расчитана на студентов различных специальностей, изучающих основы синергетики; может быть использована при изучении культурологии, истории, социологии, философии, психологии и других общеобразовательных дисциплин гуманитарного направления.

На четвертой странице обложки: *М.-К. Чюрленис. Сотворение мира. VI. 1905-1906.*

Редактор-составитель:
докт. техн. наук, проф. Н.М. Калинина

Утверждено РИСО КРСУ

Рецензент:
академик НАН КР В.И. Нифадьев

ISBN 5-8355-1405-0

© Составление, комментарии
Н.М. Калинина, 2005
© Предисловие
В.И. Нифадьев, Н.М. Калинина, 2005
© КРСУ, 2005

Г. ХАКЕН

Герман Хакен, выдающийся немецкий ученый, один из родоначальников синергетического подхода к науке и междисциплинарным исследованиям, родился в 1927 г. До 1997 г. – директор Института теории физики и синергетики (г. Штуттгарт, Германия). В 1997 г., отметив свой семидесятилетний юбилей, ушел с должности директора, возглавив Центр синергетики в этом же институте.

В 1997 г. исполнилось 25 лет со времени проведения первого международного симпозиума по синергетике. Этот симпозиум состоялся в 1972 г. в замке Эльмау (Бавария). Однако начало синергетики и введение самого термина «синергетика» датируется раньше. Это начало было положено совместной работой Г. Хакена и Р. Грехема по изучению лазеров в 1968–1970 гг. Была установлена аналогия между генерацией когерентного излучения лазера вблизи порога возбуждения и фазовым переходом второго рода, и возникло понимание синергетических, кооперативных эффектов в процессах спонтанного формирования макроскопических структур, т.е. самоорганизации. В своих дальнейших исследованиях Г. Хакен от строгой физики перешел к исследованию мозга и поведения человека, к психологии человеческого восприятия и познания мира.

На русский язык переведены его книги «Синергетика», «Иерархия форм неустойчивости в неравновесных структурах», «Самоорганизация и информация» и др. В тесном сотрудничестве с Институтом Хакена ведущим издательством «Springer» издана серия коллективных и индивидуальных монографий под общим названием «Синергетика». С середины 70-х годов вышло уже более 70 томов.

Г. Хакен

МОЖЕМ ЛИ МЫ ПРИМЕНЯТЬ СИНЕРГЕТИКУ В НАУКАХ О ЧЕЛОВЕКЕ?*

1. Цели синергетики

Многие объекты, изучаемые в науках о человеке, могут так или иначе рассматриваться как системы. Такие объекты состоят из многих частей, взаимодействующих друг с другом более или менее сложным образом. Примерами могут служить общество, которое составляют люди, организм с его клетками, мозг с его нейронами, или, например, в физике жидкость, состоящая из молекул. Через кооперацию отдельных частей у системы появляются новые качества, поэтому многие из этих качеств выявляют эффекты самоорганизации. В то время как скульптор, работая, формирует лицо статуи, организуя его структуру, лицо живого человека рождается непосредственно, а именно самоорганизацией клеток тела.

Приблизительно двадцать пять лет назад я задал вопрос: «имеет ли самоорганизация общие законы?», и предложил изучать этот вопрос внутри новой дисциплины, которую я назвал синергетикой [1]. Слово «синергетика» пришло из греческого языка и означает науку о сотрудничестве, кооперации. Вопрос, существуют ли в ней общие законы или принципы, казался несколько удивительным и возможно даже шокирующим, потому что допускалось, что части системы могут быть совершенно различного характера, в диапазоне, скажем, от молекул в жидкости до человеческих индивидуумов в обществе.

* *Хакен Г.* Можем ли мы применять синергетику в науках о человеке?//<http://spkurdyumov.narod.ru>

Мы рассматриваем системы, которые могут формировать пространственные, временные или функциональные структуры. Эти структуры формируются непосредственно самими системами без какого-либо вмешательства извне. Такие структуры, конечно же, формируются в процессе развития растений или животных, но их можно найти и в неодушевленном мире физики и химии. Мы сфокусировали свое исследование систем на таких ситуациях, где качественные изменения системы происходят в макроскопических масштабах. Ниже я покажу, что я подразумеваю под качественными изменениями, а также то, что я подразумеваю под макроскопическими масштабами. Принципы синергетики можно применить к многочисленным системам, которые относятся к большому спектру дисциплин, и это дало возможность создать новые приложения и подходы.

Позвольте мне упомянуть некоторые из известных примеров: в физике – формирование паттернов движения в нагреваемых снизу жидкостях; появление лазерного луча, который имеет совершенно другие свойства, чем свет обычных ламп; в химии – формирование крупномасштабных пространственных или пространственно-временных паттернов; в биологии – разработка моделей морфогенеза, формирование паттернов движения людей, модели человеческого восприятия и электрического тока в мозге, модели когнитивных процессов, типа принятия решений, и, включают этот ряд примеров, модели биологического развития. Далее приложения стали возможны в области психологии и психотерапии, например в изучении изменения поведенческих навыков. Математизация экономических процессов – еще один пример дальнейшего расширения области применения синергетики.

2. Понятия синергетики

Стартовой точкой для всех исследований в области синергетики является адекватное описание состояния системы на разных уровнях. На макроскопическом уровне мы описываем поведение субъектов, например, пешеходов на улице – можно проследить движение каждого отдельного пешехода и затем отобразить движения этих субъектов на некоторой диаграмме. На мезо-

скопическом уровне мы можем выделить некоторую область на улице, в которой все еще будут какие-то пешеходы, но эта область уже меньше по сравнению с целой улицей. Затем можно определять среднее число и среднюю скорость пешеходов в такой области.

Наконец, на макроскопическом уровне можно посмотреть, существуют ли особые паттерны крупномасштабного поведения пешеходов, например, когда на одной стороне улицы движение происходит в одном направлении, а на другой стороне – в другом направлении. Эти примеры, конечно, чрезвычайно просты. Читатель должен иметь в виду, однако, что описание таких состояний системы на различных уровнях может относиться к совершенно разным количествам объектов, а также к абстрактным понятиям, например, к мнению или поведению людей или целых социальных групп. Описание поведения системы на различных уровнях может быть выполнено с помощью так называемого вектора состояния.

Следующее понятие, используемое в синергетике – управляющий параметр, который может быть представлен как одиночным, так и несколькими управляющими параметрами. Их количество фиксировано и налагается на систему извне – управляющие параметры не меняются по мере изменения системы. Примером снова может быть среднее число пешеходов, которые должны двигаться по некоторой улице, например, около выхода станции метро. Можно ожидать, что поведение отдельных пешеходов может быть совершенно разным в зависимости от плотности пешеходного потока.

Синергетика фокусирует свое внимание на тех ситуациях, в которых поведение системы изменяется качественно при изменении управляющих параметров. Как изменится движение пешеходов, когда плотность их потока внезапно увеличится? И изменится ли оно качественно вообще? Например, когда плотность низка, пешеходы будут двигаться независимо друг от друга, но при более высокой плотности потока они уже начинают группироваться или увеличивать темп своего движения.

Если структура сохраняется при изменении условий среды, т. е. управляющих параметров, то эта структура называется

устойчивой или структурно устойчивой. Но если структура изменяется, мы говорим об относительной неустойчивости. Как было сказано прежде, синергетика фокусирует свое внимание на качественных изменениях в тех случаях неустойчивости, которые вызваны изменением параметров управления. В условиях нового управляющего параметра система сама создает специфические структуры, что и называется самоорганизацией.

Как показано математически в синергетике, во многих случаях поведение системы, близкое к таким точкам неустойчивости, может зависеть от поведения очень немногих переменных, можно даже сказать, что поведение отдельных частей системы просто определяется этими немногими факторами. Эти факторы называются параметрами порядка, и здесь нужно избегать представления о том, что эти параметры заботятся только о порядке; они могут также представлять беспорядочные, хаотические состояния или управлять ими.

Параметры порядка играют доминирующую роль в концепции синергетики. Они «подчиняют» отдельные части, т. е. определяют поведение этих частей. Связь между параметрами порядка и отдельными частями системы называется принципом подчинения. С определением параметров порядка практически описывается поведение системы. Вместо того, чтобы описывать поведение системы посредством описания отдельных ее частей, нам нужно иметь дело или описывать поведение только параметров порядка. Другими словами, мы получаем здесь огромное информационное сжатие. Такое информационное сжатие, между прочим, типично для любого языка.

Параметр порядка действует подобно кукольнику, который задает танец марионеток, но решающее различие между кукольником и параметром порядка заключается в том, что отдельные части в свою очередь сами генерируют параметр порядка своим коллективным поведением. Мы говорим здесь о круговой причинной связи. В технических системах такая круговая причинная связь известна как обратная связь. Однако, в отличие от технических систем, в которых параметр порядка фиксирован с самого начала (инженером), например, в форме устройства управления, в

синергетических системах параметры порядка создаются отдельными частями системы.

Ниже мы коснемся некоторых конкретных примеров для параметров порядка в науках о человеке. Для систематического представления опишем сначала поведение параметров порядка, поскольку от них исходят типичные виды поведения систем. Понятие информационного сжатия, упомянутое выше, исходит из принципа подчинения и дает огромное преимущество для описания поведения сложной системы в относительно простых условиях.

Как показала синергетика, существует фундаментальное различие между поведением параметров порядка и подчиненных частей с течением времени. Параметры порядка реагируют на возмущения извне медленно, а части – быстро. Можно было бы даже сказать: параметры порядка живут дольше, части же живут меньше (в своей поведенческой динамике).

3. Поведение параметров порядка

а) Один параметр порядка. Состояние одного параметра порядка мы традиционно отражаем в символической форме позицией шарика на холмистой поверхности. Когда шарик находится «в глубокой ямке», имеется только одно состояние параметра порядка. Это состояние устойчиво. После каждого возмущения шар возвращается в позицию равновесия.

При изменении управляющего параметра поверхность может искажаться, делая более плоской нижнюю часть углубления. Когда мы считаем, что параметр порядка все еще подчинен маленьким случайным событиям, называемым колебаниями, это означает, что шарик будет кататься подобно шарикю при игре в крокет, с довольно большими задержками на плоской нижней части. А это значит, что если колебания параметра порядка станут довольно большими, мы будем иметь дело с критическими флуктуациями.

Так как параметр порядка все еще подвержен колебаниям, флуктуации могут при широком плоском дне ямки отодвинуть шарик далеко от первоначальной точки равновесия. Это явление

называется критическими колебаниями. В то же время шарик все-таки возвращается к позиции равновесия, только очень медленно – явление, называемое критическим замедлением. Когда значение управляющего параметра превзойдет критическое, может появиться новый ландшафт – с двумя минимумами (ямками). Вышеупомянутая позиция шарика станет непостоянной, шарик теперь может скатиться в любой из двух минимумов (т. е. имеет место нарушение симметрии). В этой ситуации маленькое колебание решит, в каком направлении будет двигаться шарик. Система может спуститься только в левый или правый минимум, что должно нарушить симметрию.

б) Два параметра порядка. Значение некоторого управляющего параметра в случае двух параметров порядка можно представить в форме ландшафта, изображенного на рис. 1.

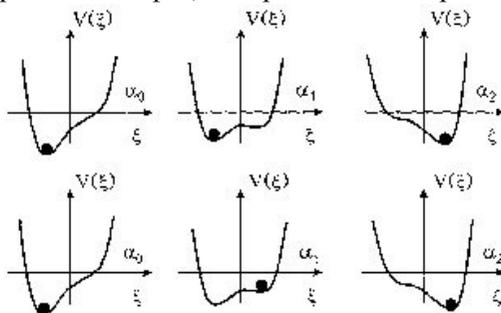

Рис. 1. Визуализация эффекта гистерезиса.

Если посмотреть на верхний ряд рисунка, в левой части мы увидим, что шарик, представляющий состояние параметра порядка, сидит в самой низкой ямке. Средняя часть показывает, как с изменением значения управляющего параметра ландшафт искажается, но шарик все еще сидит в старой позиции.

Наконец, по мере дальнейшего увеличения параметра управления ландшафт приобретает «правую» форму. В правой части ряда изображено, как шарик теперь занял новую позицию, указывающую, что параметр порядка и, таким образом, система в целом изменила свое состояние.

Теперь изменим управляющий параметр в противоположном направлении и проследим это по нижнему ряду рис. 1. Достаточно интересно, что в средней части шарик остается в разной позиции при одном и том же значении управляющего параметра. Мы «делали снимки» состояния системы при одних и тех же (трех) значениях управляющего параметра, однако последовательность, в которой мы задали эти значения, сыграла роль в состоянии системы при промежуточном значении управляющего параметра. Таким образом, состояние системы зависит от ее истории – из каких предыдущих состояний пришла система к настоящему состоянию.

Для одного и того же значения управляющего параметра существуют два возможных состояния. Такая двойственность перспектив в развитии системы и задержка, инерционность системы в переходе к качественно другому состоянию называется гистерезисом и появляется как раз потому, что существуют два, а не один параметр порядка. Другим примером двух параметров порядка являются колебания системы в пределах некоторых значений, называемые ограниченными циклами. В социальных науках легко найти множество систем, демонстрирующих явления гистерезиса и ограниченные циклы.

в) Три параметра порядка. В случае трех параметров порядка ситуация может быть подобна ситуации с двумя параметрами порядка, т. е. существованию фиксированных точек, но могут появляться и ограниченные циклы. Наконец, и это очень важно, когда есть три параметра порядка, они могут также демонстрировать совершенно неправильное движение, называемое детерминированным хаосом (рис. 2).

В этом случае три параметра порядка изменяются необычным способом. Здесь становится очевидной проблема предсказуемости системы. Тогда говорят о чувствительности к начальным условиям. Механический пример для этой чувствительности к начальным условиям дает небольшой стальной шар, которому позволяют скатиться по почти вертикальному лезвию бритвы.

Совершенно ясно, что в зависимости от позиции центра тяжести стального шара и наклона лезвия бритвы траектории движения будут совершенно разными.

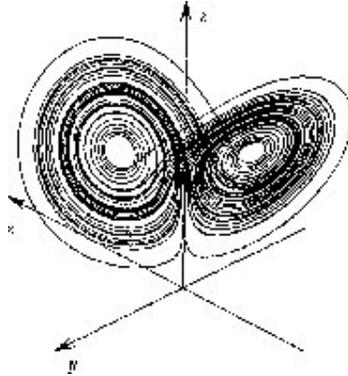

Рис. 2. Знаменитый аттрактор Лоренца.

Изменение состояния трех параметров порядка показано с помощью кривой в трехмерном пространстве с параметрами порядка x , y , z .

Точка, характеризующая параметры порядка, движется по указанной кривой и переходит нерегулярным образом из левого к правому круговому движению.

В одном случае траектория будет идти налево, в другом случае – направо. Если мы визуализируем механизм, по которому стальной шар снова и снова скатывается, мы можем обнаружить ряд траекторий, которые в каждом случае принимают разную форму. Таким образом, мы получаем представление о хаотическом движении. В контексте этой статьи подчеркнем, что это механическое изображение служит только для визуализации, но само хаотическое поведение параметров порядка опирается на математические, т. е. абстрактные отношения.

4. Пример: язык

Чтобы найти параметры порядка, мы руководствуемся базисной идеей (упомянутой выше) о том, что параметры порядка изменяют свое значение медленно, в то время как подчиненные части изменяются быстро. Так как язык нации живет, конечно, намного дольше, чем любой человек, этот язык – кандидат на параметр порядка, и мы ясно здесь видим связь между параметрами порядка и подчиненными ему людьми. Когда рождается младе-

нец, он, скорее всего, будет расти в среде языка его или ее родителей. В терминологии синергетики младенец подчиняется языку и затем несет его далее в себе, когда вырастает.

Здесь мы видим типичный эффект круговой причинной связи. Язык поработает человека, а индивидуум несет язык в себе, можно даже сказать, что сотрудничество людей делает дальнейшее существование языка возможным. Это – типичное поведение субъектов и параметров порядка в синергетике. Язык имеет и другие свойства параметров порядка, а именно, может быть конкуренция между языками, так, как это случилось в более ранние времена между английским языком и немецким в Соединенных Штатах, где, в конечном счете, победил английский язык.

Бывает сосуществование языков, как, например, в Швейцарии, где имеется несколько языков; или сотрудничество между обычным языком и научным языком, где существование научного языка стало возможным за счет одного современного и/или даже нескольких древних языков, типа латинского и греческого.

Язык служит не только для связи, он может стать характерной особенностью группы и может стать даже секретным языком для определенной субкультурной или даже преступной группы. Детальное изучение некоторых языков (типа высокого языка и диалектов) методами синергетики проводилось группой ученых под руководством Wildgen.

Общие результаты синергетики могут использоваться также для обсуждения того, как появились языки или их разнообразие. Для этого мы должны изучить формирование параметров порядка более подробно. Как показано в синергетике, параметры порядка могут появляться или изменять свои значения при изменении управляющего параметра. При определенных условиях наблюдаются критические колебания, конкретно означающие способ генерации новых параметров порядка – снова и снова для случайных событий – которые временно существуют, растут и пропадают в ходе конкуренции друг с другом. При еще более благоприятных условиях эта конкуренция обостряется, и один из параметров порядка выигрывает соревнование. Устанавливается упорядоченное состояние.

Если мы всерьез используем это описание в вопросе о происхождении языков, то приходим к следующим выводам. При благоприятных обстоятельствах, например, при физиологической возможности производить специфические звуки, наши предшественники издавали их сначала случайно. Позже такие звуки могли относиться к некоторым объектам или событиям, как это наблюдается, скажем, в поведении обезьян. Корреляция между звуками и объектами или событиями не могла быть в начале однозначной. Имелась, по-видимому, конкуренция между различными значениями одних и тех же звуков. Со временем корреляция между звуком и значением стала более сильной, и звуки стали более специфическими.

В конечном счете, некоторый набор звуков со специфическими корреляциями с событиями был принят всей группой. Другими словами, установился параметр порядка. Отсюда мы можем описать развитие мозга, языка и, возможно, поведение социальных групп. Но что наиболее интересно в контексте синергетики – так это тот факт, что формирование звуковых систем первоначально основано на случайных событиях. Дальнейшие случайные события могли изменить существовавшие языки, когда группы были отдалены друг от друга. Хорошо известно и в исследованиях развития языков, и во многих типичных синергетических системах, что параметры порядка развиваются по-разному, когда системы подразделены на пространственно отдаленные подсистемы.

Понятие параметров порядка может применяться в лингвистике многими способами. Я приведу два примера: значение слова может рассматриваться как параметр порядка. Как хорошо известно, имеются слова, которые имеют двойное значение (Wildgen [2]). Их значение становится уникальным только в контексте специфического предложения. Например, слово «банка» может быть сосудом для пищи или родительным падежом для организации, выдающей кредиты. В контексте синергетики мы можем сказать, что у таких слов имеется внутренняя симметрия, и что эта симметрия нарушается при использовании слова в предложении, внутри которого это слово содержится, т. е. нарушается контекстом. Таким образом, мы можем представить понимание текста как создание

иерархии параметров порядка посредством последовательности нарушения симметрии.

Иногда в некоторых шутках, по крайней мере, нарушение симметрии происходит в конце предложения, что и обеспечивает наше удивление через непредвиденную интерпретацию или связь. Понятие параметров порядка помогает также понимать процесс исправления ошибок, например, опечаток букв в слове. Фактически такие ошибки могут быть исправлены так называемой ассоциативной памятью, которая, в свою очередь, может быть реализована синергетическим компьютером, действие которого мы опишем вкратце ниже. Как мне кажется, понятие параметров порядка позволяет избегать проблемы «ветвления» решений, которые могут стать настолько сложными, что не смогут обрабатываться любым компьютером или человеком. Здесь нужны другие понятия, и ниже я дам пример того, как с такими сложными системами можно иметь дело посредством синергетического компьютера.

5. Параметры порядка в социологии

Следуя опять идее о том, что параметры порядка отличаются от подчиненных частей по масштабу времени действия, мы приходим к списку, приведенному в табл. 1.

Таблица 1

Параметры порядка	Части
Язык	Человеческие личности
Государство	Человеческие личности
Культура	Человеческие личности
Законы	Человеческие личности
Ритуалы	Человеческие личности
Табу	Человеческие личности
Мода	Человеческие личности
Групповая	Сотрудники
Научные парадигмы	Ученые, студенты
Национальный	Люди
Экономика	Участники
Этика	Люди

Я думаю, что эти связи более или менее очевидны, поэтому в контексте этой статьи я бы хотел обсудить более подробно только несколько случаев. В теории науки понятие парадигмы в смысле, предложенном Thomas S. Kuhn [3], играет важную роль. В интерпретации синергетики, парадигмы есть нечто иное, как параметры порядка. Они генерируются спонтанно. Сначала они могут даже конкурировать до тех пор, пока победившая парадигма заменит предыдущую.

Как только научная парадигма установлена, она принимается учеными и студентами; они работают под этой парадигмой и находятся в ее подчинении.

Ограниченный объем статьи не позволяет мне здесь углубиться в этот интересный случай более подробно. Национальный характер может также рассматриваться как параметр порядка, по этому поводу я обращаю особенное внимание на статью Bateson [4], хотя Bateson, конечно, не был знаком с понятием параметров порядка. Интересно отметить, что Bateson намеренно описывает национальный характер набором противопоставляемых свойств, например, «властные» и «послушные». В экономике Adam Smith представил концепцию «направляющей (управляющей) руки». Эта направляющая рука, конечно, нечто иное, как параметр порядка, что можно даже показать математически. Но это требует, чтобы экономика была управляемой.

6. Конкуренция параметров порядка

Принцип конкуренции параметров порядка мы обычно иллюстрируем на примере подогреваемой жидкости, в которой бурление происходит в виде завихрений жидкости. Сначала мы имеем состояние жидкости в форме двух противоположно направленных завихрений. Каждый из этих циркулирующих паттернов управляется специфическим параметром порядка. По мере развития начального состояния, начинается конкуренция между параметрами порядка, и побеждает параметр порядка, который относится к более сильной циркуляции. Это приводит к тому, что победившее завихрение заставляет все больше жидкости циркулировать («бурлить») в этом направлении. Тем самым, после того,

как один параметр порядка выиграл соревнование, он порабощает систему в целом. Другими словами, частично упорядоченная система была приведена в полностью упорядоченное состояние через этап конкуренции параметров порядка. Наше описание может легко быть обобщено на модели нескольких завихрений жидкости, циркулирующих изначально в различных (более двух) направлениях и их параметров порядка.

Конкуренция параметров порядка и упорядочивание системы за счет доминирования одного из них характерна для многих социальных и психологических процессов – таких, как общественные настроения, мода, принятие правил и обычаев или распознавание образов.

Что происходит в процессе распознавания образов? Мы утверждаем, что точно то же самое, а именно, некоторые черты лица, подобно носу и глазам, можно показать человеческому мозгу или компьютеру, чтобы определить исходное состояние этого образа. Вычисляется соответствующий параметр порядка, который конкурирует со всеми другими параметрами, выигрывает соревнование и дополняет особенности образа, заданные в начале эксперимента, другими особенностями, характеризующими образ в целом. Таким образом может быть распознано лицо и даже добавлена фамилия, если это требуется [5].

Всю процедуру можно привести в математическую форму (алгоритм). Например, если представлен ряд лиц (или других образов), возможен процесс распознавания образа, нахождения нужного лица, где часть лица представлена как вектор, сравниваемый с образцом [6]. Обратите внимание, что процесс распознавания использует все сохраненные образы одновременно. Также легко можно распознать зашумленные образы.

Очевидными становятся другие возможности – например, автоматическое исправление ошибок в словах с помощью компьютера. Синергетический компьютер может также обучаться распознаванию выражения лица, и может также работать с гистерезисом (рис. 1), особенно на неоднозначных образах. На рис. 3 приведен известный пример неоднозначного образа – известная игра восприятия «Ваза или лица?» В одном случае распознается ваза, но постепенно восприятие изменяется и уступает восприя-

тию двух лиц. В свою очередь, последнее восприятие далее постепенно изменяется, вновь на рисунке появляется ваза, и так далее.

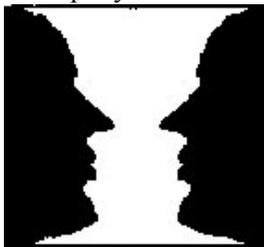

Рис. 3. Известная игра восприятия «Ваза или лица?»

7. От распознавания образов к познанию: принятие решений

Вернемся к идее о том, что зрительное распознавание образа может служить метафорой для понимания человеческих когнитивных способностей. Типичная проблема, встающая перед людьми – принятие решений. Мы встречаемся с ней в нашей личной ежедневной жизни, также как и в экономике и в организации кампаний. Информация относительно проблемы, по которой мы должны принять решение, как правило, неполна, а проблема часто плохо изложена в математических терминах. Очень часто требуется принять решение в конфликтной ситуации. Каждое решение влечет за собой риск. Процесс принятия решений подразумевает, что существует многоальтернативный выбор и репертуар действий. В изучении этих проблем использовались и количественные, и качественные методы и, конечно, имеется обширная литература по принятию решений. В этом разделе мы хотим поновому посмотреть на эту проблему, проведя аналогию между принятием решений и распознаванием образа. Как правило, существует расхождение между тем, что известно, и тем, что необходимо знать для принятия решения о каком-то действии. В идеальном случае известные данные совпадают с требуемыми данными. Однако, чаще всего известных данных недостаточно.

Чем мы восполняем неизвестные данные? Наша основная идея в том, что мы часто полагаемся на подобие между данной ситуацией и предыдущей ситуацией, из репертуара которых мы

должны выбирать. Но поиск сходства – это как раз распознавание образа, подобно тому, как описано выше, возможно, на более высоком когнитивном уровне. <...>

В распознавании образа, как и в принятии решений, мы можем идентифицировать единственный образ или решение, соответственно. Но в ряде случаев мы колеблемся между двумя или более образами, или между двумя или более решениями. Эти колебания, как известно, не так уж необычны в нашей повседневной жизни, и здесь мы опять можем увидеть фундаментальный механизм человеческих когнитивных способностей.

Возникает очень важная аналогия, если вспомнить эффект гистерезиса, на который мы натолкнулись в исследованиях распознавания образа (см. рис. 1). Появление этого эффекта в принятии решений означает следующее: человек продолжает делать то, что он делал в последний раз даже при изменении обстоятельств.

Аналогию между распознаванием образа и принятием решений можно далее продолжить, если вспомнить наши компьютерные эксперименты по распознаванию картинок, составленных из нескольких лиц. Как только часть картины была распознана, наше внимание переходит на другие объекты.

В ходе принятия решения многоальтернативный выбор соответствует ситуации со сложными картинками и концентрацией внимания, которая была при распознавании образа: первый выбор мы делаем на основе того, что находится в фокусе нашего внимания. Когда мы сталкиваемся с неудачей выбора, параметр внимания относительно этой попытки принимает значение ноль.

Затем мы делаем новую попытку, основанную опять-таки на концентрации нашего внимания на другом объекте, и так далее. В зависимости от нашего предыдущего опыта может существовать иерархия параметров внимания, с помощью которых осуществляются психические процессы, начиная с самого высокого уровня восприятия.

Суммируя эти идеи, мы можем сказать следующее: описанные механизмы распознавания образа могут транслироваться в подобные же механизмы принятия решений.

Это может быть выполнено не только на качественном уровне, но также количественно, на уровне компьютерных алго-

ритмов по аналогии с синергетическим компьютером. Совершенно очевидно, что наш анализ ни в коем случае нельзя считать полным, не меньшую важность могут иметь и другие аналитические стратегии. Здесь нужно упомянуть модели искусственного интеллекта и особенно экспертные системы. Обсуждаемая здесь проблема усложняется, когда возможные решения и объекты становятся чрезвычайно многочисленными, а принятие решений, в конечном счете – очень трудным. Мы полагаем, что эта проблема ветвления решений может быть также решена с помощью предложенного выше подхода, потому что, как и при распознавании образца, в параллельных процессах также выявляются параметры порядка.

Литература

1. *Haken H.* Синергетика, An Introduction. – Berlin: Springer, 1983.
2. *Wildgen W.* Ambiguity in linguistic meaning in relation to perceptual multi-stability, in: *Ambiguity in Mind and Nature*, P. Kruse, M. Stadler (eds.). – Berlin: Springer, 1995.
3. *Kulin T.S.* *The Structure of Scientific Revolution*, University of Chicago Press, Chicago, 1970.
4. *Bateson G.* Morale and national character, in civilian morale. Society for the Psychological Study of Social Issues. Second Yearbook, ed. Goodwin Watson, Boston: Houghton, Mifflin Co. (for Reynal and Hitchcock, New York), 71, 91, 1944.
5. *Kohonen T.* *Associative Memory and Self-Organization*, 2nd. ed. – Berlin: Springer, 1987.
6. *Haken H.* *Synergetic Computers and Cognition*. – Berlin: Springer, 1991.

В.С. СТЕПИН

Вячеслав Семенович Степин – доктор философских наук, профессор, академик РАН. Работает в области теории познания, философии и методологии науки, философской антропологии и философии культуры, истории науки. Окончил отделение философии исторического факультета Белорусского государственного университета. С 1959 г. – на преподавательской работе этого университета: ассистент, преподаватель, доцент кафедры философии; с 1974 г. – на кафедре философии гуманитарных факультетов: доцент, профессор, в 1981 – 1987 гг. – заведующий кафедрой. В 1987 г. избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, а в 1994 г. – академиком Российской академии наук. Организатор и руководитель крупных совместных проектов с зарубежными университетами и научными центрами (США, ФРГ, Франции, Китая) по проблемам философии науки и техники, глобализации и базисных ценностей культуры.

В.С. Степин

САМОРАЗВИВАЮЩИЕСЯ СИСТЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ*

1. Традиционалистский и техногенный типы цивилизационного развития

В истории человечества, после того как оно вышло из стадии варварства и дикости, существовало множество цивилизаций – конкретных видов общества, каждое из которых имело самобытные черты. Известный историк и философ А. Тойнби выделил и описал 21 цивилизацию. Все они могут быть разделены на два больших класса соответственно типам цивилизационного развития – на традиционные общества и техногенные цивилизации.

Два последних столетия человеческой истории определял прогресс техногенной цивилизации, которая активно завоевывала себе все новые социальные пространства. Этот тип цивилизационного развития сформировался в европейском регионе в эпоху становления раннего капитализма. Его часто называют западной цивилизацией. Но, учитывая, что он реализуется в различных вариантах как на Западе, так и на Востоке, я использую его для обозначения понятия «техногенная цивилизация», поскольку ее важнейшим признаком является ускоренный научно-технический прогресс.

Техногенной цивилизации предшествовал исторически первый и более ранний тип цивилизационного развития – традиционное общество. Древняя Индия и Китай, Древний Египет и государство Майя, славянский и арабский мир в средние века и т. д. – все это образцы традиционных обществ. Этот более древний тип

* Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 12–27.

цивилизационного развития сохраняется и после становления техногенной цивилизации. Образцы традиционных обществ можно обнаружить даже в XX столетии, к ним относятся некоторые страны третьего мира, вступающие на путь индустриального развития.

После возникновения техногенной цивилизации традиционные общества вступают с ней во взаимодействие и изменяются под ее влиянием. Многие из них были просто-напросто ею поглощены, другие становились на путь модернизации, постепенно превращаясь в техногенные общества, сохраняя определенные черты самобытности. Таков был путь Японии после реформ Мэйдзи, России, Китая, Аргентины и Бразилии в XX в. и т. д.

Традиционный и техногенный пути развития довольно радикально отличаются друг от друга. Для традиционных обществ характерны замедленные темпы социальных изменений. Инновации как в сфере производства, так и в сфере регуляции социальных отношений допускаются только в рамках апробированных традиций. Прогресс идет очень медленно по сравнению со сроками жизни индивидов и даже поколений. Виды деятельности, средства и цели иногда столетиями не меняются в этих типах цивилизаций. Соответственно в культуре приоритет отдается традициям, канонизированным стилям мышления, образцам и нормам, аккумулирующим опыт предков.

Напротив, в техногенной цивилизации темпы социального развития резко ускоряются, экстенсивное развитие сменяется интенсивным. В культуре высшей ценностью становятся инновации, творчество, формирующие новые оригинальные идеи, образцы деятельности, целевые и ценностные установки. Традиция должна не просто воспроизводиться, а постоянно модифицироваться под влиянием инноваций.

Главным фактором, который определяет процессы изменений социальной жизни, становится развитие техники и технологии. Так возникает развитие, основанное на ускоряющемся изменении предметной среды, непосредственно окружающей человека. В свою очередь активное обновление предметной среды приводит к ускоряющимся трансформациям социальных связей людей. В техногенной цивилизации научно-технический прогресс

постоянно меняет типы общения и формы коммуникации людей, в ней на протяжении жизни одного поколения могут радикально трансформироваться система социальных связей, виды деятельности, их средства и ценностно-целевые структуры.

Возникновение техногенной цивилизации было подготовлено рядом мутаций традиционных культур. Первая мутация произошла в античную эпоху и была связана с культурой античного полиса, который, хотя и принадлежал к традиционным обществам, был особым их видом. Полис породил множество цивилизационных изобретений, но важнейшими предпосылками для будущего прогресса было возникновение теоретической науки и опыта демократической регуляции социальных отношений.

Второй значимой мутацией в истории традиционных культур, которая впоследствии оказала воздействие на становление техногенной культуры, было возникновение христианской традиции со свойственным ей пониманием человека как созданного по образу и подобию Бога, с культом любви к человекобогу Христу, с трактовкой человеческого разума как малой копии божественного разума, способного понять замысел божественного творения.

Синтез достижений античной культуры и христианской культурной традиции в эпоху Ренессанса и последующее развитие этих идей в эпоху Реформации и Просвещения сформировали систему ценностей техногенной цивилизации, ее мировоззренческих ориентиров. Они составляют своего рода «культурную матрицу», нечто вроде генома данного типа цивилизации, обеспечивающего воспроизводство и развитие социальной жизни на определенных основаниях. Они выражены в новом осмыслении того, что есть человек, природа, пространство и время, космос, мысль, человеческая деятельность, власть и господство, совесть, честь, труд и т. п.

Системы фундаментальных ценностей и мировоззренческих ориентиров, составляющие основания культуры, могут модифицироваться и варьироваться в различных видах общества, в различных национальных культурах, сохраняя тем не менее ряд общих признаков в качестве глубинного инварианта, характерного для соответствующего типа цивилизационного развития.

В системе ценностных приоритетов техногенной культуры человек понимался как активное существо, которое находится в деятельном отношении к миру. Деятельность человека должна быть направлена вовне, на преобразование и переделку внешнего мира, в первую очередь природы, которую человек должен подчинить своей власти.

Идея преобразования мира и подчинения человеком природы была доминантой в культуре техногенной цивилизации на всех этапах ее истории вплоть до нашего времени. Если угодно, эта идея была важнейшей составляющей того «генетического кода», который определял само существование и эволюцию техногенных обществ.

Что же касается традиционных обществ, то здесь деятельностное отношение к миру понималось и оценивалось с принципиально иных позиций.

Принципу преобразующего деяния, сформулированному в европейской культуре в эпоху Ренессанса и Просвещения, можно противопоставить в качестве альтернативного принцип древнекитайской культуры «у-вэй», требующий невмешательства в протекание природного процесса. Принцип «у-вэй» (недеяние) понимался как минимальное действие, согласованное с ритмами мира. Для традиционных земледельческих культур подобные принципы играли важную регулирующую роль. Они ориентировали на приспособление к внешним природным условиям, от которых во многом зависят результаты земледельческого труда. В китайской культуре хорошо известна притча, высмеивающая человека, который потерял терпение и проявлял недовольство тем, что злаки растут медленно, и, желая ускорить их рост, стал тянуть их за верхушку и в конце концов выдернул их из грядки.

Вместе с тем принцип «у-вэй» определял особый способ включения индивида в социальные структуры, которые традиционно воспроизводились на протяжении жизни ряда поколений. Он выражал установку на адаптацию к сложившейся социальной среде, исключал стремление к ее целенаправленному преобразованию, требовал самоконтроля и самодисциплины индивида, включающегося в ту или иную корпоративную структуру.

Ценности техногенной культуры задают принципиально иной вектор человеческой активности. Преобразующая деятельность рассматривается здесь как главное предназначение человека. Причем деятельно активный идеал отношения человека к природе распространяется и на сферу социальных отношений, рассматриваемых в качестве особых социальных объектов, которые может и должен целенаправленно преобразовывать человек.

С пониманием деятельности тесно связан второй аспект ценностных и мировоззренческих ориентаций, который характерен для культуры техногенного мира, – понимание природы как упорядоченного, закономерно устроенного поля, в котором разумное существо, познающее законы природы, способно осуществить свою власть над внешними процессами и объектами, поставить их под свой контроль. При этом неявно предполагалось, что природа – неисчерпаемая кладовая ресурсов, из которой человек может черпать бесконечно. Надо только искусственно изменить природный процесс и поставить его на службу человеку, и тогда укрощенная природа будет удовлетворять человеческие потребности во все расширяющихся масштабах. Людям, воспитанным в системе ценностей техногенной культуры, долгое время такое понимание природы казалось самоочевидным, но люди традиционных обществ никогда не приняли бы его в качестве смыслового ориентира. Они не противопоставляли себя природному миру и не рассматривали его как обезличенный, управляемый объективными законами: мир воспринимался ими как живой организм, дуально не расчленяемый на природный и человеческий, а составляющий органически целое, все части которого скорректированы и влияют друг на друга. В древнекитайской традиции даже считалось, что безнравственное поведение властителей способно вызвать природные катаклизмы. А поэтому засухи, наводнения и землетрясения часто воспринимались как свидетельства неправильного правления и могли служить поводом для народных восстаний.

В качестве третьего важнейшего компонента в системе ценностных приоритетов техногенной цивилизации можно выделить идеал автономии личности. Деятельность и активность человека рассматриваются как реализация творческих возможностей

свободной личности. Коллективный субъект деятельности с позиций этого идеала должен предстать в качестве результата соглашения суверенных личностей.

В традиционных культурах ценность индивида и личных свобод либо вообще не выдвигалась, либо уходила на второй и третий планы в иерархии ценностей. Личность в традиционных обществах реализовывалась только через принадлежность к некоторой корпорации и чаще всего жестко закреплялась в той или иной социальной общности.

Человек, не включенный в корпорацию, утрачивал качества личности. Причем ему представлялось совсем немного возможностей свободно изменить свою корпоративную связь. Подчиняясь традициям и социальным обстоятельствам, человек зачастую уже с рождения был закреплен за определенным местом в кастово-сословной системе, ему предстояло усвоить определенный тип профессиональных навыков, продолжая эстафету традиций.

Что же касается техногенной цивилизации, то в ней доминируют иные идеалы – возможность индивида включиться в самые различные социальные общности и корпорации. Человек становится суверенной личностью именно благодаря тому, что он жестко не привязан к той или иной конкретной социальной структуре, не срощен с ней, а может и способен гибко строить свои отношения с другими людьми, погружаясь в различные социальные общности, а часто в разные культурные традиции.

В качестве четвертого важнейшего компонента культурной матрицы техногенных обществ следует отметить особое понимание власти и господства над природными и социальными обстоятельствами.

Пафос преобразования мира порождал особое отношение к идеям господства силы и власти. В традиционных культурах они понимались прежде всего как непосредственная власть одного человека над другим. В патриархальных обществах и азиатских деспотиях власть и господство распространялись не только на подданных государя, но и осуществлялись мужчиной, главой семьи, над женой и детьми, которыми он владел так же, как царь или император телами и душами своих подданных.

Традиционные культуры не знали автономии личности и идеи прав человека. Как писал А.И. Герцен об обществах древнего Востока, человек здесь «не понимал своего достоинства; оттого он был или в прахе валяющийся раб, или необузданный деспот» [1].

В техногенном мире также можно обнаружить немало ситуаций, в которых господство осуществляется как сила непосредственного принуждения одного человека другим. Однако отношения личной зависимости перестают здесь доминировать и подчиняются новым социальным связям, которые К. Маркс назвал отношениями вещной зависимости. Их сущность определена всеобщим обменом результатами деятельности, приобретающими форму товара.

Власть и господство в этой системе отношений предполагают владение капиталом и присвоение товаров (вещей, человеческих способностей, информации как товарных ценностей, имеющих денежный эквивалент). В результате в культуре техногенной цивилизации происходит своеобразное смещение акцентов в понимании предметов господства силы и власти – от человека к произведенной им вещи. В свою очередь эти новые смыслы легко соединялись с идеалом деятельностно-преобразующего предназначения человека.

Сама преобразующая деятельность расценивается как процесс, обеспечивающий власть человека над предметом, господство над внешними обстоятельствами, которые человек призван подчинить себе.

Пятой важной составляющей в интересующей нас системе ценностей техногенной цивилизации является особая ценность научной рациональности, научно-технического взгляда на мир, ибо научно-техническое отношение к миру является базисным для его преобразования. Оно создает уверенность в том, что человек способен, контролируя внешние обстоятельства, рационально-научно освоить природу, а затем обустроить и саму социальную жизнь.

Все эти мировоззренческие установки конкретизировались в целом ряде смыслов других ценностей и менталитетов техногенной культуры – в отношении к инновациям, творчеству и про-

грессу как высшим ценностям, в понимании и переживании времени как необратимого движения от прошлого через настоящее в будущее, в представлениях о свободе, добре и зле, добродетели и труде и т.д.

Успехи техногенной цивилизации в технико-технологических инновациях, в улучшении образа жизни людей, в ее победоносном шествии по всей планете порождали представление, что именно она является магистральным путем развития человечества. Еще пятьдесят лет назад мало кто полагал, что сама линия техногенного прогресса и ее система ценностей приведут человечество к критическим рубежам, что резервы цивилизационного развития этого типа могут быть исчерпаны.

Это обнаружилось только во второй половине нашего столетия, когда глубочайшие глобальные кризисы (экологический, энергетический, демографический и т.д.) заставили критически отнестись к прежним идеалам прогресса.

Сейчас в мире идет напряженный поиск новых путей развития, новых человеческих ориентиров. Поиск осуществляется в различных областях человеческой культуры – в философии, искусстве, религиозном постижении мира, в науке. Речь идет о фундаментальных основаниях человеческого бытия, о выработке новых ценностей, которые призваны обеспечить стратегию выживания и прогресса человечества. Необходим пересмотр прежнего отношения к природе, идеалов господства, ориентированных на силовое преобразование природного и социального мира, необходима выработка новых идеалов человеческой деятельности, нового понимания перспектив человека.

Предпосылки для новой мировоззренческой ориентации создаются сегодня внутри самой техногенной цивилизации, на переходе ее от индустриального к постиндустриальному развитию.

Можно констатировать, что в современных философских и социальных исследованиях уже не раз высказывалась мысль о необходимости осознать нашу ответственность за сохранение природы и существование человечества, изменить наше отношение к окружающей человека сфере жизни на Земле. Эти идеи разрабатывались еще в исследованиях Римского клуба. Известны также разработки экологической этики, в рамках которой наибо-

лее радикальные направления провозглашают отказ от идеала господства человека над природой. Выдвигается альтернативный идеал, согласно которому мы не должны относиться с позиций превосходства к животным и растениям, видеть в них только средство нашего жизнеобеспечения. Эти мысли о новой этике имеют немало сторонников. Из западных авторов я бы выделил работы Б. Калликотта, Р. Атфильда, Ф. Метьюз, Б. Дивола и Д. Сеженса [2–5]. И конечно же, в качестве первоисточника справедливо упомянуть идеи А. Швейцера [6] о благоговении перед жизнью. Сегодня предпринимаются попытки расширить понимание категорического императива, применяя его не только в сфере нравственных отношений людей, но и в отношениях человека к живой природе.

Но здесь возникает проблема, связанная с возможностями укоренения новых мировоззренческих образов и этических регулятивов в массовом сознании. Ведь они во многом ориентируют на созерцательное отношение к природе, свойственное скорее традиционным, чем техногенным культурам. Идеи новой этики, инициированные угрозой грядущей экологической катастрофы, если им не найти альтернативных тенденций в современном научно-техническом развитии, могут интерпретироваться как требование ограничить извне это развитие и даже отказаться от него. Рассуждения о новом отношении к природе сопровождаются у большинства исследователей и интеллектуалов, отстаивающих идеи новой этики, ссылками на опыт традиционных восточных культур, на бережное отношение к природе, свойственное традиционным обществам. Но возврат к традиционалистскому типу развития невозможен. Он мог обеспечить жизненными благами лишь небольшое население земли. В эпоху Ренессанса, когда готовился старт техногенной цивилизации, на всей Земле жило 500 миллионов человек, а сейчас их 6 миллиардов, и без современных технологий невозможно даже минимальное жизнеобеспечение населения планеты. Кроме того, не следует забывать, что бережное отношение к природе, благоговение перед ней в традиционных культурах сопрягалось с определенным пренебрежением к человеку, жизнедеятельность которого в шкале ценностных приоритетов была как бы на вторых ролях. Поэтому, когда мы говорим о

возможностях потенциала восточных культур, отношение к нему должно быть избирательным, а свойственная западной цивилизации приоритетная ценность человека, его духа и его деятельности, судя по тенденциям постиндустриального развития, должна не только сохраниться, но и обрести новые измерения.

Я думаю, что наше будущее отношение к природе не сведется к созерцанию ее и адаптации к ней. Человек по-прежнему будет видоизменять природу. Весьма вероятно, что преодоление экологического кризиса будет связано не с сохранением дикой природы в планетарных масштабах (что уже сегодня невозможно без резкого, в десятки раз, сокращения населения Земли), а с расширяющимся окультуриванием природной среды. В этом процессе важную роль будут играть не только природоохранные меры, направленные на сохранение тех или иных естественных локальных экосистем, но и искусственно созданные биосферные, обеспечивающие необходимые условия устойчивости биосферы. Вполне возможно, что в этом благоприятном для человечества сценарии окружающая нас природная среда все больше будет аналогичной искусственно созданному парку или саду и уже не сможет воспроизводиться без целенаправленной деятельности человека.

И в этом будет состоять предназначение человека, который так изменил облик планеты, что стал реальной силой, определяющей сохранение биосферы. В принципе эти идеи высказывали русские философы-космисты. Они были развиты в работах В.И. Вернадского.

В философии русского космизма было два направления: религиозное (Н. Федоров) и научное (Н. Холодный, К. Циолковский, А. Чижевский, В. Вернадский). В обоих можно найти критику свойственного западной, техногенной цивилизации идеала деятельности, нацеленного на эксплуатацию природы, сугубо технологическое к ней отношение. Русские философы писали о возможных катастрофических последствиях такой деятельности, предсказывая глобальную экологическую катастрофу задолго до того, как обозначились реальные признаки экологического кризиса. Но предлагаемые в русском космизме проекты будущего не отбрасывали западную традицию – ценность творческой лично-

сти, научной рациональности и др. Идеалом философии космизма было объединение человечества в планетарном масштабе, коэволюция человека и природы, управление природой как особым организмом, в который включен человек. Идеи Вернадского о биосфере и ноосфере перекликались не только с идеями Леруа и Шардена, но и с идеями восточных культур о связи истины и нравственности, о самоограничении и самовоспитании как условии эффективной деятельности человека.

2. Тенденции современного научно-технического развития как предпосылка новых ценностей

В системе ценностей и мировоззренческих образов техногенной (западной) культуры человек рассматривается как противостоящий природе, вектор его активности направлен вовне, на преобразование мира. Восточная традиционалистская система ценностей полагает человека включенным в организм природы, как бы растворенным в ней; вектор человеческой активности ориентирован не столько вовне, сколько вовнутрь, на самовоспитание, самоограничение, включение в традицию.

Я думаю, что синтез этих двух противоположных представлений будет связан с корреляцией, взаимной зависимостью этих двух векторов. Это будет не западная и не восточная система ценностей, а нечто третье, синтезирующее достижения современной техногенной культуры и некоторых идей традиционных культур, обретающих сегодня новое звучание.

Предпосылки такого синтеза возникают не только благодаря осознанию опасности глобальной экологической и антропологической катастрофы, угрозы прядущего апокалипсиса, осознанию, стимулирующему поиск новых ценностей и этических регулятивов деятельности. Эти предпосылки порождаются также и современными тенденциями научно-технического развития, которое составляет один из базисных компонентов всей современной цивилизации.

Не отрицая ценности идей новой этики, я предлагаю посмотреть на них с иной точки зрения, увязать их с происходящими внутри самого техногенного развития изменениями типа науч-

ной рациональности и стратегий технологической деятельности. Эти стратегии связаны с освоением принципиально новых типов объектов, которые представляют собой сложные саморазвивающиеся системы. Среди них главное место занимают человекоразмерные системы, включающие человека в качестве своего особого компонента. Образцами таких систем выступают: биосфера как глобальная экосистема, биогеоценозы, объекты современных биотехнологий, социальные объекты, системы современного технологического проектирования. Сегодня в социальных и производственных технологиях все чаще проектируются не просто техническое устройство и даже не система «техническое устройство – человек», а целостный комплекс, выступающий как сложная развивающаяся система: «техническое устройство – человек» плюс особенности природной среды, в которую будет внедряться соответствующая технология, плюс особенности социокультурной среды, принимающей данную технологию.

Стратегия деятельности с саморазвивающимися системами неожиданным образом порождает переключку между культурой западной цивилизации и древними восточными культурами. И это очень важно, если иметь в виду проблемы диалога культур как фактора выработки новых ценностей и новых стратегий цивилизационного развития. Долгое время наука и технология в новоевропейской культурной традиции развивалась так, что они согласовывались только с западной системой ценностей. Теперь выясняется, что современный тип научно-технологического развития можно согласовать и с альтернативными и казалось бы чуждыми западным ценностям мировоззренческими идеями восточных культур.

Прежде всего следует сказать о тех принципиально новых идеях современной научной картины мира, которые касаются представлений о природе и взаимодействии с ней человека. Эти идеи уже не вписываются в традиционные для техногенного подхода понимания природы как косного мира, безразличного к человеку, и отношение к природе как к «мертвому механизму», с которым можно экспериментировать и который можно осваивать по частям, преобразовывая его и подчиняя человеку.

В современной науке сформировалось новое видение при-

родной среды, в которой протекает жизнедеятельность людей. Природа начинает рассматриваться не как конгломерат качественно специфических объектов и даже не как механическая система, но как целостный живой организм, преобразование которого человеком может проходить лишь в определенных границах. Нарушение этих границ приводит к изменению системы, ее переходу в качественно иное состояние, могущее вызвать необратимую деградацию системы, исчезновение многих биогеоценозов и гибель человечества.

Вплоть до середины XX столетия такое «организмическое» понимание окружающей человека природы воспринималось бы как своеобразный атавизм, возврат к полумифологическому сознанию, не согласующемуся с научными идеями и принципами. Но после того, как сформировались и вошли в научную картину мира представления о живой природе как сложном взаимодействии экосистем, после становления и развития идей В.И. Вернадского о биосфере как целостной системе жизни, взаимодействующей с неорганической оболочкой Земли, после развития современной экологии, это новое понимание непосредственной сферы человеческой жизнедеятельности как организма, а не как механической системы, стало научным принципом, обоснованным многочисленными конкретными теориями и фактами.

Весьма показательны, что все эти новые мировоззренческие идеи, возникшие в западной культуре второй половины XX в. и опирающиеся на современные научные представления об окружающей человека природной среде, перекликаются с мировоззренческими установками восточных культур.

Представления о мире как едином организме, все части которого влияют друг на друга, можно обнаружить практически во всех традиционных космологиях Востока. В этих культурах полагался идеал внутреннего единства и гармонии человека и природы. Это единство выражал принцип даосизма и конфуцианства «одно во всем и все в одном» и буддийское учение о дхарме, где все элементы дхармы полагались равносильными и связанными между собой. Мир не воспринимался здесь как дуально разделенный на природный и человеческий мир, а рассматривался как целостный организм, части которого находятся в своеобразной ре-

зонансной связи между собой. «Все пронизывает единый путь – *dao*, все связано между собой. Жизнь едина, и стремление каждой ее части должно совпадать со стремлением целого» [7].

Человек, включенный в мир, должен ощутить мировой ритм, привести свой разум в соответствие с «небесным ритмом», и тогда он сможет постичь природу вещей и услышать «музыку человечества» [8]. Сама идея ритмов мира, их воздействия друг на друга, включая и ритмы человеческой жизнедеятельности, для европейского ума долгое время представлялась не имеющей серьезной опоры в научных фактах, казалась чем-то мистическим и рационально невыразимым. Однако в современной научной картине мира, ассимилирующей достижения синергетики, формируются новые понимания о взаимодействии частей целого и о согласованности их изменений. Выясняется, что в сложных исторически развивающихся системах особую роль начинают играть несиловые взаимодействия, основанные на кооперативных эффектах. Для открытых, самоорганизующихся систем такие взаимодействия выступают конституирующим фактором. Именно благодаря им система способна переходить от одного состояния самоорганизации к другому, порождая новые структуры в процессе своей эволюции.

Кооперативные свойства прослеживаются в самых различных саморегулирующихся системах, состоящих из очень большого числа элементов и подсистем. Их можно обнаружить, например, в поведении плазмы, в когерентных излучениях лазеров, в морфогенезе и динамике популяций, в экономических процессах рыночного саморегулирования [9].

Например, при определенных критических порогах энергетической накачки лазера возникает эффект испускания световой волны атомами: они действуют строго коррелятивным образом, каждый атом испускает чисто синусоидальную волну, как бы согласуясь с поведением другого излучающего атома, т. е. возникает эффект самоорганизации [10].

Сходные эффекты можно наблюдать в явлениях эмбрионального деления клеток, когда каждая клетка, находящаяся в ткани, получает информацию о своем положении от окружающих клеток и таким образом происходит их взаимосогласованная диф-

ференциация [11]. «В экспериментах, проведенных на эмбрионах, клетка центральной части тела после пересадки в головной отдел развивалась в глаз. Эти эксперименты показали, что клетки не располагают информацией о своем последующем развитии с самого начала (например, через ДНК), а извлекают ее из своего положения в клеточной ткани» [12].

Синергетика обобщает подобные ситуации кооперативных эффектов, полагая их фундаментальными для сложных самоорганизующихся систем. «Резонанс» функционирования частей в таких системах и наличие кооперативных эффектов рассматриваются в качестве одного из важнейших проявлений самоорганизации. Но тогда необходимо иначе понимать и деятельность, связанную с формированием новых структур и состояний сложных развивающихся систем. Стратегии деятельности должны учитывать, что вследствие кооперативных эффектов система может порождать новые структуры при минимальном внешнем воздействии, особенно если она находится в состоянии неустойчивости.

Нетрудно увидеть в этих стратегиях деятельности определенные переключки с идеалом ненасильственных действий и принципом древнекитайской культуры «у-вэй».

Наконец, можно констатировать, что ситуация освоения в познании и практике сложных развивающихся систем по-новому ставит проблему демаркации между истиной и нравственностью, целерациональным и интуитивным действием, которые резко различали западную и восточную культурные традиции.

Известный исследователь древнекитайской науки и культуры Дж. Ниддам справедливо отмечал, что научная революция в Европе окончательно обособила научную истину от нравственности, отчего мир стал более опасным, тогда как в восточных учениях такого обособления никогда не было [13]. Но эта противоположность выглядит иначе в связи с новыми тенденциями в научном познании и технологической деятельности, объектами которых становятся исторически развивающиеся, человекообразные системы.

Не отказываясь от объективного исследования таких систем и их технологического освоения, познающий и действующий субъект вынужден применять особые стратегии деятельности,

учитывающие специфику человекообразных, развивающихся объектов.

Принципиальная невозможность точно просчитать будущие траектории системы в точках бифуркации каждый раз ставит перед действующим субъектом проблему выбора. Важно не попасть в катастрофические для человека траектории, отсекая соответствующие неблагоприятные сценарии развития системы. Ориентирами здесь служат не только знания о возможных сценариях, но и прежде всего ценности и нравственные установки, предохраняющие от необдуманных и опасных действий.

Попутно отмечу, что именно такого рода действия, пренебрегающие нравственными императивами, породили, например, ситуацию Чернобыля.

Необходимость тесной связи истины и нравственности, возникающая при освоении сложных человекообразных систем, неожиданно перекликается с традициями древних восточных культур. В этих культурах полагалось, что для того, чтобы истина открылась человеку, ему необходимо нравственное самовоспитание.

Размышляя о резонансе всех частей космоса, китайские мудрецы считали, что путь в образе *дао* или *неба* регулирует поступки людей. Но *небо* «может и повернуться лицом к человеку, и отвернуться от него». Не случайно китайцы говорят, что «*небо* действует в зависимости от поступков людей» [14]. Стихийные бедствия в древнем Китае воспринимались как свидетельства неправильного правления, как показатель безнравственного поведения властителей, за что *небо* и отворачивается от человека [15].

Конечно, если эти идеи понимать буквально, то они выглядят мистически. Но в них скрыт и более глубокий смысл, связанный с требованием этического регулирования познавательной и технологической деятельности людей (включая технологии социального управления). И в этом, более глубоком смысле они вполне созвучны современным поискам новых мировоззренческих ориентиров цивилизационного развития.

В западной культурной традиции долгое время доминировал идеал истинного знания как самоценности, не нуждающегося в дополнительных этических обоснованиях. Более того, радио-

нальное обоснование полагалось основой этики. Когда Сократа спрашивали, как жить добродетельно, он отвечал, что сначала надо понять, что такое добродетель. Иначе говоря, истинное знание о добродетели задает ориентиры нравственного поведения.

Принципиально иной подход характерен для восточной культурной традиции. Там истина не отделялась от нравственности и нравственное совершенствование полагалось условием и основанием для постижения истины. Один и тот же иероглиф «дао» обозначал в древнекитайской культуре закон, истину и нравственный жизненный путь. Когда ученики Конфуция спрашивали у него, как понимать «дао», то он каждому давал разные ответы, поскольку каждый из его учеников прошел разный путь нравственного совершенствования.

Новый тип рациональности, который сегодня утверждается в науке и технологической деятельности со сложными развивающимися человекообразными системами, резонирует с древневосточными представлениями о связи истины и нравственности. Это, конечно, не значит, что тем самым принижается ценность рациональности, которая всегда имела приоритетный статус в западной культуре. Тип научной рациональности сегодня изменяется, но сама рациональность остается необходимой для понимания и диалога различных культур, который невозможен вне рефлексивного отношения к их базисным ценностям. Рациональное понимание делает возможной позицию равноправия всех «систем отсчета» (базовых ценностей) и открытости различных культурных миров для диалога. В этом смысле можно сказать, что развитые в лоне западной культурной традиции представления об особой ценности научной рациональности остаются важнейшей опорой в поиске новых мировоззренческих ориентиров, хотя сама рациональность обретает новые модификации в современном развитии.

Сегодня во многом теряет смысл ее жесткое противопоставление многим идеям традиционных культур. Новые точки роста создают иную, чем ранее, основу для диалога западной культуры с другими культурами. У человечества есть шанс найти выход из глобальных кризисов, но для этого необходимо осуществить духовную реформу и выработать новую систему ценностей.

Литература

1. *Герцен А.И.* Письма об изучении природы. – М., 1949. – С. 84.
2. *Callicott B.* Conceptual Resources for Environmental Ethics in Asian Tradition of Thought // *Philosophy East and West*, vol. 37, № 2 (April 1987).
3. *Attefield R.* The Ethics of Environmental Concern. New York: Columbia Univ. Press, 1983.
4. *Mathews F.* Conservation and Self-Realisation: A deep ecology perspective// *Environmental ethics*. Athens, 1988. Vol. 10. № 4.
5. *Devall B., Sessions J.* Deep ecology: Living as if Nature mattered. Sott Lak City. 1985.
6. *Schweizer A.* Aus meinem Leben und Denken. Leipzig. 1931; *Schweizer A.* Das Problem der Ethik in Entwicklung des menschlichen Denkens. – In: «Albert Schweizer – Genie der Menschlichkeit». Frankfurt a.M., 1955.
7. Древнекитайская философия. – М., 1972. – Т. 1. – С. 26.
8. *Григорьева Т.П.* Японская литература XX века. – М., 1983. – С. 127.
9. См. подробнее: *Хакен Г.* Синергетика. Иерархия неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. – М., 1985. – С. 19–38.
10. Там же. – С. 26.
11. См. подробнее: *Хакен Г.* Синергетика. Иерархия неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. – М., 1985. – С. 34.
12. Там же.
13. *Ниддам Дж.* Предвестники современной науки // *Курьер ЮНЕСКО*. – 1988. Ноябрь. – С. 8.
14. *Го Юй.* Речи царств. – М., 1987. – С. 298.
15. См.: *Григорьева Т.П.* Японская литература XX века. – С. 128.

Е.Н. КНЯЗЕВА

Князева Елена Николаевна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН (г. Москва), специалист в области синергетики и эволюционной эпистемологии, ученица С.П. Курдюмова, автор серии работ, посвященных философскому анализу оснований и следствий синергетики (теории самоорганизации и эволюции сложных систем).

Е.Н. Князева родилась в Московской области 23 декабря 1959 г. В 1982 г. окончила физический факультет Московского государственного педагогического университета, в 1985 г. – очную аспирантуру в Институте философии АН СССР, с 1985 г. занимается научно-исследовательской работой в этом же Институте, с 1995 г. – в должности ведущего научного сотрудника. В 1986 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Принцип детерминизма в диалектической логике», а в 1994 г. – докторскую по теме «Эволюция научного знания: процессы самоорганизации».

Е.Н. Князева – крупный российский ученый с мировым именем, автор более 140 опубликованных научных работ, в том числе книг и учебных пособий по синергетике, теории самоорганизации, философии науки. Неоднократно приглашалась для работы в ведущих университетах мира: 1993 г. – Университет ДеПо (Грикасл, Индиана, США, Отделение философии и религии; 1996–1998 гг. – Институт теоретической физики и синергетики Университета Штутгарта (Германия), по стипендии Фонда А. фон Гумбольта; 2000 г. – Центр трансдисциплинарных исследований (социология, антропология, история), CETSAN, Париж, Франция, по стипендии от Фонда La Maison des Sciences de l'Homme. Непосредственно Е.Н. Князевой, а также под ее руководством выполнен ряд работ, связанных с решением ключевых проблем синергетики: «Эвристические возможности синергетики в гуманитарном познании» (индивидуальный исследовательский проект, поддер-

жанный фондом Сороса), «Рост населения в мире: математическое моделирование, демография и глобальная безопасность» (коллективный исследовательский проект, грант ИНТАС), «Синергетические модели эволюции» (стипендия фонда Александра фон Гумбольта, Германия), «Многомерность синергетики» (грант РГНФ), «Законы коэволюции сложных систем и будущее человечества (поддержан РФФИ).

Е.Н. Князева является членом Российского философского общества; Немецкого общества по исследованию сложных систем и нелинейной динамики (Deutsche Gesellschaft für Komplexe Systeme und Nichtlineare Dynamik); Ассоциации по исследованию сложного мышления (Association pour la Pensee Complexe), Франция; Исследовательского комитета по социкибернетике (RC 51) при Международной социологической ассоциации; Всемирной федерации исследований будущего (World Futures Studies Federation); Общества по теории хаоса в психологии и науках о жизни (Society for Chaos Theory in Psychology and Life Sciences), США.

С.П. КУРДЮМОВ

Курдюмов Сергей Павлович, выдающийся российский ученый, видный организатор науки, блестящий педагог, специалист в области математического моделирования, математической физики и вычислительной математики, родился 18 ноября 1928 г. в Москве. В 1953 г. закончил физический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности «теоретическая физика». После окончания МГУ был принят на работу в Отделение прикладной математики Математического института им. В.А. Стеклова АН СССР (ныне Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН), где прошел путь от инженера до директора. Вся его творческая жизнь была посвящена развитию науки, пропаганде и внедрению научных результатов и прошла в стенах одного института. Умер С.П. Курдюмов 2 декабря 2004 г., в полном расцвете творческих сил и педагогического таланта.

В 50-е годы институт, в который пришел С.П. Курдюмов, решал важнейшие проблемы, связанные с созданием ракетно-ядерного щита СССР. Сергей Павлович активно включился в исследование ряда актуальных проблем теории горения и взрыва, задач ядерной энергетики. Его учителями были академики М.В. Келдыш, А.Н. Тихонов, А.А. Самарский. В эти годы рождалась новая технология научных исследований – вычислительный эксперимент. Приходилось строить новые физические модели сложнейших процессов в плазме, создавать новые алгоритмы, осваивать первые образцы вычислительной техники. Решенные в то время фундаментальные научные задачи открыли новые горизонты для развития компьютерного моделирования, физики, высоких технологий.

Использование возможностей компьютерного моделирования позволило С.П. Курдюмову исследовать возникновение структур различных типов в плазме. В результате на передний план вы-

шли процессы, связанные с нелинейностью, неравновесностью, самоорганизацией. Было обнаружено, что плазма, в которой возникают диссипативные структуры, обладает многими парадоксальными свойствами. Развитие этих работ позволило предсказать ряд новых физических явлений, которые позже были обнаружены в физическом эксперименте. В частности, авторским коллективом, в который входил Сергей Павлович, был открыт нелинейный эффект образования самоподдерживающегося высокотемпературного слоя газа в нестационарных процессах магнитной гидродинамики. Сейчас эта работа считается классической, а открытый эффект вошел в учебники под названием «эффект T-слоя». Это открытие было зарегистрировано в Государственном реестре открытий СССР в 1968 г. за №55. В том же году С.П. Курдюмов защитил кандидатскую диссертацию, посвященную автомодельным решениям задач газовой динамики типа бегущей волны.

Следующий этап научной деятельности Сергея Павловича связан с проблемами термоядерного синтеза. Работая в кооперации с ведущими физиками страны, Сергей Павлович в эти годы исследует возможность лазерного термоядерного синтеза, связанного с обжатием дейтерий-тритиевой смеси с помощью мощных лазерных пучков. Лично им, а также под его руководством выполнены пионерские расчетно-теоретические работы в области ядерной энергетики, лазерного термоядерного синтеза, лазерной термохимии. С.П. Курдюмовым (совместно с академиком А.А. Самарским) были созданы методики и проведены исследования лазерных термоядерных мишеней средствами вычислительного эксперимента. Эти методики легли в основу концепции низкокоэнтропийного сжатия оболочечных мишеней, общепринятой в настоящее время во всем мире. Во многом благодаря этим работам удалось достичь того уровня понимания и того уровня вычислительного эксперимента, на котором в настоящее время находится мировая наука в этой области.

Одним из ключевых моментов в задачах термоядерного синтеза является профилирование лазерного импульса по времени. Закон этого профилирования имеет принципиальное значение. В частности, предварительные расчеты на упрощенных моделях показали, что если энергия вкладывается в так называемом режиме с

обострением, то необходимые мощности лазеров могут быть уменьшены на несколько порядков. С.П. Курдюмов начинает активно развивать теорию режимов с обострением, т.е. таких режимов, в которых одна или несколько наблюдаемых величин за конечное время возрастают до бесконечности. Эта теория, развитая им и его научной школой, получила мировое признание.

В 1976 г. Сергей Павлович предложил ставшую впоследствии классической модель теории режимов с обострением – модель тепловых структур. Исследование этой модели позволило обнаружить новый эффект – эффект локализации тепла. Оказалось, что в среде с нелинейной теплопроводностью тепло может быть локализовано в течение конечного времени благодаря объемным источникам, воздействиям на границе области, развивающимся в режиме с обострением. Это открыло перед учеными новые возможности, связанные с локализацией термоядерного синтеза.

Вторым свойством модели тепловых структур оказалось наличие конечного спектра пространственно-локализованных тепловых структур, развивающихся в режиме с обострением. В 1979 г. С.П. Курдюмов защитил докторскую диссертацию на тему «Локализация диффузионных процессов и возникновение структур при развитии в диссипативной среде режимов с обострением».

В эти годы в мире широко ведутся исследования, связанные с изучением общих свойств нелинейных, далеких от равновесия открытых систем. В работах нобелевского лауреата И.Р. Пригожина и его научной школы была развита теория стационарных диссипативных структур, в работах Г. Хакена – заложена основа теории самоорганизации, или синергетики. В докладах на международных конференциях С.П. Курдюмов показал, что изучение нестационарных диссипативных структур, развивающихся в режиме с обострением, представляет собой новое оригинальное научное направление, имеющее принципиальное значение и вызывающее огромный интерес в мире.

С.П. Курдюмову принадлежит большой вклад в разработку фундаментальных проблем синергетики и теории нелинейных эволюционных уравнений. С 1983 по 2001 гг. под его руководством и при его непосредственном участии был получен ряд фундаментальных научных результатов в области математиче-

ской физики, нелинейной динамики и синергетики. Были развиты новые методы конструктивного анализа решений широкого класса нелинейных параболических уравнений с источниками и стоками. Научные результаты в этой области нашли отражение, в частности, в монографии «Blow-up in quasilinear parabolic equations» Walter de Gruyter, 1995 (совместно с А.А. Самарским, В.А. Галактионовым и А.П. Михайловым), получившей мировое признание. Был завершен цикл пионерских работ, связанный с анализом диффузионного хаоса и сложной упорядоченности в системах реакция-диффузия. Эти работы оказали большое влияние на развитие исследований по нелинейной динамике в России. Этим исследованиям посвящена монография «Нестационарные структуры и диффузионный хаос». – М., Наука, 1992 (совместно с А.А. Самарским, Т.С. Ахромеевой, [Г.Г. Малинецким](#)); Особое внимание в эти годы было уделено приложению идей синергетики в таких областях, как стратегическое планирование, анализ исторических процессов, моделирование образовательных систем, философские проблемы естествознания. Книги, посвященные этим задачам, в частности «Законы эволюции и самоорганизации сложных систем». – М., Наука, 1994 (совместно с Е.Н. Князевой) и «Синергетика и прогнозы будущего». – М., Наука, 1997 (совместно с С.П. Капицей и [Г.Г. Малинецким](#)). Сборник работ С.П. Курдюмова и его учеников «Режимы с обострением. Эволюция идеи. Законы коэволюции сложных систем». – М., Наука, 1999 г., вызвали большой интерес у научной общественности.

В 1984 г. С.П. Курдюмов был избран членом-корреспондентом АН СССР. С 1989 по 1999 гг. он являлся директором Института прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН. В течение многих лет был президентом Международного компьютерного клуба, вице-президентом Национального комитета по математическому моделированию, членом редколлегии пяти отечественных и международных научных журналов, вел большую работу по подготовке научных кадров, много внимания уделял популяризации научных достижений. С.П. Курдюмов является автором и соавтором более 300 научных работ, опубликованных в России и за рубежом, в том числе пяти монографий, соавтором открытия нового физического эффекта – «эффекта Т-слоя». За свои работы С.П. Курдюмов отмечен правительственными наградами. Он награжден медалями: «За трудовую доблесть» (1956 г.), «За доблестный труд» (1970 г.), орденом «Знак Почета» (1975 г.)

и «Орденом почета» (1999 г.). В 2002 г. был удостоен премии Правительства Российской Федерации в области образования.

Одним из первых в Российской академии наук С.П. Курдюмов понял значение Интернета для сохранения научного потенциала страны, для пропаганды науки, для привлечения в нее молодежи. Его сайт по синергетике <http://spkurdyumov.narod.ru> является одним из крупнейших Интернет-порталов, посвященных междисциплинарным подходам, нелинейной динамике, синергетике. На нем помещаются публикации ведущих ученых, посвященные проблемам управления, самоорганизации, сотрудничества, кооперации, глобализации, с позиций синергетики рассматриваются вопросы философии, истории, культурологии, психологии, медицины, образования. Здесь можно познакомиться с новыми учебными пособиями по синергетике, а также с опытом преподавания синергетики в школе. Сайт посещают ежедневно около 1000 человек. Он является одним из наиболее крупных научных и образовательных сайтов России.

С.П. Курдюмов был широко образованным, разносторонним исследователем. Он полагал, что междисциплинарные подходы имеют принципиальное значение для развития науки в целом, и уделял большое внимание их философскому осмыслению. Его монография «Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры» (2002 г.) позволила многим гуманитариям познакомиться с достижениями и перспективами синергетики, оказала большое влияние на философское сообщество России. Сергей Павлович полагал, что развиваемые им научные подходы должны активно использоваться при решении крупных государственных задач. В последние годы он был профессором Российской академии государственной службы при Президенте РФ. Организованная им в 2004 г. конференция «Стратегия динамического развития России: единство самоорганизации и управления» оказала большое влияние на научное сообщество России.

Литература

1. <http://spkurdyumov.narod.ru/PAMYATISPK.htm>. Сергей Павлович Курдюмов (18.11.1928 – 2.12.2004).

ИНТУИЦИЯ КАК САМОДОСТРАИВАНИЕ*

Работа творческой интуиции, достижение состояния инсайта, озарения, «ага-переживания» издавна представляли как наиболее загадочные проявления человеческого Я. Для философов, психологов, психоаналитиков, когнитологов она служит предметом многочисленных толкований и перетолкований. До сих пор они трудно поддаются не только логическому анализу, но даже вербальному описанию. Новая междисциплинарная область знания – синергетика, – быть может, она прольет дополнительный свет на механизмы человеческого творчества?

Синергетика, или теория самоорганизации, может быть названа, пожалуй, наукой о сложном. Она ориентирована на поиск неких универсальных образцов (паттернов) эволюции и самоорганизации сложноорганизованных систем. Ныне наблюдается экспансия синергетики в самые разные, даже весьма отдаленные от естествознания, области знания. Предпринимая попытку суммировать мировоззренческие следствия теории самоорганизации, И. Пригожин дает эскиз философии нестабильности [1]. Поскольку понятие «нестабильность» несет в себе негативный оттенок, то в данном случае, на наш взгляд, было бы более релевантно название – философия становления сложного, философия ритмов и пульсаций в ходе спонтанного нарастания сложности в (открытых и нелинейных) средах.

Если синергетика, действительно, претендует на то, что она дает новое видение мира, новые мировоззренческие ориентиры, то естественно ожидать от нее и ответов на вечные вопросы о человеке, о его месте в мире, о способах постижения, узнавания, освоения этого мира. Встает вопрос о том, насколько правомерны

* *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Интуиция как самодообраивание // Вопросы философии. – 1991. – № 2. – С. 110–122.

и как возможны приложения синергетики к предельным случаям, к предельно сложному – к человеку.

Притязания синергетики на обобщение и толкование огромного эмпирического материала, всей суммы фактов о мире человеческого познания и творчества были бы, безусловно, неправомерны и безосновательны. Речь здесь может идти лишь о том, что это сопоставление представляет интерес, ибо таит в себе новый нетрадиционный взгляд на ряд сложных феноменов человеческой психики, например, на чувственную и интеллектуальную интуицию. В данном случае намечаются лишь аналогии и корреляция, разворачивается общий подход к пониманию того, как могли бы протекать когнитивные и креативные процессы, если бы они протекали на некоей открытой нелинейной среде, среде мозга и сознания. Предлагаются синергетические гипотезы, которые, по-видимому, могут быть полезными для осмысления механизмов человеческого творчества.

Синергетическое представление о блуждании по полю путей развития

Ряд основных понятий и идей синергетики (открытая среда, нелинейность, локализация, структуры-аттракторы, режимы с обострением) были приведены нами в статье «Синергетика как новое мировидение» [2]. Здесь же представляется важным развернуть представление о выпадении на структуру-аттрактор как процессе, ответственном за самодостраивание структуры в открытой нелинейной среде.

Структура не есть нечто раз и навсегда, точнее на определенное время, фиксированно собранное из жестких элементов, «кубиков» или «кирпичей», мироздание. Согласно эволюционному, синергетическому видению мира, структура – это процесс. Это процесс, локализованный в определенных участках сплошной открытой среды, процесс, имеющий определенную геометрическую форму, способный перемещаться по среде с сохранением формы (как, например, вихрь в жидкости или солитон в плазме), а также как-то перестраиваться, эволюционировать, распадаться

или достраиваться, интегрироваться с другими структурами в этой среде.

Для определенных классов открытых нелинейных сред (систем) установлено, что в таких средах потенциально существуют спектры структур (форм организации), которые могут возникнуть в них на развитых, асимптотических стадиях процессов. Спектр структур-аттракторов, иначе говоря, поле путей развития или древо ветвящихся направлений развертывания событий, определяется сугубо внутренними свойствами данной среды. Это есть ее внутреннее содержание, если угодно, портрет идеальных структур этой среды, ее непроявленное, ее душа. Это – своего рода план эволюции, который потенциален (т.е. еще не реализован, более того, заведомо не все в нем будет реализовано), преддан (предопределен собственными характеристиками данной среды, степени их нелинейности), неоднозначен.

Отнюдь не какие угодно структуры возможны в данной открытой нелинейной среде, а строго определенные. Только они относительно (метастабильно) устойчивы, только они долгое время не разрушаются. Спектр структур-аттракторов предопределен как спектр *возможностей*, но не более того, т. е. направление эволюции открыто.

Основной развиваемый здесь мыслеобраз – случайные движения по полю неоднозначных путей развития, блуждания в эволюционных лабиринтах бытия и мышления. С одной стороны, имеют место разбрасывающие, случайностные, стохастические процессы. А с другой – процессы выхода на структуры-аттракторы, предзаданные на данной среде. Здесь проявляется свойство «забывания» начальных условий: независимо от вариаций в определенных пределах начальных условий, если система попала в область притяжения определенного аттрактора, то она неизбежно эволюционирует к этому относительно устойчивому состоянию (структуре). Кроме того, имеет место преддетерминация эволюции системы (среды) к этому относительно устойчивому состоянию. Эволюция системы определяется не ее прошлым, не ее начальными условиями, которые «забыты», а будущим, правильной, часто симметричной, структурой-аттрактором. Будущее состояние си-

стемы как бы притягивает, организует, формирует наличное ее состояние.

Если произошло событие выхода на структуру-аттрактор (событие попадания внешнего или внутреннего, спонтанного воздействия в сферу его притяжения), то в открытой нелинейной среде имеет место процесс самодообраивания, самовыстраивания структуры-аттрактора. Процесс выпадения на аттрактор также естественен как процесс падения тел в гравитационном поле притяжения Земли.

Более того, самодообраивание дано нам как великий подарок природы, подарок, многократно сокращающий тщетные попытки, многочисленные инферны, зло, неудачные усилия и пробы. Как только в ходе блужданий по полю неоднозначных путей эволюции – даже при неточном, приблизительном, нерезонансном возбуждении – произошло событие выпадения на определенную структуру-аттрактор, то все само достроится, организуется, проявится, напишется и т. д.

Итак, при исследовании творческих исканий индивидуального разума перед нами всплывает картина, подобная вышеописанной: одинокий мыслитель блуждает запутанными путями мысли и ему время от времени удается осуществлять прорывы в неизвестное. Мы могли бы сослаться здесь на высказывание Германа Гельмгольца, известного немецкого естествоиспытателя XIX в., который проводит аналогию между мучительными поисками решения проблемы человеком-творцом и путешествием неосведомленного человека, вознамерившегося взобраться на вершину горы. «Я могу сравнить себя с путником, который предпринял восхождение на гору, не зная дороги, – рисует мысленную картину Гельмголец, – долго и с трудом взбирается он, часто вынужден возвращаться назад, ибо дальше нет прохода. То размышление, то случай открывают ему новые тропинки, они ведут его несколько далее и, наконец, когда цель достигнута, он, к своему стыду, находит широкую дорогу, по которой мог бы подняться, если бы умел верно отыскать начало» [3].

Почему неизбежно блуждание по элементам наличного знания? Почему магистральный путь к вершине, к новому, к научной истине, как правило, открывается лишь *post factum*? Почему в мо-

мент озарения ученому-творцу порой кажется, что он высказывает «уже существующее», «потенциально имевшееся»? Иначе говоря, почему в момент озарения иногда возникает симптом *déjà vu* (уже виденного)?

Можно ли управлять работой творческой интуиции? Ведь путь творческой интуиции в принципе сопоставим с путем медитирующего йогина. А на Востоке в течение тысячелетий развивается практика управления витальными и ментальными оболочками человека и разрабатываются способы организации путешествий сознания, его трансценденций, выхода за пределы каждодневного индивидуального опыта. Насколько эти образы релевантны для развития современных представлений о механизмах научного творчества? Что нам могут подсказать древние индусы или китайцы относительно способов инициирования творческой интуиции? Этот круг вопросов будет обсуждаться в данной статье.

Самоорганизация как механизм творческого мышления

С точки зрения синергетики механизм интуиции можно представить как механизм самодотраивания структуры (визуальных и мысленных образов, идей, представлений на поле мозга и сознания). Причем самодотраивание является механизмом не только чувственной и интеллектуальной интуиции, но и процесса распознавания образов. Самодотраивание целостной структуры, по-видимому, происходит как в процессе научного, так и в процессе художественного творчества. Отсюда вытекают и поиски способов управления творческой интуицией, насколько это вообще возможно. Управлять интуицией значит инициировать самопроизвольное дотраивание, переструктурирование сенсуального и интеллектуального материала.

Блуждания в эволюционных лабиринтах мышления и знания. Синергетика свидетельствует о том, что хаос является конструктивным механизмом самоорганизации сложных систем. А именно, он необходим, для того чтобы система вышла на аттрактор, на собственную тенденцию развития, чтобы инициировать процесс самодотраивания.

Просмотр различных, альтернативных ходов развития мыслей, продумывание и варьирование ассоциаций на заданную тему играют позитивную роль в творческом мышлении. В результате нарабатывается некий продуктивный ментальный мицелий (пересеченная, сложноорганизованная сеть ходов), который служит полигоном для свободного движения мысли, для ее выхода в иные измерения, на новые уровни.

В общем-то, эта закономерность подспудно осознавалась уже давно и выражалась в иносказательных, поэтических формах. Фридрих Ницше преломил ее через человеческую душу: «Нужно носить в себе еще хаос, чтобы быть в состоянии родить танцующую звезду» [4].

В качестве аналога хаоса в когнитивных процессах можно истолковать разнообразие элементов знания, составляющих креативное поле поиска, разнообразие испытываемых ходов развертывания мыслей, наличие различных сценариев движения в проблемном поле мысли.

Конечно, разнообразие элементов знания, строго говоря, не тождественно хаосу. Разнообразные элементы усвоенного человеком знания, как правило, организованы в систему. Но, во-первых, есть и значительная часть неструктурированного, аналитически еще не обработанного знания. А, во-вторых, в процессе напряженного поиска, подключающего интуицию, в сферу просматриваемого, «перебираемого» втягиваются элементы внесистемного и иносистемного знания, ушедшие глубоко в подсознание элементы, образующие обычно в сознании лишь слабые следы. Рождение нового связано как раз с нарушением привычной системы упорядоченности: с переструктурированием знания или с достраиванием, выходом за пределы исходной системы.

На первоначальном этапе работы интуиции, вероятно, имеет место максимальное расширение креативного поля, охват максимально возможного разнообразия элементов знания. При этом уравнивание главного и неглавного, существенного и несущественного, т.е. радикальная переоценка познавательных ценностей перед лицом смутного Единого – творческой цели, является основой для продуктивного выбора идеи.

Переоценка ценностей знания возможна в том случае, когда сняты привычные заслоны и запреты «левополушарного» мышления. А это имеет место в состоянии сна, засыпания или в состоянии мечтающего, свободно двигающегося, «отпущенного» сознания, по терминологии буддизма. Тогда связи, которые были нарушены в период активного бодрствования, возобновляются, вновь проявляются. То, что было приглушено, придавлено, обретает очертания, структуру, ясность. Восстанавливается полный «орнамент». Причем акцент может быть сделан на другом.

Активное допущение даже «глупых» действий и идей есть механизм выхода за пределы стереотипов мышления. Нельзя отстраняться и от абсурда. Ибо абсурд – это тайная кладовая рационального, его стимул и его потенциальная форма. Умная мысль рождается из глупости, рациональное – из абсурда, порядок – из беспорядка. В этом смысле, вслед за Эразмом Роттердамским, мы должны произнести похвальное слово глупости.

Здесь можно вспомнить о парадоксальных загадках, *коанах*, которые весьма искусным способом используют духовные учителя на Востоке, с тем чтобы заставить своих учеников осознать пределы логических рассуждений и пробудить их способности к интуитивному поиску. Все коаны имеют более или менее уникальные решения, которые компетентные ученики получают непосредственно в присутствии учителя [5]. Искусство интуиции развивают также *танки* – пятистрочные ритмически организованные стихи. В танках часто используются парадоксальные, нелепые соединения, странные противопоставления конкретных образов, намеки, требующие личностного распознавания и интуитивного достраивания. Такого рода танки приводит в своей книге Т.П.Григорьева.

«Расколешь дерево –
Среди щепок
Нет цветов.
А в весеннем небе
Цветет сакура!» [6]

По всей вероятности, для когнитивных систем сохраняет силу известный из теории систем принцип необходимого разно-

образия элементов. Природные системы тем устойчивее, чем выше их разнообразие. Ибо в наличном разнообразии элементов потенциально содержатся формы приспособления к различным вариантам будущего.

Известно, что на всех исторических этапах развития природы ее исходное разнообразие было больше, чем это было необходимо для дальнейшего динамического развития. Этот излишек называют «барокко природы» (ит. *barocco* – буквально означает странный, причудливый). Аналогично можно предположить, что на первоначальном этапе работы творческой интуиции всегда существует некий излишек разнообразия элементов знания и опыта, излишек версий, готовых к «прокручиванию» сценариев решения проблемы. Излишняя на первоначальном этапе расточительность, неэкономия творческого мышления оборачивается в итоге выигрышем – большей плодотворностью и жизнеспособностью его результата. Это странное излишество можно было бы по аналогии назвать «барокко креативного мышления», или «барокко знания».

Если нарушается принцип необходимого разнообразия элементов, то система вырождается и идет к гибели. Например, многовековой опыт сельскохозяйственной практики показывает, что разведение монокультуры существенно понижает урожайность и ведет к вырождению плодоносящих возможностей почвы. Метафорически применяя это к творческому мышлению, можно сказать, что «выращивание» монокультуры знания или одного типа мыслей на поле сознания ведет к снижению его креативных возможностей, к вырождению сознания – к его догматизации, зашоренности стереотипами и банальностями.

Длительно размышляя над механизмом словесного и интеллектуального творчества, Поль Валери строит концепцию, многие идеи которой резонируют с сегодняшним синергетическим видением творческих процессов. Он говорит и о необходимости блужданий по мыслительному мицелию, и о ментальных переходах от беспорядка к порядку. «Мыслить – значит почти всегда, когда мы отдаемся процессу мышления, – блуждать в кругу возбудителей, о которых нам известно главным образом то, что мы знаем их более или менее» [7], – афористически замечает он.

Его характеристика художественного творчества также лю-

бопытна. «Музыкальная композиция требует выражения *знаками действий* мелодичных и ритмичных образов, выводимых из “царства звуков”, которое мыслится как “беспорядок” – или, лучше сказать, как потенциальная совокупность всех возможных порядков... Мир музыки по-своему уникален; это мир звуков, выделенных из массы шумов» [8].

Если следовать Валери, то первоначальный ментальный беспорядок в творческом мышлении есть «потенциальная совокупность всех возможных порядков». Этот беспорядок содержит в себе все то, во что он может развернуться, все те картины, в которые он может перерасти. Что это значит для творческого мышления в науке? Все первоначальные версии и догадки о возможном решении научной проблемы в принципе могут быть развернуты и доведены до целостного (одного из возможных) решения проблемы. Наука строится путем отсечения лишнего на сегодняшний день, путем отбрасывания представляющегося еще или уже «неудачным». Мир науки – это мир научных истин, выделенных из «шума толпы», из разноголосья, царящего в научном обществе. Научная истина вырастает из неправильного и недопустимого, и всякое неправильное в другом социокультурном и научном контексте, и в другом сценарии решения проблемы может быть воспринято и перетолковано как правдоподобное и допустимое. Исторические свидетельства такого рода возвратов к старому в науке многочисленны.

Сценарность творческого мышления означает размышления по типу «А что если...», «Если...», «Если...», «Если...». Причем реализация всего пути, полное проигрывание «сценария» развертывания мыслей предполагает не только логическое оформление гипотезы, но и соотнесение ее с наличным научным контекстом, попытку встраивания этой гипотезы в систему научного знания. Сценарность креативного мышления близка к мысленному экспериментированию, к балансированию на грани актуального и потенциального, реального и фантастического, невозможного сейчас и возможного в будущем. Это – если можно так выразиться, «виртуальность» поля движения мысли.

В поэтическом воображении Хорхе Боргеса Вселенная

предстает «бесконечным лабиринтом вариаций, где все возможные структуры в конце концов осуществляются» [9]. Подобным образом творческое мышление – это брожение по бесконечным ментальным лабиринтам, которое стремится проиграть все возможные сценарии, вариации развертывания мыслей и, в пределе или в идеале, – проигрывает их все.

Блуждания по ментальному мицелию служат подготовкой к эмерджентному инновационному скачку мыслей. Приведем любопытный отрывок из речи Давида Гильберта, посвященной памяти своего друга Германа Минковского и произнесенной им на заседании Геттингенского научного общества в 1909 г. Поле путей движения мысли метафорически изображается Гильбертом в виде разветвленных дорожек в саду размышлений. «Нас свела наша наука, которую мы любили превыше всего. Она казалась нам цветущим садом. В этом саду проложено немало дорожек, по которым приятно бродить на досуге, поглядывая по сторонам, и наслаждаться, не утруждая себя, особенно если рядом с тобой товарищ, разделяющий твои мысли. Но нам с Минковским нравилось искать и тайные тропинки, открывать новые виды, красота которых, по нашему мнению, стоила того, чтобы ради нее задержаться; и если нам удавалось поделиться нашими открытиями друг с другом, нашей радости не было границ» [10].

Гении кисти, подобно гениям пера или мысли, также блуждают. Вдохновенный труд художника связан с систематическими, непрерывными упражнениями по импровизации. Как говорил Тулуз-Лотрек, это позволяло ему «всегда держать рисунок в пальцах». «Затем он возвращался к своим импровизациям, по нескольку раз переделывая их. Пленительно воздушный, простой контур, который вышел из-под его карандаша или кисти и, казалось, был сделан в минуту вдохновения, без всякого труда, одним махом, на самом деле получался в результате длительных и упорных поисков... Мишель Жорж-Мишель насчитал сорок вариантов его набросков, которые Лотрек сделал, чтобы наиболее точно передать одно па танцовщицы и движение цирковой лошади» [11].

Предданность целого. Механизм самодистраивания включает в себя направленность на возникающее целое. Талантливый ученый или художник способен взглянуть на создаваемое им

произведение как бы с расстояния «птичьего полета», он содержит в своем уме весь его план, замысел, фабулу, интригу. Этот план, главная идея или образ – это та путеводная нить, на которую нанизываются все элементы знания и опыта. Это есть мерило, определяющее отбор материала и место каждого фрагмента знания, опыта или текстового блока в структуре целого. Это есть аттрактор творческой деятельности.

Так, творящий композитор держит в себе ритм симфонии в целом. А.С. Пушкин имел обыкновение составлять сжатый план поэмы, который мелкими деталями (образами, рисунками) схватывал ритм всей поэмы и буквально вел его в поэтическом творчестве, служил аттрактором его работы. Л.Н. Толстой в своих дневниках признавал, что писал свои тысячестраничные романы ради 2–3 горячо любимых им сцен. Именно эти сцены организовывали, концентрировали вокруг себя весь остальной материал, который лишь подводил к этим сценам, всецело «работал» на них.

Установочный план – не обязательно нечто логически ясное и выраженное. Напротив, это – скорее всего некий неосознаваемый, невербализуемый и некоммуницируемый, нерасчлененный «сгусток смысла», который выливается рано или поздно в выражение мыслей в вербализованной форме. Анализ таких неосознаваемых предментальных переживаний был проведен Л.С. Выготским [12]. Кроме того, в свете синергетики можно было бы добавить, что план играет роль некоторого стимула, своего рода резонансного воздействия на сложный комплекс сознания – подсознания. План инициирует работу подсознания, способствует выведению потенциально зреющего наружу, его вербализации и логическому оформлению. Именно такую роль играл план в творчестве А.С. Пушкина: за очертаниями женских профилей и силуэтов, особым образом расположенных на листе бумаги, стоял целый комплекс смыслов и ритмов, зовущих к творчеству.

Искусство отбора. На базе увеличения разнообразия, «перевзвешивания» познавательных ценностей происходит отбор, отсечение «ненужного». В этом смысл явных и латентных установок. Творческое мышление происходит не путем случайного перебора вариантов, а посредством выбора главного, чтобы организовать целое. Самоорганизация происходит вокруг этого ключа

чевого звена. Именно искусство критической оценки первоначального разнообразия версий решения проблемы, искусство выбора главного, а вовсе не умение генерировать это разнообразие, часто рассматривают в качестве признака талантливости человека.

С выходом на структуру-аттрактор случайность «выжигает», отсекает все «лишнее». Она конструктивна через разрушение. В моделях открытой нелинейной среды это осуществляется через диссипативные процессы, процессы рассеяния, рассасывания неоднородностей. Каков аналог макроскопическому диссипативному процессу, т. е. случайности на макроуровне, в когнитивных и социальных процессах? Этот вопрос нуждается в дальнейшем осмысливании. Ясно, что отбор различных вариантов, сценариев решения не подчиняется слепой случайности. Строго говоря, никогда не происходит чистого и тупого перебора, но возникают предпочтения к одному или немногим лучшим вариантам. То есть отбор направляется подсознательными установками. Но в то же время и на стадии отбора, очевидно, играют роль интуиция, спонтанность и свободное движение ума, а стало быть, непредсказуемые и случайные элементы.

Словесное и интеллектуальное творчество связано с безжалостным отбрасыванием, беспощадным уничтожением многого, что незадолго до этого было допущено как когнитивный аналог хаоса.

Опытом своего словесного творчества делится с нами С.С. Аверинцев: «То, что можно назвать “работой” над стихами, сводится для меня к вычеркиванию, к исключению всего, что я не намерен туда пускать...». Это – некий аналог «феноменологической редукции» [13].

Что касается вообще искусства словесного творчества, то умение писать заключается, по-видимому, в умении ставить точку и умении делать паузы (абзацами). Точка меняет архитектуру всего текста, отсекая все «лишнее». А значит, речь идет об умении видеть, что есть «лишнее», умении заключать в скобки, вернее, выносить за скобки, а потом эти скобки опускать.

Л.Н. Толстой в своих воспоминаниях также подчеркивает, что главное в творчестве писателя – жесткий отбор мелких подробностей для лучшего освещения основной идеи рассказа. «Ни-

какой мелочью нельзя пренебрегать в искусстве, потому что иногда какая-нибудь полуоторванная пуговица может осветить известную сторону жизни данного лица. И пуговицу непременно надо изобразить. Но надо, чтобы и все усилия и полуоторванная пуговица были направлены исключительно на внутреннюю сущность дела, а не отвлекали внимания от главного и важного к частностям и пустякам, как это делается сплошь и рядом... Самое главное в искусстве – не сказать ничего лишнего» [14].

В процессе творчества имеют место два противоположных, контрастных процесса – ассоциация и концентрация. Ассоциация – это разброс, установление все большего количества связей, разрастание сенсуального и интеллектуального мицелия. А концентрация, напротив, – сосредоточение на едином, направленность на какую-либо одну проблему, идею, фабулу. Как эти два процесса соединяются друг с другом?

Загадка созидания, креативности – это как раз загадка соединения, синтеза. П. Тейяру де Шардену принадлежат слова: «Сгéег, c'est unig» (создавать значит соединять). Нужно рассеяться, дезинтегрироваться, чтобы собрать жизнеспособное целое. Или иначе: нужно сосредоточиться на едином, чтобы все разнородное стянуть, устремить к данной проблеме. Парадоксально, что связь со всем, единая волна ассоциаций устанавливается именно в режиме концентрации.

Самодостраивание. Самоорганизация в области творческого мышления есть дополнение недостающих звеньев, «перебрасывание мостов», самодостраивание целостного образа. Мысли вдруг обретают структуру и ясность.

Конрад Лоренц ввел принцип Fulgurationes, или «креативных вспышек» (лат.: faigugare – сверкать молнией), как принцип, описывающий возникновение нового, новых системных свойств в ходе эволюции.

Согласно представлениям гештальт-психологов, имеет место «инсайтная перестройка». Происходит как бы мгновенная организация красивой мозаичной структуры из имеющихся элементов знания и опыта: «встряхнул, и есть структура!». Излагая свою динамическую теорию процессов продуктивного мышления, М. Вертгеймер подчеркивает: «Главным в этой теории является

переход от совокупности отдельных элементов поверхностной структуры к объективно лучшей или адекватной структуре» [15]. Развиваемое здесь понимание механизма творческого мышления существенным образом отличается от концепции Вертгеймера и других гештальт-психологов.

Происходит не просто объединение целого из частей, самоструктурирование частей в целое, не просто проявление, «всплывание» более глубокой структуры из подсознания, а самовырастание целого из частей в результате самоусложнения этих частей. Сам поток мыслей и образов в силу своих собственных потенций усложняется и спонтанно выстраивает себя. Из простой структуры вырастает более сложная. Это есть автопоэзис мысли, если применить центральное понятие концепции Х. Матураны [16]. Данное понятие выражает свойство прежде всего живых систем самообновляться при функционировании.

Механизмы распознавания образов, судя по всему, весьма похожи на механизмы выпадения на аттрактор, на самодообраивание. Во-первых, существует специальный механизм, который создает вокруг рассматриваемого образа поле блужданий. Дело обстоит таким образом, будто действует некий генератор случайности, преднамеренно размывающий направленный взгляд, создающий случайный пробег по контурам образа. Во-вторых, этот случайный, стохастический процесс ориентирован на то, чтобы произошло попадание в область притяжения, чтобы начала действовать сила притяжения, «сила падения» на аттрактор. Процесс выпадения на аттрактор и есть процесс узнавания. Книгу, например, можно узнать по какой-то одной детали. Человека можно узнать по каким-то особенностям походки, поворота головы или изгиба линии носа. Нескольких деталей достаточно для распознавания образа, для восстановления целостного образа человека.

Как видим, процесс распознавания образа уже есть самодообраивание. Недаром древние учили интуиции, обучая правильному зрению, умению видеть и тренировать память. Тренировка видения есть на самом деле тренировка мозга, а стало быть, тренировка чувственной интуиции.

Что касается творческого мышления, интеллектуальной ин-

туиции, то здесь может иметь место не просто самодообраивание как выход на структуру-аттрактор, как возникновение на среде целостной структуры. Может иметь место более высокий тип самодообраивания – переход от простой структуры к сложной, саморазвитие, усложнение первоначальной структуры.

Образ самодообраивания подобен в таком случае вырастанию «родословного древа решения», «древа познания» на специально подготовленном, окультуренном поле сознания. Речь идет о некоем когнитивном аналоге биологического процесса морфогенеза.

Это резонирует с восточными представлениями о природе сознания. Так, в чань-буддизме сознание человека предстает в образе древа бодхи, или древа просветления. А путь к просветлению ассоциируется со средствами стимулирования созревания и расцветания древа бодхи.

Приведем небольшой отрывок из канонического текста школы чань, в котором излагается учение о «внезапном просветлении».

«Само сознание есть древо бодхи,
А тело есть светлое зеркало с подставкой...»
Стихотворение Шестого патриарха Хуэйинэна гласит:
«Основа сознания содержит семена живых существ,
И когда проливается дождь Дхармы, семена прорастают.
Когда вы прозреваете в своей природе живые семена цветов,
Плоды просветления созревают сами собой» [17].

Что касается процессов мышления, протекающих у квалифицированных ученых при решении ими научных задач, то здесь к самодообраиванию и высокой избирательности восприятия и переработки информации присоединяется еще один важный тип процессов. Это – процессы создания крупных блоков информации, ключевых схем или образцов, и оперирования ими.

Только новичок в науке сознательно обращается к правилам в поисках решения научных проблем и обдумывает каждое следующее действие. Он способен, как правило, лишь на пошаговое экстраполирование и ближайший прогноз. В отличие от него

компетентный ученый уже не занят тщательным обдумыванием правил и схем действий. Он знает правила, но применяет их автоматически. Самые высококвалифицированные специалисты, эксперты по проблемам вообще живут в мире своих идей. Они лишь воскрешают в памяти высокоабстрактные паттерны и схемы исследований.

Для этого уровня мастерства характерно оперирование целыми комплексами знаний, опыта, переживаний, чувств, т.е. громадными блоками информации. Эти «сгустки» сенсуальной и интеллектуальной информации выводятся из-под контроля сознания, вытесняются в автоматизмы, «опускаются» в подсознание. В результате освобождается поле для свободного конструирования, для игры ума, для интуитивного видения и удержания целого. А стало быть, облегчается наступление «вспышек интуиции». У высококвалифицированных специалистов самодообраивание протекает быстро и эффективно, так как спонтанно структурируются «крупные кубики», громадные блоки информации.

О результатах исследований таких высокоабстрактных узловых структур в разуме ученого-исследователя упоминают Ч. Ламсен и Э. Уилсон. «Недавние исследования процесса решения проблем свидетельствуют о том, что процедура экспертизы основывается в большой степени на меморизации фактов, на что, собственно, и указывает нам обычное наблюдение. Однако эксперт обладает также багажом схем высокого уровня, которые служат в качестве быстрых гидов к различным частям запаса знания. Физическая интуиция физиков и инженеров, например, может состоять в способности быстро и эффективно манипулировать «крупными блоками» («chunks»), составленными из многих взаимосвязанных фактов. Имеется достаточное основание верить, что надлежащее изучение долговременной памяти и решения проблем, возможно, прольет свет на глубокие когнитивные процессы, которые обычно называют талантом, креативностью, способностью суждения и воображения» [18].

Механизм интуиции как самодообраивания имеет, как нам представляется, достаточно общий характер и приложим также для понимания художественного творчества. Анализируя творчество поэта, а также воспоминания, размышления о своем творче-

стве, можно заметить, что написание стихотворения, как правило, связано с рождением первоначально какого-либо центрального поэтического образа, ключевой фразы, буквально одной строки. И она в хаосе мыслей и образов организует весь стих, выстраивает, упорядочивает все слова, определяет их место в общем ритме стекающего с пера стихотворения.

Подобную характеристику процессу рождения стихотворения дает Марина Влади в своей книге о Владимире Высоцком «Владимир, или Прерванный полет». «А потом ты сидишь неподвижно за столом, будто зачарованный белым сиянием лампы. Вдруг взрыв страшнейших проклятий. Есть! Ты нашел! Иногда это просто строфа. Но после того, как она пошла, все выстраивается и связывается. И под утро... ты, торжествуя, читаешь мне труд твоей ночи» [19].

Но, может быть, наиболее адекватны для описания сложных процессов художественного творчества сами средства поэтического творчества? Процесс рождения стихотворения из хаоса звуков и образов и из вариаций ритмов изображался многими поэтами, и в частности, Максимилианом Волошиным. Вот образец своего рода поэтической метафизики, т. е. образец поэтических размышлений о процессе творчества поэта. И мы не вправе далее трактовать и насиловать этот поэтический образ логическими и вербальными средствами:

Рождение стиха

Бальмонту

В душе моей мрак грозовой и пахучий...
Там выются зарницы, как синие птицы...
Горят освещенные окна...
И тянутся длинные,
Протяжно-певучи
Во мраке волокна...
О, запах цветов, доходящий до крика!
Вот молния в белом излучии...
И сразу все стало светло и велико...
Как ночь лучезарна!

Танцуют слова, чтобы вспыхнуть попарно
В влюбленном созвучии.
Из недра сознания, со дна лабиринта
Теснятся виденья толпой оробелой...
И стих расцветает цветком гиацинта,
Холодный, душистый и белый.

1904. Париж [20].

Каскад кристаллизаций таланта. Научное открытие предстает как переорганизация проблемного поля (поля вопросов), как кристаллизация знания, выход на структуру. Причем в научном творчестве имеет место, как правило, целая серия кристаллизаций. Мы имеем в виду здесь то, что научные достижения многократно переделывают творца. Ибо достижению каждой общественно значимой кристаллизации знания соответствует кристаллизация духа его творца.

Исследуя феномен любви, Стендаль открыл этапы ее эволюции: первая кристаллизация чувств, вторая кристаллизация чувств и т. д. Аналогично и крупные ученые, и философы в процессе творческой эволюции переживали критические периоды ломки взглядов и представлений, а также ряд этапов кристаллизации своего таланта. А так называемые «неудачники» не доходят и до первой общественно значимой кристаллизации.

Переструктурирование проблемной ситуации выглядит как реализация потенциального, как вывод на поверхность каких-то путей из спектра возможных путей эволюции знания. Существует как бы некая многозначная фигура, которая сейчас явно предстает перед нами только одним своим аспектом, но таит в себе и иные аспекты. Научное открытие только на первый взгляд есть решение проблемы. Многогранный таинственный кристалл знания поворачивается иной гранью. Парадоксально, но открытие всего лишь переформулирует проблему, переструктурирует поле вопросов. Или иначе, открытие представляет собой бифуркацию на вопросно-ответном поле.

Как инициировать интуицию? Из всего вышесказанного

становится ясным, что под возможными способами управления интуицией могут пониматься лишь способы ее самоуправления, способы спонтанного саморазвертывания потока сознания, самоструктурирования образов и самооформления идей. Управлять интуицией, насколько это вообще возможно, значит овладеть способами инициирования процессов самодостраивания и направленного морфогенеза на поле мозга и сознания. Но для этого необходимо прежде всего уяснить себе смысл механизма инициирования.

Дело в том, что эффективны слабые, но топологически и темпорально правильные – резонансные – воздействия на психику и мозг. Важна симметрия, правильная конфигурация или «архитектура» воздействий. И кроме того, эти воздействия должны быть своевременны, уместны во временном масштабе. Словом, необходим резонансный хронотоп.

Практика резонансных воздействий человека на самого себя, на свое тело и мозг, получила наибольшее развитие на Востоке. Ведь если рассуждать по крупному счету, то техника йоги и буддийских погружений в себя (в особенности, в чань- и дзэн-буддизме) представляет собой, по сути дела, описания совокупности приемов (путей) для раскрытия своих психо-соматических возможностей, т. е. для самосовершенствования, для овладения своим телом и сознанием, для инициирования интуиции.

Одна из первоначальных и необходимых ступеней для начала путешествия сознания, для освобождения интуиции – это достижение состояния «безмолвия ума», успокоения в себе физической, витальной и ментальной сфер. Впадение в это состояние достигается посредством особого рода ритуальных упражнений.

Состояние «безмолвия ума», транса или самадхи дает возможность пробиться случаю, хаосу, ничтожным флуктуациям или малым влияниям (по разным интерпретациям, влияниям подсознания, сверхсознания или самой действительности). Эти мельчайшие флуктуации были несоизмеримы с океаном чувств и бурным потоком мыслей, в которые погружен человек в обычном своем состоянии. Они тонули, стирались в нем. Они были незаметны на фоне потока пестрых и прыгающих мыслей, сменяющих друг друга гримас обезьяны сознания. А сейчас в состоянии са-

мадхи эти флуктуации стали более выпуклыми и осязаемыми. Сознание начинает двигаться свободно. Оно избавляется от своей собственной цензуры и табу, от этого супер-эго, стоящего над ним с дубинкой в руках. И тогда случай-ничтожество может предстать в лике случая-творца нового.

Иначе говоря, необходимость впадения в состояние «безмолвия ума» обусловлена тем, что нужно стереть старые следы. Ведь медитация есть, по сути, выход на простое, на структуру-аттрактор. А поскольку аттракторы описываются инвариантно-групповыми решениями, то эта структура симметрична, красива, правильна. Не случайно, открытие истины всегда было сопряжено с эстетическими переживаниями, с достижением идеалов красоты.

Для объединения элементов знания и опыта в идеально правильную структуру, для построения этой структуры по законам истинно сущего, для идеального соответствия собственным функциям среды (собственным тенденциям развертывания сознания) не нужны эти лишние следы. След-карму, груз пройденного пути, огромные наслоения прошлого нужно уничтожить. Уничтожить переплетение структур реальных, а не идеальных, неустановившиеся и неасимптотические русла процессов, эту шубу-оболочку, которой оброс симметричный керн.

Стирание старых следов, структур предыстории и памяти, разумеется, не означает, что они уничтожаются полностью и навсегда. Речь идет о том, чтобы затормозить, замедлить, вытеснить эти структуры памяти о несовершенных попытках в еще более глубокое подсознание. Нужно стереть старое, чтобы создать гармоничную сверхсложную структуру, отражающую сложность мира. То есть, на самом деле, это – некий способ отбора, некая глубоко конструктивная, созидательная процедура. Стирать – это уметь соединять.

В науку, в культуру, в будущее в момент озарения включается сама истина, а не ее «обертонные», «побочные», превращенные формы. Последние отбрасываются, обрезаются ученым-творцом посредством абстрагирования. Вот почему в йогической практике перестройки сознания такое большое внимание уделяется успокоению страстей и мыслей, достижению состояния внутренней тишины. Только на чистом поле сознания можно быстро

построить новую правильную структуру знания и опыта. Только на гладкой, неволнующейся среде малые, но топологически правильные воздействия – «уколы» – на психику и тело человека будут эффективны.

Йоги в процессе сосредоточения уделяют особое внимание топологически правильным воздействиям на тело, а тем самым и на свой мозг, ибо психика и сома человека находятся во взаимной связке. Существуют строго определенный набор поз – асан – в йоге и методики их практикования. Телесный импульс переводится всякий раз в особого рода психический импульс.

В. Леви рассказывает о своих практических наблюдениях, что сосредоточение на определенных точках тела и их симметричных комбинациях может сменить настроение и способствовать возникновению состояний расслабленности. А такое состояние является необходимым условием для продуктивной ментальной деятельности. «На психотерапевтических занятиях я заметил, что сосредоточение на некоторых сочетаниях точек – “геометрических фигурах” тела – может способствовать самовнушениям определенных психических состояний. Объясняется это, видимо, тем, что каждое наше состояние представляет собой некий “рисунок” состояний мускулов, кожи, связок и т. д. При ощущении уверенности, например, мы произвольно расслабляем плечи, при решительном настроении слегка сжимаем кулаки и твердо ставим ноги, при успокоении меняют свою амплитуду движения грудной клетки, произвольное же внимание фиксирует все эти переменные в виде изменений представляемого в мозг “рисунка тела”» [21].

Техника йоги опирается на особые нервные центры – чакры – расположенные, как утверждают йоги, в основном вдоль позвоночника. Большое значение имеет техника дыхания, очищения тела, использования различных асан. Все это в комплексе приводит тело в состояние успокоения, являющееся базисным для занятий высшими сосредоточениями, медитацией. Не только в йоге, но и любых других системах психического аскетизма можно натолкнуться на те или иные психосоматические аспекты. В каждой системе аскетизма фактически присутствует свой словарь поз, мимики, жестов.

Возможны также и более непосредственные стимуляции психической активности: через слово, особого рода заклинания, мантры или же через визуальные образы, симметричные картинки, специальные лабиринты для предварительных успокаивающих путешествий ума. Если все эти прямые или косвенные средства топологически правильно «укалывают» поле мозга и сознания человека, то могут реализоваться высшие состояния медитирующего сознания. Медитация означает кратчайший выход из ментальных лабиринтов. Это – кратчайший путь к озарению.

Посредством достижения высших состояний медитирующего сознания, как утверждает в восточных учениях, совершается переход от состояния человека-футляра, человека-раба своих мыслей и чувств в специфическое состояние человека-прибора, резонатора всей Вселенной. В йоге это – буквальное физическое слияние, мы же говорим о гносеологическом резонансе, о совпадении результатов человеческого творчества с объективным ходом процессов.

В состоянии озарения, после выпадения на аттрактор, человеку-творцу остается только успевать записывать изливающийся поток мыслей, идей, образов. Рука сама торопится зафиксировать то, что непрерывно, как цепная реакция ассоциаций рождается внутри. Не человек пишет, а ему пишется. Не он говорит, а язык говорит через него. Мысли сами строятся, сами организуют себя. Дело выглядит таким образом, будто человек служит лишь носителем этих мыслей и слов.

Переживание озарения человеком-творцом или состояние йогической медитации имеет еще одну особенность. Открытие предстает как *узнавание мира*. А если прав Платон в своем мифе о пещере, то оно есть даже воспоминание человеком мира. Ведь образ пещеры можно истолковать как аллегория культурной замкнутости человека и возможности прорыва сквозь оболочку «своей» культуры в иные миры. Если же признать, что человек-творец черпает свои идеи, образы и мысли из сознания-сокровищницы, как это утверждает в буддизме, то возникновение симптома *déjà vu* вообще неудивительно.

Это можно рационально перетолковать следующим образом. То, что долгое время потенциально «тлело» и вынашива-

лось в душе человека-творца, вдруг узнается и признается как именно *это*. Когда приходит понимание мира как своего мира, то здесь, несомненно, имеет место и резонанс, и узнавание. Интуиция предстает как пульсации сверхсознания над сознанием, которые разворачивают, раскрывают перед человеком подлинное разноцветье и полифонию мира.

Литература

1. *Пригожин И.* Философия нестабильности // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – С. 46–52.
2. *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. – 1992. – № 12. – С. 3–20.
3. *Гельмгольц Г.* Как приходят новые идеи // Психология мышления. Хрестоматия. – 1981. – С. 366.
4. *Ницше Фр.* Соч. – Т. 2. – М., 1990. – С. 11.
5. См. об этом, например: *Capra Fr.* Uncommon Wisdom. Conversations with Remarkable People. London, 1988. – P. 33.
6. *Григорьева Т.П.* Японская художественная традиция. – М., 1979. – С. 266.
7. *Валери П.* Об искусстве. – М., 1976. – С. 45.
8. Там же. – С. 128.
9. Цит. по: *Lumsden Ch. J., Wilson Ed.* O. Promethean Fire. Reflections of the Origin of Mind. Cambridge, 1983. – P. 55.
10. Цит. по: *Вейль Г.* Математическое мышление. – М., 1989. – С. 216.
11. *Перрюшо А.* Жизнь Тулуз-Лотрека. – М., 1991. – С. 126.
12. См.: *Басин Ф.В.* Актуальность проблемы бессознательного // Философские науки. – 1990. – № 3. – С. 44.
13. *Аверинцев С.С.* Из духовных стихов // Философская и социологическая мысль. – 1990. – № 4. – С. 119.
14. Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. – Т. 1. – М., 1960. – С. 548.
15. *Вертгеймер М.* Продуктивное мышление. – М., 1987. – С. 278.

16. О рождении этого термина в совместном обсуждении рассказывают в своей книге Х. Матурана и Фр. Варела. «Нам не нравилось выражение “циклическая организация”, и мы хотели найти слово, которое само передавало бы центральную черту организации живого – его автономию. “Poiesis” означает “creation” или “production”. Мы поняли силу слова “poiesis” и изобрели слово, в котором нуждались: autopoiesis». (*Maturana H.R., Varela Fr. Autopoiesis and Cognition. – Dordrecht, 1980. – P. XVII*).
17. Учение о внезапном просветлении южной школы Маха-Праджия-Парамита-Сутра высшей Махаяны//*Абаев Н.В. Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае. – Новосибирск, 1989. – С. 183, 220.*
18. *Lumsden Ch.J., Wilson Ed. Genes, Mind and Culture. The Coevolutionary Process. – Cambridge, 1981. – P. 248.* Крупные блоки информации Ламсден и Уилсон называют «chunks» и толкуют как группу связанных символов в долговременной памяти, которая может быть обозначена единицей этой памяти.
19. *Влади М. Владимир, или Прерванный полет. – М., 1989. – С. 58.*
20. *Волошин М. Стихотворения. – Ленинград, 1982. – С. 82.*
21. *Леви В. Искусство быть собой. – М., 1973. – С. 55–56.*

КЫРГЫЗСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС «МАНАС»

Становление личности Героя и Вождя сквозь призму синергетики

Героический эпос «Манас» занимает исключительное место среди памятников материальной и духовной культуры кыргызского народа. Возникший свыше тысячи лет назад, он не имеет себе равных среди эпосов мира по объему и числу вариантов, причем запись старых и новых вариантов продолжается и в настоящее время.

«Манас», по убеждению исследователей, является зеркалом жизни и голосом кыргызского народа в течение многих веков. Он представляет собой эпопею-энциклопедию, отразившую в художественной форме многовековую историю кыргызского народа: его политическую борьбу, хозяйственную деятельность, обычаи и нравы, эстетические вкусы, этические нормы, медицинские, географические и религиозные представления, его международные, торговые связи и многое другое.

Центральная идея эпоса – патриотизм, призыв к объединению народа в борьбе против иноземных поработителей. Образы самого Манаса, его ближайших соратников – Бакая, Кошойа и других – выступают ярким примером служения народу, беспредельной преданности патриотическим идеалам.

В сюжете «Манаса» присутствуют разные пласты, отражающие многовековые сведения из жизни народа и взгляды не одного поколения. Один из них – сказочно-мифологический, связанный с историей рождения богатыря Манаса и той миссией, которую ему предстояло исполнить под руководством и при поддержке Высших Сил, олицетворением которых были сорок таинственных всадников и сказочные животные, сопровождавшие Манаса в ответственных сражениях.

В народных сказаниях и религиозных учениях рождение выдающегося человека, наделенного особой миссией, как правило, предсказывалось заранее и нетерпеливо ожидалось людьми, заинтересованными в исполнении этой миссии. Рождение сына-богатыря, которому будет покровительствовать Бог, было предсказано отцу Манаса в символическом сновидении, потрясшем его своей необычностью и красотой. Сам Манас, согласно сказанию, уже в раннем детстве познакомился со своими Высшими Покровителями (чилтенами), представшими перед ним в виде сорока всадников. Затем, по прошествии времени, когда Манасу исполнилось 15 лет, в необычном видении перед ним предстала картина из будущего: огромное, безбрежное войско, и впереди него – белобородый Вождь с золотым венцом на голове. Войско – это единый кыргызский народ, а Вождь – это он сам, Манас.

Мальчик закрыл глаза,
Вдруг привиделось ему:
Повсюду, куда хватал глаз,
Облаченные в темно-синее железо,
Множество воинов стоят.
С золотым венцом на голове
Какой-то белобородый стоит
Впереди этих войск.

Вождь, как центральное ядро организующейся структуры, наделяется огромной физической силой и духовной энергией – между ним и Высшими Силами устанавливается постоянная связь, канал, через который он черпает силы и знания. Однако потоки энергии по этому каналу направляются только тогда, когда сила Вождя используется для общего дела, а не в личных интересах. И Манас хорошо осознает это:

Когда я на коне,
Я – пуля, несущая смерть,
Но когда пеший, всегда я слаб,
Во всем племени киргизов
Вспыльчивостью, вздорностью отличаюсь я.

С точки зрения синергетики, огромная внутренняя энергия личности требует умелого ее расходования. Согласно первому закону термодинамики, энергия, поступающая в открытую систему, может быть использована на повышение внутренней энергии (возбуждение, беспокойство), на совершение работы (действие, направленное вовне) или же на повышение внутреннего энергетического потенциала (построение внутренних структур, самосовершенствование). Герою, наделенному огромной физической силой, проще всего израсходовать свою силу на борьбу с врагом. Но если врага нет, а сил в избытке, возникает множество проблем, связанных с осознанием целей, на достижение которых может быть использована свободная энергия. Кочевые условия жизни особенно обостряют эту проблему. Скука, безделье становятся опасным состоянием для народа, привыкшего к постоянному движению:

Удариться бы, да нету гор,
Скучали в эти дни –
Сразиться бы, да нет врага.
Вместо врага разыскать зверей,
Вместо ночи разыскать зарю
Собрался поехать богатырь.

В личности Манаса, отражающей менталитет кыргызского народа, постоянно присутствуют и борются две тенденции (два аттрактора, говоря языком синергетики). С одной стороны, это непреодолимое желание проявить свою физическую силу, направляемую зачастую в отсутствие врагов на своих же соратников – тогда это Манас Кровожадный, а с другой – способность преодолеть свое раздражение, умение остановиться, попытаться понять причины поступков окружающих людей, то есть направить энергию не на внешнее действие, а на самосовершенствование. И тогда это уже Манас Великодушный.

Как известно из физики, системе проще всего направить избыток своей энергии по пути наименьшего сопротивления. Но Манас – Вождь, а не просто Герой; он должен быть терпимым и великодушным по отношению к своему народу. Поэтому ему по-

стоянно приходится преодолевать самого себя, укрощать свои эмоции. Вот один из эпизодов, характеризующих борьбу между этими двумя противоположными аспектами личности Манаса:

Сдерживая ярость, как одурманенный стоит,
Не зная, как быть, лев твой Манас
Не мог умерить свой гнев, оцепенел, –
Кто же стоит так, как он?
Долго он неподвижно стоял.
Только потом ответил он...

С позиций синергетики кыргызский эпос представляет интерес в первую очередь в плане рассмотрения процесса духовной эволюции Манаса, через которого, как через «центральную клетку» – притягивающий и организующий энергетический центр – происходит и эволюция сознания всего кыргызского народа.

Синергетика говорит о том, что энергия не бывает ни доброй, ни злой. В добро или зло ее превращают люди. В чем проявится свободная энергия – в грубой силе или в тонких внутренних построениях, зависит от широты сознания человека и степени востребованности его потенциальных возможностей. Творчество, создание памятников культуры, воспитание, образование, забота о братьях наших меньших, о родной земле – вот те цели, на которые должны быть направлены силы современного человека. И с этой точки зрения эпос «Манас» является замечательным источником мудрости кыргызского народа, из которого и в настоящее время может черпать духовные силы любой человек, стремящийся к самосовершенствованию и внутренней гармонии.

Примечательно, что *манас* в Учениях Востока, в частности в индийских «Ведах», означает *разум*, и в них же говорится о том, что в процессе эволюции низший *манас* человека должен слиться с *Высшим Манасом*, то есть Божественным Разумом. Такое удивительное совпадение имени Вождя из кыргызского эпоса и его общечеловеческого смысла еще раз наводит на мысль о том, что только мудрость человеческая, одухотворенная Мудростью Божественной, может вывести современное человечество из состояния кризиса, ознаменовавшегося множеством глобальных проблем.

Из эпоса «МАНАС»*

Перед рождением Манаса

...Бай Джакып, голову приподняв,
Оттуда, где лежал, обратился [к ней]:
«Не горюй, старуха моя,
Если всемогущий Аллах повелит,
Получишь то, чего тебе недостает!
Не огорчайся, старуха моя,
Если исполнится желание твое,
Каждый [твой] день наполнится недостающим тебе!
[Увиденное во сне] – добрая примета мне,
Я не даром как мертвый лежал,
Не напрасно я спал,
Мне привиделся дивный сон:
Если он клекот издаст,
Криком своим отличен он от других птиц,
Сверкает с головы до хвоста,
Белее лебединого оперение его,
Чистое золото – мягкие перья у ног и у хвоста,
Золотое все оперение на его ногах,
Сплошное золото – его мягкий пух.
Когти его – железо и сталь,
Хваткий он, забьет того, на кого нападет,
Всемогущий бог оказывает поддержку ему,
Он – ястреб с клювом стальным,
Коготь его – стальной кинжал.
Омытое душистой [водой]
Шелковое путлице на него я надел,

* Манас. Киргизский героический эпос. – М.: Наука, 1984. (Публикация по варианту сказителя Сагымбая Орозбакова).

Шелковое путлице в шестьдесят кулачей
На ноги его я надел,
Лунным светом вскармливал его,
Растил, заботливо выхаживал его,
Путлице из серебра я на него надел,
Холил его, выхаживал его.
Пернатые, что в небесах,
В страхе от его грозного вида не смеют летать,
Все [звери], что ходят по земле,
[От страха] не смеют и шага ступить!
Устроил я ему насест, чтобы он сидел,
Кречета белого с пестрой шеей
Рядом с ним привязал.
Знаю: что-то хорошее произойдет,
Но когда же случится оно?!
В неведении мучаюсь я».

Книга 1, стр. 225–226

* * *

Манасу 9 лет

...Бай Джакып сошел с коня,
Не торопяся, стал советоваться о том, о другом.
В том аиле, оказывается, был
Кадообай, отец у которого – киргиз,
У него был один сын,
Имя [этого] сына – Чегебай.
«С Чегебаем Манас
Пусть пасет себе ягнят, –
Так сказал бой Джакып. –
Пусть пасут ягнят», – он сказал,
Ошпуру и Кадоо
Под присмотр и заботу [отдал].
«Пусть иногда голоден будет, а иногда сыт,

Если станет дерзить, побейте, поколотите его,
Пусть возмужает мое дитя», –
Желание хана Джакыпа таково.
Все это в тайне [от сына] сказав,
Бай Джакып спокойно вернулся домой.
Послушай сказ о том, что предопределил
Всемогущий Аллах, единосущный бог.
После того как уехал Джакып,
Посмотри, что же сделал Манас.
С той поры
Семь дней прошло.
«Мальчик Чеге – мой чоро, – он сказал, –
Товарищ единственный мой,
Давай к ягнтям пойдем,
Будем их пасти, чтоб не отощали они».
Переговариваясь меж собой, они гнали ягнат,
Беседуя, направились к горе,
Свой ребячий вели разговор,
[Так они] оба шли
К покрытой кустарником горе.
Ребята пустили пастись ягнят,
В руки хворостинки взяв.
Вдруг прямо перед ними выскочил
Волк и напал [на ягнят].
Про того, кто прозывается волком, –
О таком и не слыхивал [Манас],
Которому исполнилось девять лет,
Который даже ни на пядь от дома не отъезжал.
Взглянул [на волка] Манас:
[Волк] ягненка придавил,
Отхватил у него курдюк.
«Что за диковина?» – подумав,
Удивился, увидев его,
Стал расспрашивать Манас
У мальчика одиннадцати лет.
«Кто же это такой?» – он спросил,
Взглянув [на волка], Чегебай

«Чтоб ему неладно было! – сказал, –
Волком называют его,
Ему только волю дай –
Убежит он к горе,
Сожрав всех этих ягнят».
Чегебай громко закричал.
«Зачем же ты кричишь?
Не надо кричать, перестань!
Ну и что же, что волк?
Насытится и уйдет», –
Так говорил Манас.
«Да ягненка жаль!
Этот проклятый, если даже всех сожрет,
Вряд ли брюхо себе набьет», – сказав,
Мальчик [к волку] побежал.
На мальчика, что бежал,
Волк посмотрел.
Злобно он зарычал –
Чегебай пустился назад,
Всем телом трясясь.
«Трус ты, сбежал,
[Совсем] голову потерял, – сказал,
Рассердившись, Манас-храбрец, –
Схвачу-ка за уши его, – сказал, –
Насмерть с ним сцеплюсь.
Говоришь, что волком его зовут, –
А людей пожирает волк?» –
[К волку] он побежал.
Ягненка [на спину] закинув,
Тот волк пустился прочь.
[Манас] чуть было за хвост его не ухватил,
Погнался, но его не настиг,
В свои девять лет не струсил он –
Что же это, если не храбрость его?
Серый волк, тащивший [ягненка] на себе,
Через гору перевалил,
[Манас] без остановки гнался за ним,

Было ущелье среди огромных скал,
Были высокие горы – не разглядеть их [вершин],
Волк укрылся среди [этих скал],
Гонясь по кровавому следу ягненка,
Манас [волка] отыскал.
Когда он подошел и посмотрел,
То [увидел] в одной пещере сорок человек,
Все ущелье полно людей,
Крылатые кони у них,
Необычные это были люди,
Ездили на аргамаках-скакунах,
Роскошные одежды на них.
Присмотрелся к ним [Манас]:
Ягненка, съеденного наполовину,
Они , оказывается, привязали подле себя.
Ягненок был жив и блеял он.
Манас на ягненка посмотрел:
«Сожрав ягненка наполовину,
[Волк] схватил его и убежал,
Своими глазами я это видал,
Что же с ягненком приключилось? – сказал он, –
Моего ягненка притащивший сюда
Волк – куда подевался он?
Вы, люди, находящиеся [здесь],
Объясните-ка мне!» –
Мальчик их попросил.
«На моих же глазах
Кровь ягненка пролилась,
Казалось, что он уже мертв,
Теперь же вот он здесь,
Нигде даже ссадины нет,
Вижу я его живым, – он сказал, –
Вот он, ягненок мой, стоит живой.
Вот о чем я спрашиваю», – сказав,
Мальчик замолчал.
Те самые сорок человек
На ребенка устремили взор.

Сказали: «Ягненка твоего волк утащил,
Не бойся, не тревожься, дитя,
Разве есть ссадины на ягненке твоём?
Или раны есть у него?
Ты же сам видишь ягненка своего,
А вот теперь [скажи], за кого ты принимаешь нас?
Для сражений богом ты сотворен,
Чувствуется в тебе мощь.
Не бойся, выслушай [наши] слова,
Ягненок твой здесь стоит», –
Мальчику сказали они.
Видя это, храбрый Манас
В удивление пришел:
«Ягнят много, которых я пас,
Стащивший одного из моих ягнят
Волк был серым на вид, - сказал. –
Ведь он ягненка разодрал пополам,
На моих же глазах ягненок погиб,
С виду он как собака – уши торчком,
Каждый прыжок с целый кулач,
Волк моего ягненка настиг,
Ягненка окровавил всего,
Стащил его, убежал.
Скрылся он за каменистым горным хребтом,
От одного меня он бежал,
Испугался, чуть дух не испустил.
Куда же убежал волк? – он спросил, –
Расскажите всю правду мне,
Что это с вами произошло?
Погнавшись за волком, я [сюда] пришел,
Волк, убегавший от меня,
Оказывается, до вас добежал.
Когда я, погнавшись за ним, [сюда] пришел,
Вы предстали [в обличье] людей.
Приведя моего ягненка [сюда],
Целым-невредимым привязали его.
У каждого [из вас] необычно все.

Что за люди вы? Откуда вы?
Видели ли волка того?
Если вы видели его,
Укажите, в какую сторону [он убежал]!»
Тогда сказали те люди ему:
«Приглядишься, дитя наше, – говорят, –
То, что было волком, – это мы,
А ты – необычный человек,
Есть некто, кого называют Кызыр Илияс,
Он разыскивает тебя вот уже сорок дней.
Мы те, кого сорока чилтенами зовут,
Кто задрал ягненка твоего?
Разве есть следы его зубов?»
Тогда стал спрашивать Манас:
«Как же это вы, люди,
Стать волком смогли?
Кто же из вас волком был,
Скажите, который же из вас?
Ну-ка, серым волком обернитесь, посмотрю,
Вот тогда только я поверю вам».
Из сорока чилтенов один
Встряхнулся – и тут же
Серым волком обернулся он.
«То волк [он], а то человек –
И вправду это чудеса!»
Подумал мальчик так.
Следом за ним
Мальчик Чегебай прибежал,
Манаса и сорок чилтенов –
Всех он оглядел.
Ягненка, который блял,
Увидел живым,
Этому всему подивился он.
Не тратя лишних слов,
Сорок чилтенов [Манасу] говорят:
«Имя этого мальчика Чеге,
Не зови его отныне Чеге,

Он принесет счастье тебе,
Как целебное снадобье при недугах, станет он для тебя,
Кутубием будут его называть,
Имя бога будет у него на устах.
Тридцать девять товарищей [будет] у тебя,
Их имена известны нам,
Не останемся здесь,
Отправимся в путь», – сказав,
[Чилтены] исчезли –
Даже и пылинки не осталось
От всех этих сорока человек.

Книга 1, стр. 275–280

Манасу 15 лет

... «Дитя мое, разбросаны родичи твои,
Обессилен я теперь.
Ненароком мужа убив,
Ты вверг меня в беду на старости лет».
Кончил говорить хан Джакып,
Призадумался мальчик, сочувствуя [ему].
«Куда же подевались те
Сорок человек, что были в облике волка?
Где же они?» – думал [Манас].
«[Все] это было неспроста», – думал он,
Озираясь, оглядывая хребет за хребтом,
Джакыпу не нашелся, что сказать.
[Думая]: «Убил я [калмака] не к добру,
Натворил дел, словно шайтан»,
Окинул он взглядом степь:
Алое знамя подняв,
Вдруг показались сорок человек.
Когда увидел этих сорок человек,
[Вдруг] оглушительно

Мальчик начал хохотать.
На то, что стоит и смеется сын,
[С удивлением] смотрит бай Джакып.
«Без народа, обездоленным остался ты,
Чему же смеешься, дитя мое?
Убил мужа, загубил,
Огорчил ты меня», –
Бай Джакып так говорил.
Хотел было ответить баю Джакыпу [Манас],
Да тут сорок чилтенов, переговариваясь меж собой,
Быстро к мальчику подъехали.
Мальчик отца [уже] не замечал,
Обо всем он позабыл.
Поздоровавшись, он заговорил
С теми людьми, которых узнал,
Он их ясно видел [перед собой].
О том, что сделал калмык, который мертвым лежит,
Стал рассказывать им:
«Он палкой ударил отца моего,
Стал угонять скот, – сказал, –
Я же поступил, как и он:
Ударил палкой его,
Только раз ударил урюком его –
Вот и умер он, – сказал, –
Отец мой опечаленный стоит,
Разум совсем потерял», –
Так юноша проговорил.
«Подойди сюда, дитя», – сказав,
Заговорили сорок чилтенов:
«Ты не горюй,
Дитя, закрой глаза»,
Сорок чилтенов-кайберенов
Сказали мальчику [так],
Мальчик закрыл глаза,
Вдруг привиделось ему:
Повсюду, куда хватал глаз,
Облаченные в темно-синее железо,

Множество воинов стоят.
С золотым венцом на голове
Какой-то белобородый стоит
Впереди этих войск.
[У Манаса] закрыты глаза,
Манас захотел расспросить
Чилтенов, вопрос им задать.
У чилтенов спрашивает он:
«Множество воинов, облаченных в синее железо,
Чи будут?» – он спросил.
Ответили чилтены тогда:
«Растолкуем тебе, – говорят. –
Нами повелевает бог.
Все [эти] войска – твои.
Удача к тебе придет,
Сын калмака, который мертвым лежит,
Станет товарищем твоим.
Этот его сын, что будет товарищем твоим,
Из-за того, что он вышел из манджу,
Будет именоваться Манджибек.
Есть у него народ кара токо,
Лихой удалец этот храбрец.
Вникни в смысл моих слов:
Его отец убит тобой.
[Но] постоянно и во всем
Сын его будет заодно с тобой.
Станет [твоей] хватающей рукой,
Когда отправишься в поход, удачу тебе принесет,
Станет всевидящим глазом твоим,
Будет разумом в твоей груди,
Погибшего калмака опора – [его сын] –
Сдружится он с тобой,
Товарищем будет твоим».
И снова спрашивал Манас,
Много спрашивал о том, о сем:
«Тот, что с золотым венцом на голове
Впереди войска стоит, –

Кто же это?» – спрашивает он.
«Тому, кто впереди войска стоит,
Сейчас пятнадцать лет,
Очень разумный он.
Отец у него – Бай,
Для всего киргизского народа
Станет он сияющей луной».
Чилтены сказали так,
«Открой глаза» – сказали они.
Открыл Манас глаза,
Смотрит, а отец его Джакып
Умчался, оказывается, домой.
Старый табунщик Ыйман
Согнал всех лошадей.
Сорок чилтенов пропали из глаз.
Смотрит, а [он] один в степи...».

Книга 1, стр. 298

*Манасу 30 лет.
Представления о качествах будущей жены*

«...Пусть не будет такая, которую нежит народ,
Кто всякие речи ведет,
Подмигивает и утром и вечером
И имеет любовника,
Если даже дочь бия она.
Пусть не будет такая, кто возвышает
ученость свою
И скрывает все, что ни натворит,
Если даже дочь пира она.
Пусть не будет косматая, с выпуклым лбом,
Кто в полдень встает [и говорит]: «Вот какая я!»,
Если даже дочь бедняка она.

Пусть не будет такая, что зло познав, отомстит,
Кто творит недостойные дела,
Не достигает желаний своих,
Если даже дочь совестливого она.
Пусть не будет такая неряшливая,
с чачпаком в косе,
Кто в темной юрте [украдкой] сливки ест,
Кто думает: «Пока жив мой отец,
Каждый будет сватать меня из-за его скота,
И кого возьму в мужья, будет мирза»,
Если даже дочь бая она.
Тебя, жадного до скота,
Как бы не ввергла [такая] в беду.
Та, что с потрескавшимися подошвами, толстощекая,
Что, разговаривая. Прикусывает язык,
Пусть не станет дочерью тебе.
Отец мой, сам знаешь ты,
Что подобные женщины
Не могут быть желанными для меня.
Пусть не будет такая, что в неге росла
Там, где мальчиков нет и девочка одна,
Даже если единственное [дитя] она.
Пусть не будет такая, кто, не зная отца,
выросла без него,
Имеет свиту при себе,
Выросла своенравной, нескромной,
Если даже дочь хана она.
Пусть не будет такая, кто сама имеет власть,
У которой [лишь] стихи из Корана на устах,
Если даже дочь кадия она. <...>
[Такою, чей] стан – натянута тесьма,
Покачивающуюся, как ивовая лоза,
У которой пушатся волосы у висков,
Кто продумывает глубоко [каждую] мысль,
Кто, словно белая рысь,
Тихо, плавно идет,
Кто предвидит, поняв,

К чему каждое дело приведет,
У которой широкий лоб, глаза – самоцветы,
Зубы – жемчуг, сладкие слова,
У которой выдержка видна,
Кто никому мук не причинит,
Кто произносит спокойно свои слова,
Кто направляет весь свой ум
На то, чтобы расположить к себе народ,
Кто предстоящие дела
Предвидит наперед,
Кто разумно поступает,
Позором считает не знать того,
что следует знать,
Находчивую, богатую умом,
Приносящую благо для всех,
Вежливую и щедрую душой.
Совершенную во всем,
Приятную, сладкоречивую,
Светлолицую, с томными глазами,
С длинной шеей, с изящной головкой,
С глубоким умом, с твердым характером,
С красивой челкой, с длинной косой –
Такую девушку чтобы высмотреть,
Отец, не щади себя, глядя во все глаза.
Пусть будет ухаживать за мужем с умом,
Со смекалкой опекать народ,
Знать цену скоту, выхаживать его,
Кто будет, славя Аллаха, жить,
Пусть будет искусницей, какой в народе нет,
Пусть будет умной девушкой она!
Если быть ей, то пусть будет такой,
Чтобы божьему рабу, которому приглянулась,
Понравилась бы она!
Хозяйкой над всем миром став,
Чтоб [была] как на каменной основе стена.
То, о чем даже и не догадывается никто
По меньшей мере раньше чем за шесть лет,

Чтобы тотчас могла распознать!
Чтобы при виде хлебосольства ее
Даже злобствующие люди
Насытились без еды и питья!
Чтоб она расчетливой была,
Чтоб, ходит ли она или стоит,
Все заботило ее!
Пусть слова ее будут сахар и мед.
Подумай-ка о такой,
Обыкновенную девушку ища,
Не попади впросак!»

Книга 2, стр. 570–572

Встреча Манаса со своей будущей женой

Рабийга слово говорит:
«Не дыши тяжело, – говорит, –
Вникни в суть [моих] слов,
Когда в жены возьмешь, буду твоей,
Почему сейчас не согласен ты
С тем, как отвечаю я?
Просто так приходишь и пристаешь.
Каково происхождение твое, кто ты сам?
Кто ты и что ты, расскажи,
Пламя вырывается из твоих глаз».
«Имя мое – Манас, из киргизов я,
Бог мой на меня
Счастье и богатство возложил.
Цели своей не достиг –
Из-за одной девушки счастье мое ушло.
Если заупрямишься, покажу я тебе!
Нет сомненья – погибла ты».
Разъярился, набросился с бранью [Манас],
Гнев переполнил его, бранился он,

От девушки муки приняв.
Пришел в ярость этот Манас,
Гневом охвачен весь.
Девушка заупрямилась, словно говорит:
«Если у киргизов ты – Манас,
То в Кыйбе я – Рабийга,
Оборвется твоя жизнь,
Напрасно прольется твоя кровь,
Особенным человеком, что ли, буду [тебя] считать
Только из-за того, что имя твое Манас?
С тем, что сказал, разве соглашусь?
Имя нукера моего тоже Манас,
Имя сподвижника моего тоже Манас,
Имя моего пастуха коров тоже Манас,
Имя лавочника моего тоже Манас,
Имя скотника моего тоже Манас,
Имя слуги на побегушках,
Прислужника моего, тоже Манас,
Что же унижаться мне
Только из-за того, что имя твое Манас?
С тем, что сказал, как согласиться мне?
Не оскверняй дом моего отца,
Сейчас же уходи!
Если сейчас же не уйдешь,
Непременно ты умрешь!»
Сказав это, ханская дочь,
Единственная у Атемира [дочь],
Взяла в руки кинжал.
Манас рассвирепел,
Он готов был на все –
Даже смерть принять,
Ханскую дочь ударил он
По руке, в которой был кинжал.
Зная, что ударит он, девушка та,
Оказывается, увернулась [от него],
Думая ударить девушку эту,
Он задел рукою кинжал.

В запястье кинжал угодил,
В синюю жилку запястья
Кончик кинжала попал,
Брызнула красная кровь,
Журча, полилась.
В левую руку попал кинжал,
С храбрецом случилась беда,
Ту Санирабийгу
Ударил в грудь Манас,
Красивая девушка Рабийга
Упала вниз лицом.
У предка твоего Манаса-богатыря
Если не богатство это, то что же?
Вот так вышел он [от нее].
Та ханская дочь, которую видели,
Атемира единственная [дочь],
В доме своего отца
Получила сильный удар.
Готов был там же голову ей отсечь,
[Но] красоту, облик, изящество ее,
Представив статность ее,
Лев Манас ее пожалел.
Пять ребер сломалось [у нее],
Закрыв лицо, заплакала она.
Пока Манас выходил,
Кровью пропитался его рукав,
Разъяренный, приняв важный вид,
Разозленный, приняв грозный вид,
Лев приехал в свой кош,
К войску своему.

Книга 2, стр. 619–621

Преодоление врагов

Нахмутив брови, храбрец Кошой
На Манаса посмотрел:
«Э-э, жеребенок мой, храбрец Манас,
Взгляни-ка ты, богатырь Манас!
Из Бейджина Конгурбай –
Большой калдай с нравом плохим,
Из большого Бейджина Конгурбай –
Проклятый духами предков большой калдай,
Много войск у него,
Оказывается, раздасадован он,
На голову Бокмуруна,
Оттого что приехал на поминки [Конгурбай],
Неожиданно свалилась беда.
«Только Манаса отметил [Бокмурун], –
сказал [Конгурбай],
Внимал всему, что бы он ни говорил,
Скотинку свою – кречета,
Тулпара своего Арчатору
В дар ему он преподнес,
Много ему лестных слов говорил.
Отдай Мааникера своего,
Если Мааникера не отдашь,
То увидишь, как тебя прижму,
Пусть и обидишься на меня,
Но устрою тебе переполох,
Не стану за человека тебя считать,
Не стану есть мяса, поданного тобой,
В твоём аиле побоище учиню,
Тотчас же, сегодня
Твои поминки разнесу», –
Говорил хан Конгурбай.
Находящийся здесь ваш младший брат –

Огорченный вернулся назад.
После того как все пришли ко мне
И сказали: «Как нам быть, аба?»,
[Ответил я:] «Если для всех вас подойдет,
То ваш аба вот что скажет вам:
Хоть и кытаи они, но многочислен этот народ,
Со словами поганцев согласитесь,
Хоть иноверцы они, да с ханом этот народ,
Задиристый, запасливый это народ,
Что если Мааникера отдадим?» – я сказал,
Чтобы это рассказать,
Мы к вам пришли,
Отдать нам его или нет?
Дай ответ, богатырь», –
Сказал храбрый Кошой.
Когда услышал эти слова,
Взбесился храбрец,
Из правого глаза полыхнул огонь,
Из левого глаза горящие угли исторг,
У неладного изо рта
Вылетели снаряды, пули джазайыла,
Высматривающего из-за укрытия жертву,
готового к прыжку
Леопарда облик приняв,
Того, чей хвост кольцом, а шкура пестра,
От кого, если убежать, не спастись, –
Облик смурного тигра принял он.
Потеряв человеческий вид,
Приняв облик льва,
Ничего не сказал [Манас],
Аба Кошою богатырю
Ответа не дал.
Палку, которой бьют в барабан,
В руки взял,
В барабан с обручем золотым
С грохотом ударил.
Громко загремел барабан,

Находившиеся в ханской юрте сорок богатырей
Все до одного
Рванулись к кошу гурьбой.
Посмотри, как проворны они, –
В коше надели боевую одежду на себя.
То, что надето, – железо сплошь,
Надеются на единого творца.
Кольчуги, латы, панцири [на них],
Взглянем на сорок богатырей –
Похоже, [никому] не уцелеть.
Из стали шлемы на них –
Так наводят страх на врага.
Где бы копье, меч и пуля пробили –
Нет ни одного [такого] места у них,
Сразившийся с ними враг
Тут же будет вдребезги разбит,
Прикрыли лица свои
Непробиваемыми пулями железными щитками.
Не успели и глазом моргнуть –
Только забил золотой барабан,
Быстро сели на коней,
Если уж садились, то быстро садились верхом,
Прогибались спины у скакунов,
Всем сердцем радовались те, кто видел их,
Все храбрецы
Были одеты в железо сплошь,
Все ружья заряжены,
Все фитили подпалены,
Те, что стреляют из ружья и натягивают лук, -
Все самые лучшие прошли смотр.
Подготовленного давно,
С глазами, блестящими, как стекло,
Огромного коня Кулу, что будет скакать [на байге],
Ступающего величаво, ведя в поводу,
Ухаживающий за конями Джоорунчу
[К Манасу] торопливо подвел.
Огромного коня Кулу, [летающего] как стрела,

Горяча его,
Подвел к богатырю.
Разгневанный лев-храбрец
Прямо с разбегу
Вскочил на коня,
[Даже] в стремя, из золота литое,
Ногу тюре не вдел.
Прочно усевшись верхом на коне,
Коня Кулу, подобного маралу,
Мигом вскачь пустил.
Потом его повернул,
Свое грозное копьё
Оттуда, куда было вложено,
Копьё свое выдернул он.
Горяча коня Аккулу,
Как голодную борзую, его пустив,
К белобородому Кошою –
Прямо к нему поскакал,
«Эх, абаке, – сказал, –
Где же ваш ум?
Если бы кто-то другой так сказал, а не вы,
Если б сказал кто-то другой из живущих,
Разве я не лишил бы жизни его,
Разве не пролил бы его кровь?
Тебя я смолоду уважал,
Тебе я не желаю зла,
Только потому и остался ты цел, что ты Кошой,
Только потому, что ты старик, которого никто
не тронул рукой,
Ты и остался цел,
О горе! Унизительные слова
Зачем же ты произнес?
Где же бродит твой скот,
Что без хозяина остался?
Когда я – твой богатырь Манас – умру,
Когда увижу тот свет,
Вот тогда и преподноси дары,

А пока Манас занимает трон, будь доволен своей судьбой!
Обидишься, если и еще скажу:
Лучше было бы
Не жить тебе, а умереть!
Когда я – твой храбрец Манас – умру,
Когда увижу загробный мир,
Когда нечестивец разрушит весь свет,
Когда, властвуя, не позволит ни звука издать,
Когда будет он ездить верхом без узды,
Храбрец Кошой, не только своего коня,
Но и своих дочерей, Кошой, в дар отдай,
Когда настанет Судный день,
Когда нечестивец станет [тебя] теснить,
Тогда и отдавал бы девушек в дар,
А пока я еще жив,
Говорить бы тебе: «У меня есть Манас!»
А сегодня нечестивец тот,
Нечестивец, что знамя поднял,
Разве не разгадает слабинку твою?
Разве не сразит, не дав и шелохнуться, тебя?
Разве сегодня же Мааникера
Не отберет как бы в знак дружбы с тобой?
А разве завтра коня Кулу,
Облюбовав, не схватит он? <...>
Если лишатся всех своих коней,
Разве не станут несчастными молодцы?
Если скажут: «Не сразившись, ты отдал коня»,
Разве это не станет мукой для нас?
В день Страшного суда
Разве [я], Манас, в ад не попаду?
Чем говорить: «Мааникера отдам»,
Скажи лучше: «Умер Манас».

Книга 3, стр. 358–362

Преодоление себя

Когда на смотр вывели коней,
Когда число их было тысяче равно,
«До какого места кони побегут,
С какого места поскачут назад,
Скажет храбрец [Манас]», –
Говорили мусульмане и иноверцы все.
Старик их Кошой – катаган
И Манас судьями стали.
«Богатырь, расстояние назови,
Сам реши», – говорил
Собравшийся народ,
Неустрашимые, равные по силе тюре
Обступили Манаса.
Задумался лев Манас,
Прикидывал так и сяк,
Пока он что-то произнес,
Пока богатырь собирался ответить,
[Урбю], кто в Эки-Кемине жил,
Кто держал на привязи пару вороных,
Кто пронирым человеком был,
У кого конь на короткое расстояние хорошо скакал,
Кто ни слова сказать не смог,
Запнулся, произнеся «Манас»,
Не решился слова сказать,
Кто выслушал от Кошойа упрек,
Услышал его гневные [слова], –
Досада взяла [Урбю,
Правителю Манасу-храбцеу
Есть что сказать Урбю:
«С дороги люди утомлены,
Пустили на скачки быстроногих скакунов,
Пусть скачут два дня туда,
Пусть за один день доскачут сюда –

Сегодня я рассчитал,
Другие же пусть откажутся от слова,
взятого на себя», –
Сказал храбрый Урбю].
Услыхав то, что он сказал,
Манас рассвирепел,
Из правого глаза полыхнул огонь,
Из левого глаза горящие угольки исторг,
Пули слетели с его губ:
«Проклятый, с бельмами раб, –
Ты, раб, знай только свое,
А вот здесь-то
Должен считаться с Манасом, раб,
Проклятый, плешивый раб,
Глупый раб, не смыслящий в делах,
Сейчас же заткнись,
Разве этими поминками заправляешь ты, раб?!»
С рукоятью, [украшенной] кисточкой на конце,
[Камчу], у которой на конце
Свинцовая пуля закреплена,
Большую камчу с особым плетением
Вправо крутанув,
Подавшись всем корпусом вперед,
Ударил он Урбю по голове.
Из шапки у того полетела пыль,
Щека его рассечена, показалась кровь.
При всем народе
Беки, возомнившие много о себе,
Издали неприличный звук.
Растерялся, рассудок потерял,
Был не в своем уме, одурел,
Оторопел Урбю.
Урбю оторопел,
Храбрый Кошой к Манасу подбежал,
Накинулся на него:
«Эй, жеребенок мой, храбрец Манас,
Что за нрав у тебя, Манас?

Со знатными не считаешься ты,
Ни во что не ставишь простых,
Как думаешь, кто тот, кого ударил ты?
Ты Урбю ударил по голове,
Доволен своей рукой,
Если и я вдруг оплошность допущу,
Ударись и Кошоя по голове!
Если даже есть покровители у тебя,
Но после этого, мой храбрец,
Несчастье может постигнуть тебя,
Если разгневается Кошой,
Ненароком можешь умереть!
В конце концов ты не проявляй
Свой норов, мой Манас!
Когда говорят: «Манас, Манас!»,
Весь раздуваешься ты,
Словно неполно надутый бурдюк,
Оказывается, так и раздуваешься ты!»
Громко кричал аба твой Кошой,
Сверкал своей белой бородой.
Разъярился он.
Думая, что заступится Кошой,
Если вдруг накинется Манас,
Думая, что вместе с ним драку начнет,
Понадеявшись на Кошоя,
В сказанных Кошоем словах
Поддержку найдя для себя,
Красноречивый, речистый молодец,
Крепкий в вере, верующий молодец
Урбю вот какие слова [сказал]:
«Самаркандский сарт Манас,
Буду я болезнью [для тебя], Манас,
Собака с рыжим ухом ты, Манас,
Провалиться бы в землю тебе, Манас,
На этих днях с ворота твоего
Сыпались, оказывается, вши, Манас!
Будто миром ты завладел,

Сорок джигитов имея при себе,
Мнишь себя храбрецом и каждый раз
Рубишь своим мечом,
А однажды настигнет тебя смерть
От секиры моей!»
Храбрый Урбю, рассердившись,
Сказал вот какие слова.
Храбрец Манас услышал сказанное им,
Тут же богатырь
Принял облик льва,
Смотрит, как леопард,
Что из ложбины рычит,
Всегда, во все времена
Гнев его уместен был.
Пестрая шкура [у него], загнут кверху хвост,
Если накинется, никому не уцелеть,
В злобного тигра превратился он,
Облик человека потеряв,
Изготовившись к прыжку, как лев,
В позолоченный барабан
Нацелился бить,
Если б ударил он в барабан,
То сорок волков, что рядом с ним,
Кинувшись, изрубили бы Урбю
На куски, убили бы его.
Храбрый Кошой, ваш абаке,
Растерялся, не знал, что предпринять,
«Не разговаривай с ним так, – он сказал, –
Гнев его погубит нас,
Не устроили бы нам побоище сорок богатырей,
Людам последующих веков
Не осталась о нас худая молва!
Лишь иноверцы затаивают месть,
Эх, что же ты наделал, Урбю!
Да замолчи, ты, склочный кабан!
Сорок тигров [Манаса] погубят нас».
Растерялся ваш аба Кошой,

Ведя за собой Урбю,
Кошой от войска отошел.
Не смея на храброго Кошойа руку поднять,
Не в силах умерить свой гнев,
Не в силах сдержать свою злость,
Когда твой абаке так поступил, –
Кого бы это в смущение не привело?
Удалью переполнен [Манас],
Глаза горят огнем,
Ярость переполняет его
От того, что сказал Урбю,
Не уцелеть тому, на кого взгляд устремит,
Он – словно тигр в осеннюю пору,
Он – словно верблюд в зимнюю пору,
Никто из божьих рабов не смел близко [к нему] подойти,
Сдерживая ярость, как одурманенный стоит,
Не зная, как быть, лев твой Манас
Не мог умерить свой гнев, оцепенел, -
Кто же стоит так, как он?
Долго он неподвижно стоял.
Только потом ответил он:
«Мой многочисленный киргизов народ,
Таков обычай оставшийся нам от отцов –
Пусть шестьдесят человек гонят коней,
Если погонят, то пусть гонят быстрее,
Перевалите хребет Чабдар,
Проезжайте по берегу Или,
Поезжайте вдоль великой реки,
Прогоняйте верховья Улана,
Погоняйте лошадей,
Скачите туда шесть дней
И оттуда пустите [коней назад],
По дороге, по которой кони должны вернуться назад,
С белыми флажками в руках
Скачите шесть тысяч человек,
Ночью, не сбиваясь с пути,
Направляйте по дороге коней.

За два дня и за одну ночь
Вернутся те бегунцы, что прискачут раньше всех,
Пусть хозяевам их
Достанется в награду выделенное добро».

Книга 3, стр. 373–377.

Примечания:

Кайберен – мифический покровитель крупных и мелких диких травоядных животных.

Калмак – враг вообще, противник богатыря.

Чилтены – адепты ислама, обретшие святость. Согласно представлениям мусульманской мифологии, чилтены являются таинственными руководителями земной жизни, заступниками людей и могут появляться среди них в человеческом облике.

Кызыр Илияс – пророк Хызр, один из древних персонажей домусульманских легенд, преданий и сказок тюркских и иранских народов, который часто предстает вещим старцем, покровителем героев и влюбленных. Он неожиданно появляется в самые ответственные моменты их жизни и так же внезапно исчезает.

ПЛАТОН

Платон, великий древнегреческий философ, ученик Сократа и учитель Аристотеля, основатель в Афинах Платоновской академии, в кругу своих современников, даже близко к нему стоящих, был известен как Аристокл, и только после его смерти прозвище Платона, данное ему в шутку за его широкую грудь или, по другим преданиям, за его широкий лоб (от слова *πλατύς* – широкий), приобрело мало-помалу такую популярность, что наконец вытеснило его прежнее имя и вошло в историю как настоящее.

Точная дата рождения Платона неизвестна. В настоящее время наиболее достоверными датами жизни Платона считаются 428/427 – 347 гг. до н.э. Семья, к которой принадлежал Платон, была одной из древнейших и влиятельнейших в стране. Его отец Аристон был потомком знаменитого царя Кодра, известного тем, что, согласно преданию, он не пожертвовал на войне своей жизнью, узнав от оракула, что та из враждующих сторон победит, которая так или иначе лишится своего царя. Афиняне были так поражены благородством этого подвига, что отчаялись в возможности найти ему достойного преемника и объявили трон навсегда вакантным. Считалось также, что Кодр вел свое происхождение от бога моря Посейдона и, таким образом, являлся чуть ли не полубогом. Мать Платона, Периктиона (а по другим источникам, Потона), происходила по прямой линии от Дропида, родственника и друга знаменитого законодателя – мудреца Солона.

Знатность происхождения обеспечила Платону самое блестящее воспитание, какое только было доступно в то время. Способности его стали обнаруживаться рано, и во всех предметах тогдашнего образования он добился прекрасных успехов. Долгое время любимой мечтой будущего философа была карьера поэта. Он сочинял эпиграммы и драматические произведения, пел и музицировал, занимался спортом. Благодаря сильному физическому

сложению и природной ловкости он так отличался в гимнастических упражнениях, что стал одним из любимейших учеников своего учителя Аристона, который и дал ему это, ставшее теперь историческим, имя – Платон. В разгар Пелопонесской войны Платон был принужден часто отлучаться из города для выполнения воинской повинности. Встреча с Сократом в 407 г. до н.э. коренным образом изменила судьбу Платона. Он был покорен «мудрейшим из греков» и остался до конца жизни верным философским исканиям своего духовного наставника. Сильная привязанность и беспредельная любовь к учителю выразились в том, что он сделал Сократа главным собеседником в своих знаменитых диалогах и развивал свое учение его устами.

В 399 г. до н.э. пришедшие к власти в Афинах представители демократии обвинили Сократа «в отрицании богов» и «совращении молодежи». Истинная причина недовольства лидеров демократии Сократом заключалась в резко отрицательном отношении мыслителя к выбору должностных лиц по жребию, в его дружбе с представителями аристократии, в его огромном авторитете среди афинян, на который он опирался, критикуя многие демократические установления. Суд большинством голосов признал Сократа виновным, и он, отказавшись от побега, подготовленного его друзьями, выпил чашу с ядом. События последнего дня жизни Сократа изложены Платоном в одном из его диалогов – «Федоне». Сам Платон из-за болезни не присутствовал при кончине своего учителя, и рассказ ведется от имени Федона, любимейшего ученика Сократа. В этот день, пишет Платон, рано утром, собрались в келью Сократа его друзья и нашли его уже без цепей и в обществе своей семьи. Увидав их, Сократ выслал жену и детей и сам остался наедине со своими учениками, чтобы побеседовать с ними в последний раз. Он утешал своих друзей, указывая на неосновательность их горя и говоря о необходимости умереть так или иначе. Он говорил о вероятности загробной жизни и, как и прежде, пересыпал свои доказательства шутками, притчами и стихами любимых поэтов. Когда же солнце стало клониться к закату и роковой час был уже близок, Сократ удалился в соседнюю келью, принял ванну, после чего велел позвать жену и сыновей. Дав им необходимые наставления и ласково простившись, он

отослал их, не желая, чтобы они присутствовали при его кончине и испытали лишние страдания. Вскоре вошел в келью и тюремщик со скорбной чашей в руках: он попросил Сократа простить его за печальную, хотя и невольную обязанность, которую ему приходится исполнять, выразил всю ту безграничную любовь, которую мудрец успел ему внушить за короткое время вынужденного знакомства, и дав надлежащие наставления, простился с ним, едва удерживаясь от слез. Сократ взял чашу цикуты из его рук и, свершив молитву богам, спокойно, без волнения выпил ее. До сих пор ученики его крепились, но тут они не выдержали и горько заплакали. Один Сократ сохранил обычное свое самообладание и нежными упреками и увещаниями заставил их наконец замолкнуть. После этого, согласно наставлениям тюремщика, Сократ принялся ходить по комнате, пока не почувствовал тяжести в ногах. Он лег на кровать, а тюремщик время от времени подходил к нему, ощупывая его ноги и спрашивая, чувствует ли он. Яд действовал, начиная с конечностей. Когда холод и ооченелость дошли до поясницы, Сократ, обратившись к одному из своих учеников, попросил его не забыть принести Эскулапу в жертву петуха, – в знак исцеления. Память о Сократе не умерла вместе с ним, и нравственный облик его навеки остался достоянием человечества, как прекрасный, недостижимый идеал. А «испытие чаши яда» стало символом неблагодарности человечества по отношению к мудрецам, расширяющим горизонты сознания людей и приносящим на алтарь просвещения народов свои жизни на протяжении многих и многих тысячелетий.

Платон крайне тяжело пережил смерть любимого учителя, которая довершила его разочарование в афинской демократии, во многом predetermined поражение, нанесенным Афинам в Пелопонесской войне со стороны аристократической Спарты. Платон, как и Сократ, критиковал демократию за ее некомпетентность, за ненадлежащий принцип отбора должностных лиц и т.п. Выдвижение в правление «истинных философов», «людей сведущих в политической и иной мудрости» с точки зрения тогдашней демократии означало оттеснение широких слоев «свободного демоса от кормила правления». В числе многих учеников и друзей Сократа Платон был вынужден покинуть родной город.

Годы скитаний стали для Платона временем дальнейшей учебы. Он побывал в Мегарах у Эвклида. Затем, согласно преданию, приобрелся к тысячелетней мудрости Востока, посетив Вавилон, Ассирию, Финикию, Иудею, Египет. Некоторое время жил в Италии у пифагорейцев, постигая их учение. Короткий период его жизни, непосредственно следовавший за его поездкой в Египет, остался для историков темным и невыясненным. Одни предания переносят его в Малую Азию, в Персию, и затем даже в Индию, где он будто бы изучал премудрость Зороастра и Будды, халдеев и браминов. В 389 г. до н.э. Платон перебрался на Сицилию. В правящем Сиракузами тиране Дионисии Старшем он увидел человека, который, по его мнению, мог создать совершенное государство. Посредством философских бесед Платон рассчитывал открыть Дионисию истину и сделать его сторонником своих социальных идеалов. Два года, проведенные им на Сицилии, привели лишь к тому, что тиран, подозрительный и коварный, продал его в рабство. Только вмешательство друзей, выкупивших Платона, спасло философа от неволи.

Другие предания говорят, что незадолго до сорокового года своей жизни Платон вернулся в Грецию и после 13-летнего отсутствия вновь посетил свои родные Афины. Около 385 г. до н.э. он приобрел рошу в пригороде Афин, которая носила имя героя Академа. Здесь он основал философскую школу – знаменитую Академию. Этот уникальный учебно-исследовательский центр просуществовал более девяти веков – до 528 г. н.э. Академия более походила на научное сообщество, чем на традиционное в нашем понимании учебное заведение. Платон, совмещая преподавательскую деятельность с научно-художественным творчеством, возглавлял Академию до конца своих дней. Умер Платон в глубокой старости, восьмидесяти лет от роду, в 347 (348) г. до н.э., и был похоронен в Керамике, неподалеку от Академии.

Платон оставил после себя обширное литературное наследие. Главное место в нем занимают сочинения, написанные в форме диалогов. Собрание сочинений Платона состоит из речи «Апология Сократа», 23-х подлинных диалогов, 11-ти сомнительных диалогов, 8-ми безусловно неподлинных произведений, 13-ти

писем, за большинством из которых признается авторство Платона, и «Определений», считающихся неподлинными.

Учение Платона – первая классическая форма объективного идеализма. Отстаивая диалектический взгляд на мир, Платон активно боролся против материалистических учений своего времени. Он широко использовал учения Сократа, пифагорейцев, Парменида и Гераклита. Для объяснения бытия Платон развивал теорию о существовании бестелесных форм вещей, которые называл «видами» или «идеями» и которые отождествлял с бытием. «Идеям» Платон противопоставил небытие, отождествленное с материей и пространством. Чувственный мир, по Платону, является порождением «идей» и «материи» и занимает срединное положение между ними. «Идеи» вечны, они не возникают и не погибают, они безотносительны, не зависят от пространства и времени. Чувственные вещи преходящи, относительны, зависят от пространства и времени.

Платон утверждал, что понять реальное – значит, обнажить его, отделив его от видимости, а не облечь в видимость. Именно идеи выражают образцы совершенства, к которому стремится все на свете – и материальное, и этическое, и эстетическое. Идея по отношению к вещам играет такую же роль, какую играют концепции художника или ремесленника по отношению к их произведениям. Идеи суть типы или первообразы, по которым созданы вещи нашего чувственного мира. И подобно тому, как статуи художника суть как бы вещественные копии с их концепций, так и вещи чувственного мира суть не что иное, как вещественные копии с данных идей. Разница лишь в том, что в то время как концепции художника или плотника существуют лишь в уме, идеи существуют в реальности. Вещи не обладают никаким действительным бытием; подобно отражению в зеркале, они – неверные, неясные снимки, имеющие существование, да и то призрачное – только благодаря идеям. Вселенная поэтому распадается как бы на два мира: один мир – идей, единственно реальный, неизменный и вечный, а другой – вещей, призрачный, бранный, изменчивый; в первом обитают оригиналы и типы, во втором – копии и снимки; в первом – нумены, во втором – феномены, в первом – бытие, во втором – становление.

Учение Платона о человеке тесно связано с мыслью об идеях (высшая среди них – благо) как прообразах вещей, об эросе (любви к идее), как побудительной причине духовного восхождения, о законах, формирующих добродетели человека. В центре космологии Платона находится учение о «мировой душе» – учение о том, что душа заключена в темницу нашего тела, и о перевоплощении: «Живые прообразы чувственных вещей, идеи, живут в надзвездной сфере, составляя особый мир. Чистые, без вещей, идеи, живут в надзвездной сфере, составляя особый мир. Чистые, без цвета, без формы, без протяжения, восседают они там, как божество, сияя вечной красотой и истиной, не доступные никому, кроме Бессмертного разума. Но с ними обитали и души, перед тем как они ниспосланы были в наши бранные оболочки. Тогда, во время своего обитания в горных областях, они созерцали в немом восторге эти державные идеи, пропитываясь их светом и составляя точные понятия об истине и бытии; теперь же, заключенные в телесную оболочку, как в темницу, они поставлены среди быстро несущегося потока жизни, имея перед своими взорами не вечность, не совершенство, не неизменность, а мелькающие феномены, полные только уродства и непостоянства. Но вместе с тем эти феномены суть бледные копии вечных идей, и перед мысленными взорами впечатлительной души раскрывается – смутно сначала, но яснее потом, другой, лучший мир, в котором она некогда жила и который был ей так дорог. Она начинает вспоминать, как мы начинаем вспоминать родные лица при взгляде на их фотографии, хотя бы от времени выцветшие: образы будят память, и мало-помалу, напрягая все свои силы, душа начинает подмечать знакомый облик идей среди шумного и несвязного вихря вещей и явлений. Чем полнее отрешается она от влияний внешнего мира, тем глубже всматривается она в пеструю игру явлений, тем ярче оживают в ней воспоминания, тем живей встают перед ней давно забытые образы идей. Она все выше и выше поднимается над чувственными восприятиями, чуждыми ей с самого рождения, и начинает постепенно создавать понятия, соответствующие ее воспоминаниям, – понятия, все более и более сложные, все более и более высокие. <...>

Теория воспоминаний, важная сама по себе, как попытка разрешить основную проблему о философском знании, получает в наших глазах еще большее значение вследствие выводов, которые непосредственно из нее вытекают. Душа, заключенная в тесную оболочку тела, начинает присматриваться к бесконечной смене внешних явлений и улавливать первообразы вещей, которые она некогда видела. Она начинает вспоминать свою первоначальную обитель, где ее жизнь была полна блаженного созерцания вечно сияющих идей: она начинает тосковать и рваться вон из давящей клетки к высоким небесам, к царству Добра, Истины и Красоты. Чем она чувствительнее, тем ярче горят воспоминания и тем сильнее ее жажда возвратиться в свою родную страну. Стены ее темницы заслоняют ей взор, телесные оковы отягчают ей крылья, но тем непреодолимее становятся ее стремления освободиться от связывающих ее пут. Нетерпение растет у нее по мере увеличения ее знаний; презрение и ненависть к чувственным предметам все усиливается, и с затаенной тоской ждет она момента своего освобождения, одержимая одним страстным порывом перешагнуть за пределы земного существования. Небесные мелодии звучат немолчным призывом, и она прислушивается к ним в таком же восторженном экстазе, как святая Цецилия к звукам своего органа, ища за конечным – бесконечное и за смертным – бессмертное» (*Е. Орлов. Платон // Сократ. Платон. Аристотель. Сенека: Биограф. очерки.* – М.: Республика, 1995. – С. 108 – 109).

Развивая взгляды Гераклита, Протагора, Платон говорил, что знание материального мира состоит исключительно из чувственных восприятий, а так как одна и та же вещь может восприниматься различно различными субъектами в различное время, то такое знание не в состоянии установить прочных фактов и исчерпать истинную природу вещей. Мир, воспринимаемый нашими чувствами, пестр, многообразен, непрерывно меняется и ненадежен. Поэтому такое неистинное знание является только мнением – чем-то средним между совершенным знанием и полным незнанием. Другими словами, знание – это представления несовершенного, постоянно изменяющегося человека о таком же несовершенном, постоянно меняющемся мире, проходящем промежуточную стадию между бытием и не-бытием. Истинный мир – мир

идей, однако он доступен не чувствам, а только разуму. Платон проводил в связи с проблемой объективного познания внешнего мира следующую аналогию. Представим себе, говорил он, подземную пещеру с широким, но высоким отверстием к свету, а в пещере – людей, находящихся там со дня своего рождения и скованных по рукам и ногам, спиной к передней стене. Сзади них пылает яркий огонь, а между ними и этим огнем, по тропинке, идущей вдоль отверстия, беспрестанно проходят люди, бросая тень в пещеру, на противоположную ей стену. Не будучи в состоянии повернуть голову и не зная, следовательно, что происходит за их спиной, люди в пещере видят одни лишь тени и, естественно, принимают их за действительные фигуры, за реальные существа. Но вот представим себе, что один из этих людей освобождается от цепей и выбирается через отверстие пещеры на открытый воздух, в незнакомый ему мир. В первые моменты, конечно, он ничего, кроме боли в глазах, не испытывает, но затем, мало-помалу привыкая к свету, он начинает присматриваться и видеть целый ряд новых, неизвестных ему вещей – небо, землю, воду, людей, деревья и прочее. Сначала, если его кто-нибудь начнет уверять, что все, что он видит, реальности, а то, что он раньше видел в пещере – одни лишь тени их, он, вероятно, не поверит, подумает, что над ним смеются, и, быть может, еще так обидится, что махнет рукой и полезет обратно в свою родную пещеру. Но предположим, что он – человек недюжинный и что у него хватит мужества выслушивать все эти неприятные ему вещи: он начнет тогда проверять, сравнивать, ощупывать и размышлять и, наконец, согласится, что прежде он жил фантомами, что он знал лишь тени вещей и что только теперь ему удалось постигнуть действительный мир. Быть может, движимый любовью к своим жалким собратьям, он возвратится в подземную мглу и начнет рассказывать про свои впечатления; но они поднимут его на смех, назовут свихнувшимся фантазером, и, если, при переходе от света к мраку, он еще на время ослепнет и не сможет различать даже и тени, проходящие по стене, над ним начнут еще острить и спрашивать, не оставил ли он там, наверху, свой ум и свои глаза и т. д. Смысл этой басни ясен: пещера – это наш видимый мир, тени, проходящие на стене, – суть вещи этого мира, а люди, сидящие там и при-

нимающие эти тени за действительность, – это мы сами, самоуверенные и упрямые слепцы, принимающие вещи чувственного мира за реальность.

Если взглянуть на повествование о пещере из нашего, XXI-го века, можно только удивляться тому, насколько близка выраженная в нем идея тем смыслам и образам, которые лежат в основе синергетической концепции мировидения. Взгляд Платона – это взгляд на наш мир со стороны, с более высокого уровня сознания. Нам же, чтобы понять Платона, нужно, подобно жителям пещеры, научиться выходить из мира трехмерного в мир многомерный, нужно понять, что значит расширение сознания, свобода выбора и свобода воли, единство мира и многое другое. Синергетическая парадигма является как раз тем инструментом, который призван активно способствовать расширению сознания человека и выходу его в мир многомерности.

Литература

1. Сократ. Платон. Аристотель. Сенека: Биогр. очерки. – М.: Республика, 1995.
2. Философский словарь / Ред. *М.М. Розенталь*. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1975.
3. Платон. – М.: Изд. Дом Шалвы Амонашвили, 2000.

Платон

ДУША И ТЕЛО. БЕССМЕРТИЕ ДУШИ*

Четыре доказательства бессмертия души.

Аргумент первый: взаимопереход противоположностей

<...> Есть древнее учение – мы его уже вспоминали, – что души, пришедшие отсюда, находятся там и снова возвращаются сюда, возникая из умерших. Если это так, если живые вновь возникают из умерших, то, по-видимому, наши души должны побыть там, в Аиде, не правда ли? Если бы их там не было, они не могли бы возникнуть; и если бы мы с полной ясностью обнаружили, что живые возникают из мертвых и никак не иначе, это было бы достаточным доказательством нашей правоты. Если же все это не так, поищем иных доводов.

– Отлично, – сказал Кебет.

– Тогда, – продолжал Сократ, – чтобы тебе было легче понять, не ограничивайся одними людьми, но взгляни шире, посмотри на всех животных, на растения, одним словом, на все, чему присуще возникновение, и давай подумаем, не таким ли образом возникает все вообще – противоположное из противоположного – в любом случае, когда налицо две противоположности. Возьми, например, прекрасное и безобразное, или справедливое и несправедливое, или тысячи иных противоположностей. Давай спросим себя: если существуют две противоположные вещи, необходимо ли, чтобы одна непременно возникала из другой, ей противоположной? Например, когда что-нибудь становится больше, значит ли это с необходимостью, что сперва оно было меньшим, а потом из меньшего стало большим?

– Да.

* Платон. Федон // Соч. – М., 1970. – Т.2. – С. 30 – 48; 65; 79 – 89.

– И соответственно, если оно станет меньше, то меньшим станет из большего?

– Конечно.

– И слабое возникает из сильного, а скорое из медленного?

– Несомненно!.. <...>

– Теперь сам скажи так же о жизни и смерти. Ты признаешь, что жизнь противоположна смерти?

– Признаю.

– И что они возникают одна из другой?

– Да.

– Стало быть, из живого что возникает?

– Мертвое, – промолвил Кебет.

– А из мертвого что? – продолжал Сократ.

– Должен признать, что живое, – сказал Кебет.

– Итак, Кебет, живое и живые возникают из мертвого?

– По-видимому, да.

– Значит, наши души имеют пребывание в Аиде?

– Похоже, что так.

– Не правда ли, из двух переходов, связанных с этой парой, один совершенно ясен? Ведь умирание – вещь ясная, ты со мною согласен?

– Разумеется, согласен!

– Как же мы теперь поступим? Не станем вводить для равновесия противоположный переход – пускай себе природа хромает на одну ногу? Или же мы обязаны уравновесить умирание каким-то противоположным переходом?

– Пожалуй, что обязаны.

– Каким же именно?

– Оживанием.

– Но если оживание существует, то чем оно будет, это оживание? Не переходом ли из мертвых в живые?

– Значит, мы согласны с тобою и в том, что живущие возникли из мертвых ничуть не иначе, чем мертвые – из живых. Но если это так, мы уже располагаем достаточным, на мой взгляд, доказательством, что души умерших должны существовать в каком-то месте, откуда они вновь возвращаются к жизни. <...>

Поистине существуют и оживание, и возникновение живых из мертвых. Существуют и души умерших, и добрым между ними выпадает лучшая доля, а дурным – худшая.

**Аргумент второй: знание как припоминание того,
что было до рождения человека**

– Постой-ка, Сократ, подхватил Кебет, – твои мысли подтверждает еще один довод, если только верно то, что ты так часто, бывало, повторял, а именно, что знание на самом деле не что иное, как припоминание: то, что мы теперь припоминаем, мы должны были знать в прошлом, – вот что с необходимостью следует из этого довода. Но это было бы невозможно, если бы наша душа не существовала уже в каком-то месте, прежде чем родиться в нашем человеческом образе. Значит, опять выходит, что душа бессмертна.

– Но как это доказывается, Кебет? – Вмешался Симмий. – Напомни мне, я что-то забыл.

– Лучшее доказательство, – сказал Кебет, – заключается в том, что, когда человека о чем-нибудь спрашивают, он сам может дать правильный ответ на любой вопрос – при условии, что вопрос задан правильно. Между тем, если бы у людей не было знания и верного понимания, они не могли бы отвечать верно. И кроме того, поставь человека перед чертежом или чем-нибудь еще в таком же роде – и ты с полнейшей ясностью убедишься, что так оно и есть <...>.

– Может быть, мы сойдемся и на том, что знание, если оно возникает таким образом (каким именно я сейчас скажу), – это припоминание. Если человек, что-то увидев, или услышав, или восприняв иным каким-либо чувством, знает не только это, но примысливает еще нечто иное, принадлежащее к иному знанию, разве не вправе мы утверждать, что он вспомнил то, о чем мыслит?

– Как это?

– Вот тебе пример. Знать человека и знать лиру – это ведь разные знания?

– Само собой.

– Но тебе, конечно, известно, что испытывают влюбленные, когда увидят лиру, или плащ, или иное что из вещей своего любимца: они узнают лиру, и тут же в уме у них возникает образ юноши, которому эта лира принадлежит. Это и есть припоминание <...>.

– <...> Прежде чем начать видеть, слышать и вообще чувствовать, мы должны были каким-то образом узнать о равном самом по себе – что это такое, раз нам предстояло соотносить с ним равенства, постигаемые чувствами: ведь мы понимаем, что все они желают быть такими же, как оно, но уступают ему.

– Да, Сократ, это с необходимостью следует из того, что уже сказано.

– А видим мы, и слышим, и вообще чувствуем с того самого мига, как родились на свет?

– Конечно.

– Но знанием равного мы должны были обладать еще раньше, – так мы скажем?

– Так.

– Выходит, мы должны были обладать им еще до рождения?

– Выходит, что так.

– А если мы приобрели его до рождения и с ним появились на свет, наверное, мы знали – и до рождения, и сразу после – не только равное, большее или меньшее, но и все остальное подобного рода? Ведь не на одно равное распространяются наши доказательства, и на доброе само по себе, и справедливое, и священное, одним словом, как я сейчас сказал, на все, что мы в своих беседах, и предлагая вопросы, и отыскивая ответы, помечаем печатью бытия самого по себе. Так что, мы должны были знать все это, еще не родившись <...>.

– Но если, рождаясь, мы теряем то, чем владели до рождения, а потом с помощью чувств восстанавливаем прежние знания, тогда, по-моему, «познавать» означает восстанавливать знание уже тебе принадлежащее. И, называя это «припоминанием», мы бы, пожалуй, употребили правильное слово <...>. Люди припоминают то, что знали когда-то?

– Должно быть.

– Но когда появляются у нас в душе эти знания? Ведь не после того, как мы родились в человеческом облике?

– Конечно, нет!

– Значит, раньше?

– Да.

– Стало быть, Симмий, наши души и до того, как им довелось оказаться в человеческом образе, существовали вне тела и уже тогда обладали разумом, ...если существует то, что постоянно у нас на языке, – прекрасное и доброе и другие подобного рода сущности, к которым мы возводим все полученное в чувственных восприятиях, причем обнаруживается, что все это досталось нам с самого начала.

– Если это так, то с той же необходимостью, с какой есть эти сущности, существует и наша душа, прежде чем мы родимся на свет. Если же они существуют, разве не шло бы наше рассуждение совсем по-иному? Значит, это так, и в равной мере необходимо существование и таких сущностей, и наших душ еще до рождения, и, видимо, если нет одного, то нет и другого?

– ... все живое возникает из умершего. Раз наша душа существовала ранее, то, вступая в жизнь и рождаясь, она возникает неизбежно и только из смерти, из мертвого состояния. Но в таком случае она непременно должна существовать и после смерти: ведь ей предстоит родиться снова. Значит, то о чем вы говорите, уже доказано. И все же, мне кажется, и ты, и Симмий были бы не прочь углубить это доказательство потому, что испытываете детский страх, как бы и вправду ветер не разнес и не рассеял душу, когда она выходит из тела, – в особенности, если человеку выпало умирать не в тихую погоду, а в сильную бурю.

Аргумент третий: самождество идеи (эйдоса) души

– ...когда душа пользуется телом, исследуя что-либо с помощью зрения, слуха или какого-нибудь иного чувства (ведь исследовать с помощью тела и с помощью чувства – это одно и то же!), тело влечет ее к вещам, непрерывно изменяющимся, и от соприкосновения с ними душа сбивается с пути, блуждает, испытывает замешательство и теряет равновесие, точно пьяная?

– Да, говорили.

– Когда же она ведет исследование сама по себе, она направляется туда, где все чисто, вечно, бессмертно и неизменно, и так как она близка и сродни всему этому, то всегда оказывается вместе с ним, как только остается наедине с собою и не встречает препятствий. Здесь наступает конец ее блужданиям, и, в непрерывном соприкосновении с постоянным и неизменным, она и сама обнаруживает те же свойства. Это ее состояние мы называем размышлениями, правильно?

– Совершенно правильно, Сократ! Ты говоришь замечательно!

– Итак, еще раз: к какому роду вещей ближе душа, как рассудишь, помня и прежние доводы, и эти, самые последние?

– Мне кажется, Сократ, – ответил Кебет, – любой, даже самый отъявленный тугодум, идя по этому пути, признает, что душа решительно и безусловно ближе к неизменному, чем к изменяющемуся.

– А тело?

– К изменяющемуся.

– Взгляни теперь еще вот с какой стороны. Когда душа и тело соединены, природа велит телу подчиняться и быть рабом, а душе – властвовать и быть госпожою. Приняв это соображение, скажи, что из них, по-твоему, ближе божественному и что смертному? Не кажется ли тебе, что божественное создано для власти и руководства, а смертное – для подчинения и рабства?

– Да, кажется.

– Так с чем же схожа душа?

– Ясно, Сократ: душа схожа с божественным, а тело со смертным.

– Теперь подумай, Кебет, согласен ли ты, что из всего сказанного следует такой вывод: божественному, бессмертному, умопостигаемому, единообразному, постоянному и неизменному самому по себе в высшей степени подобна наша душа, а человеческому, смертному, постигаемому не умом, многообразному, разложимому и тленному, непостоянному и несходному с самим собою подобно – и тоже в высшей степени – наше тело.

– Да.

– <...> Допустим, что душа разлучается с телом чистою и не влечет за собою ничего телесного, ибо в течение всей жизни умышленно избегала любой связи с телом, остерегаясь его и сосредоточиваясь в самой себе, постоянно в этом упражняясь, иными словами, посвящала себя истинной философии и, по сути дела, готовилась умереть легко и спокойно. Или же это нельзя назвать подготовкою к смерти?

– Бесспорно, можно.

– Такая душа уходит в подобное ей самой безвидное место, божественное, бессмертное, разумное, и, достигши его, обретает блаженство, отныне избавленная от блужданий, безрассудства, страхов, диких вожделений и всех прочих человеческих зол, – как говорят о посвященных в таинства – впредь навеки поселяется среди богов. Так мы должны сказать, Кебет, или как-нибудь по-иному?

– Так, клянусь Зевсом, – ответил Кебет.

– Но, думаю, если душа разлучается с телом оскверненная и замаранная, ибо всегда была в связи с телом, угождала ему и любила его, зачарованная телом, его страстями и наслаждениями настолько, что уже ничего не считала истинным, кроме телесного, – того, что можно осязать, увидеть, выпить, съесть или использовать для любовной утехы, а все смутное для глаза и незримое, но постигаемое разумом и философским рассуждением, приучилась ненавидеть, бояться и избегать, – как, по-твоему, такая душа расстанется с телом чистою и обособленною в себе самой?

– Никогда!

– Я думаю, что она вся проникнута чем-то телесным: их срастили постоянное общение и связь с телом и другие заботы о нем.

– Совершенно верно.

– Но ведь телесное, друг, надо представлять себе плотным, тяжелым, землеобразным, видимым. Ясно, что душа, смешанная с телесным, тяжелеет, и эта тяжесть снова тянет ее в невидимый мир... В страхе перед безвидным, перед тем, что называют Аидом, она бродит среди надгробий и могил – там иной раз и замечают похожие на тени призраки душ. Эти призраки как раз та-

ких душ, которые расстались с телом нечистыми; они причастны зримому и потому открываются глазу.

– Да, Сократ, похоже на то.

– Очень похоже, Кебет. И конечно же, это души не добрых, но дурных людей, они принуждены блуждать среди могил, неся наказание за дурной образ жизни в прошлом, и так блуждают до той поры, пока пристрастием к бывшему своему спутнику – к телесному – не будут вновь заключены в свои тела. Оковы эти, вероятно, всякий раз соответствуют тем навыкам, какие были приобретены в прошлой жизни.

– О каких же навыках ты говоришь, Сократ?

– Ну, вот, например, кто предавался чревоугодию, беспутству и пьянству, вместо того чтобы всячески их остерегаться, перейдет, вероятно, в породу ослов или иных подобных животных. Как тебе кажется?

– Это вполне вероятно.

– А те, кто отдавал предпочтение несправедливости, властолюбию и хищничеству, перейдут в волков, ястребов и коршунов. Или же мы с тобой решим, что такие души перейдут в иные какие-нибудь тела?

– Что ты! – сказал Кебет. – Конечно, в эти, которые ты назвал.

– Тогда, по-моему, уже ясно, что и всем остальным предначинены места, соответствующие их главной в жизни заботе.

– Да уж куда яснее!

– А самые счастливые среди них, уходящие самою лучшею дорогой, – это те, кто преуспел в гражданской, полезной для всего народа добродетели: имя ей рассудительность и справедливость, она рождается из повседневных обычаев и занятий, а философии и уму чужда.

– Чем же они такие счастливые?

– Да они, вероятно, снова окажутся в общительной и смиренной породе, среди пчел, или, может быть, ос, или муравьев, а не то и вернуться к человеческому роду и из них произойдут воздержанные люди.

– Да, похоже на то.

– Но в род богов не позволено перейти никому, кто не был философом и не очистился до конца, – никому, кто не стремился к познанию. Потому-то, милые мои Симмий и Кебет, истинные философы гонят от себя все желания тела, крепятся и ни за что им не уступают, не боясь разорения и бедности, в отличие от большинства, которое корыстолюбиво, и хотя они, в отличие от властолюбивых и честолюбивых, не страшатся бесчестия и бесславия, доставляемых дурною жизнью, они от желаний воздерживаются.

<...> Пусть мы обнаружили, что душа сильна и богоподобна, что она существовала и до того, как мы родились людьми, – все это, по-твоему, свидетельствует не о бессмертии души, но лишь о том, что она долговечна и уже существовала где-то в прежние времена неизмеримо долго, многое постигла и многое совершила. Но к бессмертию это ее нисколько не приближает, напротив, самое вселение ее в человеческое тело было для души началом гибели, словно болезнь. Скорбя, проводит она эту свою жизнь, чтобы под конец погибнуть в том, что зовется смертью. И совершенно безразлично, утверждаешь ты, войдет ли она в тело раз или много раз, по крайней мере для наших опасений: если только человек не лишен рассудка, он непременно должен опасаться – ведь он не знает, бессмертна ли душа, и не может этого доказать <...>.

Аргумент четвертый: теория души как эйдоса жизни

– <...> Если бессмертие неуничтожимо, душа не может погибнуть, когда к ней приблизится смерть: ведь из всего сказанного следует, что она не примет смерти и не будет мертвой!

– <...> Если признано, что оно неуничтожимо, то душа не только бессмертна, но и неуничтожима. Если же нет, потребуется какое-то новое рассуждение.

– Нет, нет, – сказал Кебет, – ради этого нам нового рассуждения не нужно. Едва ли что избегнет гибели, если даже бессмертное, будучи вечным, ее примет.

– Я полагаю, что ни Бог, ни сама идея жизни, ни все иное бессмертное никогда не гибнет, – это, видимо, признано у всех.

– Да, у всех людей, клянусь Зевсом, и еще больше, мне думается, у богов.

– Итак, поскольку бессмертное неуничтожимо, душа, если она бессмертна, должна быть в то же время и неуничтожимой.

– Бесспорно, должна.

– И когда к человеку подступает смерть, то смертная его часть, по-видимому, умирает, а бессмертная отходит целой и не-вредимой, сторонясь смерти.

– По-видимому, так.

– Значит, не остается ни малейших сомнений, Кебет, что душа бессмертна и неуничтожима. И поистине, наши души будут существовать в Аиде.

– Я тоже, – заметил Симмий, – не нахожу, в чем из сказанного мог бы усомниться. Но величие самого предмета и недоверие к человеческим силам все же заставляют меня в глубине души сомневаться в том, что сегодня говорилось.

– И не только в этом, Симмий, – отвечал Сократ, – твои слова надо бы отнести и к самым первым основаниям. Хотя вы и считаете их достоверными, все же надо рассмотреть их более отчетливо. И если вы разберете их достаточно глубоко, то, думаю я, достигнете в доказательстве результатов, какие только доступны человеку. В тот миг, когда это станет для вас ясным, вы прекратите искать.

– Верно, – промолвил Симмий.

Этические выводы из учения о душе

<...> Если душа бессмертная, она требует заботы не только на нынешнее время, которое мы называем своей жизнью, но на все времена, и, если кто не заботится о своей душе, впредь мы будем считать это грозной опасностью. Если бы смерть была концом всему, она была бы счастливой находкой для дурных людей: скончавшись, они разом избавлялись бы и от тела, и – вместе с душой – от собственной порочности. Но на самом деле, раз выяснилось, что душа бессмертна, для нее нет, видно, иного прибежища и спасения от бедствий, кроме единственного: стать как можно лучше и как можно разумнее. Ведь душа не уносит с собою в

Аид ничего, кроме воспитания и образа жизни, и они-то, говорят, доставляют умершему либо неоценимую пользу, либо чинят непоправимый вред с самого начала пути в загробный мир.

Рассказывают же об этом так. Когда человек умрет, его гений, который достался ему на долю еще при жизни, уводит умершего в особое место, где все, пройдя суд, должны собираться, чтобы отправиться в Аид с тем вожатым, какому поручено доставить их отсюда туда. Встретивши там участь, какую и должно, и пробывши срок, какой должны они пробыть, они возвращаются сюда под водительством другого вожатого, и так повторяется вновь и вновь через долгие промежутки времени. Но путь их, конечно, не таков, каким его изображает Телеф у Эсхила. Он говорит, что дорога в Аид проста, но мне она представляется и не простою и не единственной: ведь тогда не было бы нужды в вожатых, потому что никто не мог бы сбиться, будь она единственной, эта дорога. Нет, похоже, что на ней много распутий и перекрестков: я сужу по священным обрядам и обычаям, которые соблюдаются здесь у нас.

Если душа умеренна и разумна, она послушно следует за вожатым, и то, что окружает ее, ей знакомо. А душа, которая страстно привязана к телу, как я уже говорил раньше, долго витает около него – около видимого места, долго упорствует и много страдает, пока, наконец, приставленный к ней гений силою не уведет ее прочь. Но остальные души, когда она к ним присоединится, все отворачиваются и бегут от нее, не желают быть ей ни спутником, ни вожатым, если окажется, что она нечиста, замарана несправедливым убийством или иным каким-либо из деяний, какие совершают подобные ей души. И блуждает она одна во всяческой нужде и стеснении, пока не исполнятся времена, по прошествии коих она силою необходимости водворяется в обиталище, какого заслуживает. А души, которые провели свою жизнь в чистоте и воздержанности, находят и спутников, и вожатых среди богов, и каждая поселяется в подобающем ей месте.

ЛЮБОВЬ КАК СТРЕМЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА К ИЗНАЧАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ*

Речь Аристофана: Эрот как стремление человека к изначальной целостности

– Конечно, Эриксимах, – начал Аристофан, – я намерен говорить не так, как ты и Павсаний. Мне кажется, что люди совершенно не сознают истинной мощи любви, ибо, если бы они признавали ее, они бы воздвигали ей величайшие храмы и алтари и приносили величайшие жертвы, а меж тем ничего подобного не делается, хотя все это следует делать в первую очередь. Ведь Эрот – самый человеколюбивый бог, он помогает людям и врачует недуги, исцеление от которых было бы для рода человеческого величайшим счастьем. Итак, я попытаюсь объяснить вам его мощь, а уж вы будете учителями другим.

Раньше, однако, мы должны кое-что узнать о человеческой природе и о том, что она претерпела. Когда-то наша природа была не такой, как теперь, а совсем другой. Прежде всего, люди были трех полов, а не двух, как ныне, – мужского и женского, ибо существовал еще третий пол, который соединял в себе признаки этих обоих; сам он исчез, и от него сохранилось только имя, ставшее бранным, – андрогины, и из него видно, что они сочетали в себе вид и наименование обоих полов – мужского и женского. Кроме того, тело у всех было округлое, спина не отличалась от груди, рук было четыре, ног было столько же, сколько рук, и у каждого на круглой шее два лица совершенно одинаковых; голова же у двух этих лиц, глядевших в противоположные стороны, была общая, ушей имелось две пары, срамных частей две, а прочее можно представить себе по всему, что уже сказано. Передвигался такой человек либо прямо, во весь рост, – так же как мы теперь,

* Платон. Пир // Соч. – М., 1970. – Т.2. – С. 116–121.

но любой из двух сторон вперед, либо, если торопился, шел колесом, занося ноги вверх и перекачиваясь на восьми конечностях, что позволяло ему быстро бежать вперед. А было этих полов три, и таковы они были потому, что мужской искони происходит от Солнца, женский – от Земли, а совмещавший оба этих, от Луны, поскольку и Луна совмещает оба начала. Что же касается шаровидности этих существ и их кругового передвижения, то и тут сказывалось сходство с их прародителями. Страшные своей силой и мощью, они питали великие замыслы и посягали даже на власть богов, и то, что Гомер говорит об Эфиальте и Оте, относится с ним: это они пытались совершить восхождение на небо, чтобы напасть на богов.

И вот Зевс и прочие боги стали совещаться, как поступить с ними, и не знали, как быть: убить их, поразив род людской громом, как когда-то гигантов, – тогда боги лишатся почестей и приношений от людей; но и мириться с таким бесчинством тоже нельзя было. Наконец Зевс, насилиу кое-что придумав, говорит:

– Кажется, я нашел способ и сохранить людей, и положить конец их буйству, уменьшив их силу. Я разрежу каждого из них пополам, и тогда они, во-первых, станут слабее, а во-вторых, полезней для нас, потому что число их увеличится. И ходить они будут прямо, на двух ногах. А если они после этого не угомонятся и начнут буйствовать, я, сказал он, рассеку их пополам снова, и они запрыгают у меня на одной ножке.

Сказав это, он стал разрезать людей пополам, как разрезают перед засолкой ягоды рябины или как режут яйцо волоском. И каждому, кого он разрезал, Апполон, по приказу Зевса, должен был повернуть в сторону разреза лицо и половину шеи, чтобы, глядя на свое увечье, человек становился скромней, а все остальное велено было залечить. И Апполон поворачивал лица и, стянув отовсюду кожу, как стягивают мешок, к одному месту, именуемому теперь животом, завязывал получившееся посреди живота отверстие – оно и носит ныне название пупка. Разгладив складки и придав груди четкие очертания, – для этого ему служило орудие вроде того, каким сапожники сглаживают на колодке складки кожи, – возле пупка и на животе Апполон оставлял немного морщин, на память о прежнем состоянии. И вот когда тела были та-

ким образом рассечены пополам, каждая половина с вожделием устремлялась к другой своей половине, они обнимались, сплетались и, страстно желая срастись, умирали от голода и вообще от бездействия, потому что ничего не хотели делать порознь. И если одна половина умирала, то оставшаяся в живых выискивала себе любую другую половину и сплеталась с ней, независимо от того, попадалась ли ей половина прежней женщины, то есть то, что мы теперь называем женщиной, или прежнего мужчины. Так они и погибали. Тут Зевс, пожалев их, придумывает другое устройство: он переставляет вперед срамные их части, которые до того были у них обращены в ту же сторону, что прежде лицо, так что семя они изливали не друг в друга, а в землю, как цикады. Переместил же он их срамные части, установив тем самым оплодотворение женщин мужчинами, для того, чтобы при совокуплении женщины с мужчиной рождались дети и продолжался род, а когда мужчина сойдется с женщиной – достигалось все же удовлетворение от соития, после чего они могли бы передохнуть, взяться за дела и позаботиться о других своих нуждах. Вот с каких давних пор свойственно людям любовное влечение друг к другу, которое, соединяя прежние половины, пытается сделать из двух одно и тем самым исцелить человеческую природу.

Итак, каждый из нас – это половинка человека, рассеченно-го на две камбалоподобные части, и поэтому каждый ищет всегда соответствующую ему половину. Мужчины, представляющие собой одну из частей того двуполого прежде существа, которое называлось андрогином, охочи до женщин, и блудодеи в большинстве своем принадлежат именно к этой породе, а женщины такого происхождения падки до мужчин и распутны. Женщины же, представляющие собой половинку прежней женщины, к мужчинам не очень расположены, их больше привлекают женщины, и лесбиянки принадлежат именно к этой породе. Зато мужчин, представляющих собой половинку прежнего мужчины, влечет ко всему мужскому: уже в детстве, будучи дольками существа мужского пола, они любят мужчин, и им нравится лежать и обниматься с мужчинами. Это самые лучшие из мальчиков и из юношей, ибо они по природе самые мужественные. Некоторые, правда, называют их бесстыдными, но это заблуждение: ведут они

себя так не по своему бесстыдству, а по своей смелости, мужественности и храбрости, из пристрастия к собственному подобию. Тому есть убедительное доказательство: в зрелые годы такие мужчины обращаются к государственной деятельности. Возмужав, они любят мальчиков, и у них нет природной склонности к деторождению и браку; к тому и другому их принуждает обычай, а сами они вполне довольствовались бы сожительством друг с другом без жен. Питая всегда пристрастие к родственному, такой человек непременно становится любителем юношей и другом влюбленных в него.

Когда кому-либо, будь то любитель юношей или всякий другой, случается встретить как раз свою половину, обоих охватывает такое удивительное чувство привязанности, близости и любви, что они поистине не хотят разлучаться даже на короткое время. И люди, которые проводят вместе всю жизнь, не могут даже сказать, чего они, собственно, хотят друг от друга. Ведь нельзя же утверждать, что только ради удовлетворения похоти столь ревностно стремятся они быть вместе. Ясно, что душа каждого хочет чего-то другого; чего именно, она не может сказать и лишь догадывается о своих желаниях, лишь туманно намекает на них. И если бы перед ними, когда они лежат вместе, предстал Гефест со своими орудиями и спросил их: «Чего же, люди, вы хотите один от другого?» – а потом, видя, что им трудно ответить, спросил их снова: «Может быть, вы хотите как можно дольше быть вместе и не разлучаться друг с другом ни днем, ни ночью? Если ваше желание именно таково, я готов сплавить вас и срастить воедино, и тогда из двух человек станет один, и покуда вы живы, вы будете жить одной общей жизнью, а когда вы умрете, в Аиде будет один мертвец вместо двух, ибо умрете вы общей смертью. Подумайте только, этого ли вы жаждете и будете ли вы довольны, если достигнете этого?» – случись так, мы уверены, что каждый не только не отказался бы от подобного предложения и не выразил никакого другого желания, но счел бы, что услышал именно то, о чем он давно мечтал, одержимый стремлением слиться и сплавиться с возлюбленным в единое существо. Причина этому та, что такова была изначально наша природа и мы составляли нечто целостное.

Таким образом, любовью называется жажда целостности и стремление к ней. Прежде, повторяю, мы были чем-то единым, а теперь, из-за нашей несправедливости, мы поселены богом порознь, как аркадцы лакедемонянами. Существует, значит, опасность, что, если мы не будем почтительны к богам, нас рассекут еще раз, и тогда мы уподобимся не то выпуклым надгробным изображениям, которые как бы распилены вдоль носа, не то значкам взаимного гостеприимства. Поэтому каждый должен учить каждого почтению к богам, чтобы нас не постигла эта беда и чтобы нашим уделом была целостность, к которой ведет и указывает нам дорога Эрот. Не следует поступать наперекор Эроту: поступает наперекор ему лишь тот, кто враждебен богам. Наоборот, примирившись и подружившись с этим богом, мы встретим и найдем в тех, кого любим, свою половину, что теперь мало кому удастся. Пусть Эриксимах не вышучивает мою речь, думая, что я мечу в Агафона и Павсания. Может быть, и они принадлежат к этим немногим и природа у них обоих мужская. Но я имею в виду вообще всех мужчин и всех женщин и хочу сказать, что наш род достигнет блаженства только тогда, когда мы вполне удовлетворим Эрота и каждый найдет соответствующий себе предмет любви, чтобы вернуться к своей первоначальной природе. Но если это вообще самое лучшее, значит, из всего, что есть сейчас, наилучшим нужно признать то, что ближе всего к самому лучшему: встретить предмет любви, который тебе сродни. И следовательно, если мы хотим прославить бога, дарующего нам это благо, мы должны славить Эрота: мало того, что Эрот и теперь приносит величайшую пользу, направляя нас к тому, кто близок нам и сродни, он сулит нам, если только мы будем чтить богов, прекрасное будущее, ибо сделает нас тогда счастливыми и блаженными, исцелив и вернув нас к нашей изначальной природе.

И.А. ЕФРЕМОВ

Иван Антонович Ефремов, известный ученый, мыслитель, писатель, автор научно-фантастических романов «Туманность Андромеды», «Лезвие бритвы», «Таис Афинская», «Час Быка» родился в 1907 г.

В юности одновременно с окончанием средней школы он получил диплом капитана каботажного плавания, закончив Петроградские мореходные классы. Плавал матросом на Тихом океане и командовал катером на Каспии... В 1926 г. отправился в свою первую экспедицию и в 19 лет сделал первое научное открытие. Одновременно с окончанием экстерном Ленинградского горного института получил степень кандидата биологических наук без защиты – за оригинальное исследование древнейших земноводных.

К началу Отечественной войны 34-летний Ефремов стал доктором наук, основателем тафономии – науки о геологической летописи планеты. Геологию, палеонтологию он всегда считал главным делом своей жизни. Через несколько лет после окончания войны он вопреки мнению многих иностранных авторитетов открыл кладбища динозавров в пустыне Гоби. В результате множество ископаемых останков звероящеров украсили Палеонтологический музей.

Современники Ефремова отмечали, что Иван Антонович принадлежал к числу очень редких в истории человечества личностей, которые обладали талантом целостного, синтетического взгляда на мир. В своих фантастических романах он попытался в идее синтеза показать идеал объединения в будущем всего лучшего, что было создано в различных культурах человечества и в самом человеке. Обладая безошибочной интуицией, подкрепленной глубокими познаниями в истории становления, развития и гибели земных цивилизаций, Иван Ефремов нашел единственно

возможный путь, чтобы подготовить сознание людей к восприятию нового для них представления о мироздании. С позиций космического мышления он подводил читателя к раскрытию запретной тогда темы о целостности мира и поступательном развитии всех его составляющих.

Писать прозу И. Ефремов стал, будучи уже зрелым мыслителем. Первые его рассказы увидели свет в 1944 г. К тому времени у Ефремова было 45 научных трудов. Представления Ефремова о диалектике природы вытекали из вполне материалистического понимания близких ему наук – палеонтологии, геологии, биологии, истории и совмещения их с эволюционной теорией.

Земная жизнь И. Ефремова подвергалась противодействию тогдашних «блюстителей порядка». Ученый чудом избежал ареста. Словно по лезвию бритвы, сумел миновать коварный отрезок советской истории периода репрессий. Прекрасно понимая, в какое время живет, он, незадолго до смерти Сталина, сжег все свои дневники, письма и записные книжки, чтобы не ставить под угрозу жизни других людей.

Но и в последующие годы «люди в штатском» не теряли интереса к необычному писателю. За ним неустанно следили сотрудники Лубянки. Причина такого пристального внимания заключалась в том, что в фантастических романах Ефремова заключалась узнаваемая реальность жизни, поданая под таким углом зрения, который требовал разобраться в современной ситуации, изменить характер представлений, на которые опиралась официальная идеология.

В 1957 г. появился его роман-утопия «Гуманность Андромеды», посвященный будущему человечества, отстоящему от нашей эпохи на тысячи лет. Роман явился как гром среди ясного неба: у киосков за номерами журнала «Техника – молодежи» выстраивались длинные очереди.

Ефремов считал себя «восприемником» Циолковского, одного из основоположников «русской школы космизма». Замечательными представителями этой «школы» были А.В. Сухово-Кобылин, Н.Ф. Федоров, В.И. Вернадский, Н.К. Рерих, А.Л. Чижевский и др. В середине XX в. в этот ряд встал по праву и И.А. Ефремов.

После этого были годы работы над романами «Лезвие бритвы», «Таис Афинская».

Одним из главных положений романа «Лезвие бритвы» сам автор считал понятие о красоте как физической целесообразности. Он писал: «Как один из примеров поразительного совпадения мыслей, опубликованных в романе, и размышлений другого ученого, приведу несколько фраз из недавно изданной у нас книги испанского зоолога Ф.Родригес де ла Фуэнте “Африканский рай” (Москва, Наука, 1972).

“Поневоле задаешь вопрос: нет ли общего понятия прекрасного для мира животных и мира людей?”

По-моему на эти вопросы есть лишь один ответ: красота всегда целесообразна. У тех, кто больше бегают, зорче вглядываются, лучше прячется, упорнее сражается, – стройнее формы, ярче глаза, сильнее тело, мягче шерсть... В совершеннейшем механизме эволюции красота стоит на службе естественного отбора и отражает безупречное функционирование организма”.

Не может быть лучшего совпадения с главой романа “Две ступени к прекрасному” и я выбрал это высказывание из многих соображений биологов и физиологов по этому вопросу. К сожалению, голоса художников или искусствоведов не слышно, как и прежде!»

В 1970 г. вышел последний роман И. Ефремова – «Час Быка», который сразу же стал бестселлером. Однако после смерти писателя в октябре 1972 г. по указанию высших идеологов страны роман было предписано изъять из всех библиотек. Запрещено было упоминать не только об этой книге – имя самого Ефремова оказалось на долгие годы изъятим из общественного оборота.

После кончины писателя у него на квартире произвели обыск. Вопрос о судьбе творческого наследия рассматривался на уровне Политбюро ЦК КПСС. Почти 20 лет итоговый роман писателя-пророка был под запретом.

И. Ефремова не раз называли пришельцем из далеких миров. Предупреждая человечество о грозящих ему катастрофах, он и сегодня, в эпоху глобальных проблем, помогает понять, как из тьмы inferно подняться по восходящей лестнице духа на новую эволюционную ступень.

Литература

1. *Медведев Ю.* Предисловие к роману И. Ефремова «Час Быка», 1993.
2. *Морозова Т.* Прошедший по лезвию бритвы // Культура и время. – № 1–2, 2001.

И.А. Ефремов

ДВЕ СТУПЕНИ К ПРЕКРАСНОМУ*

<...> Красота относительна, и задача художника открывать ее новые формы – это глубоко ошибочное суждение. Откуда же возьмет ее художник – из собственной души только? Открывать законы красоты во всем бесконечном многообразии вещей и людей – вот формулировка материалиста-диалектика. Можно сказать по-иному: искать то из существующей вне нас объективной реальности, что вызывает в человеке чувство прекрасного.

<...> Если упростить определение, которое на самом деле гораздо сложнее, как и вообще все в мире, то надо сказать прежде всего, что красота существует как объективная реальность, а не создается в мыслях и чувствах человека. Пора отрешиться от идеализма, скрытого и явного, в искусстве и его теории. Пора перевести понятия искусства на общедоступный язык знания и пользоваться научными определениями. Говоря этим общим языком, красота – это наивысшая степень целесообразности, степень гармонического соответствия и сочетания противоречивых элементов во всяком устройстве, во всякой вещи, всяком организме. А восприятие красоты нельзя никак иначе себе представить, как инстинктивное. Иначе говоря, закрепившееся в подсознательной памяти человека благодаря миллиардам поколений с их бессознательным опытом и тысячам поколений – с опытом осознаваемым. Поэтому каждая красивая линия, форма, сочетание – это целесообразное решение, выработанное природой за миллионы лет естественного отбора или найденное человеком в его поисках прекрасного, то есть наиболее правильного для данной вещи. Красота и есть та выравнивающая хаос общая закономерность, великая

* *Ефремов И.А.* Лезвие бритвы. – М.: Правда, 1987. – С. 97 – 121.

середина в целесообразной универсальности, всесторонне привлекательная, как статуя.

Нетрудно, зная материалистическую диалектику, увидеть, что красота – это правильная линия в единстве и борьбе противоположностей, та самая середина между двумя сторонами всякого явления, всякой вещи, которую видели еще древние греки и называли аристон – наилучшим, считая синонимом этого слова меру, точнее – чувство меры. Я представляю себе эту меру чем-то крайне тонким – лезвием бритвы, потому что найти ее, осуществить, соблюсти нередко так же трудно, как пройти по лезвию бритвы, почти не видимому из-за чрезвычайной остроты. Но это уже другой вопрос. Главное, что я хотел сказать, это то, что существует объективная реальность, воспринимаемая нами как безусловная красота. Воспринимаемая каждым, без различия пола, возраста и профессии, образовательного ценза и тому подобных условных делений людей. Есть и другая красота – это уже личные вкусы каждого. Мне кажется, что вы, художники, больше всего надеетесь именно на эту красоту второго рода, пытаетесь выдавать ее, вольно или невольно, за ту подлинную красоту, которая собственно, и должна быть целью настоящего художника. Тот, кто владеет ею, становится классиком, гением или как там еще зовут подобных людей. Он близок и понятен всем и каждому, он действительно является собирателем красоты, исполняя самую великую задачу человечества после того, как оно накормлено. Одето и вылечено... даже, и наравне с этими первыми задачами! Тайна красоты лежит в самой глубине нашего существа, и потому для ее разгадки нужна биологическая основа психологии – психофизиология.

<...> Но как мало надо человеку со здоровой психикой и телом: чуть повеяло ветром надежды на хорошее, едва соприкоснулся с прекрасным – и возрождается неумная сила искания и творчества, желание делать что-то хорошее и полезное, оказывать людям помощь. Вот в чем величайшая сила красоты! «Красавица – это меч, разрубающий жизнь», – гласит древняя японская поговорка. Ей вторит среднеазиатская загадка: «Что заставляет злого человека быть самым злым, доброго – самым добрым, смелого – са-

мым смелым?» И ответ прост: «Красота!» Понимание этого мы порядком утратили – в нашем разобщении с природой.

<...> Взлет науки дает нам силу приступить к изучению самого сложного творения природы – мыслящего существа, человека. Мы изучали его и раньше, но наивно думали, что простой скальпель, весы и примитивный химический анализ могут решить вопросы, для понимания которых нужны квантовый микроскоп, электронные анализаторы и счетные машины. Биология и все науки о человеке получили возможность вскрывать особенности организма, прежде недоступные нашему пониманию.

Гири́н говорил о гигантской длительности пути исторического развития животных, давшего наконец человека. Говорил о миллионах тончайших связей, пронизывающих все клетки организма нитями, протянутыми во внешний мир, отзывающимися на различные излучения, световые, тепловые, звуковые, молекулярные, магнитные потоки, несущиеся и вибрирующие вокруг нас. Рассказал о наследственных механизмах, передающих не только всю нужную для создания нового человека информацию. Но и огромную память прошлых поколений, отраженных в инстинктах и в подсознательной работе мозга. В последнем находится как бы автопилот, ведущий нас через все обычные изменения окружающей обстановки без участия сознательной мысли, надежно охраняющий от болезней, непрерывно следящий за той регулировкой организма, которую ведут и нервная система и более древняя система химической регуляции – гормоны, ферменты.

Мозг человека – колоссальная надстройка, погруженная в природу миллиардами шупалец, отражающая всю сложнейшую необходимость природы и потому обладающая многосторонностью космоса. Человек – та же Вселенная, глубокая, таинственная, неисчерпаемая. Самое главное – это найти в человеке все, что ему нужно теперь же, не откладывая этого на сотни лет в будущее и не апеллируя к высшим существам из космоса, все равно под видом ли астронавтов с других звезд или богов.

<...> Основы нашего понимания прекрасного, эстетики и морали восходят из глубин подсознания и, контактируя с сознанием в процессе мышления, переходят в осмысленные образы и чувства...все наше чувство прекрасного, эстетическое удоволь-

стве и хороший вкус – все это освоенный подсознанием опыт жизни миллиардов предыдущих поколений, направленный к выбору наиболее совершенно устроенного, универсального, выгодного для борьбы за существование и продолжение рода. В этом сущность красоты, прежде всего человеческой или животной, так как она для меня, биолога, легче расшифровывается, чем совершенство линий волны, пропорций здания или гармонии звуков.

Надо понять, что я говорю о красоте, не касаясь того, что называется в разных случаях очарованием, обаятельностью, «шармом», того, что может быть (и чаще бывает) сколько угодно у некрасивых. Это хорошая душа, добрая и здоровая психика, просвечивающая сквозь некрасивое лицо. Но здесь речь не об этом, а о подлинной анатомической красоте. Фальшивый же термин «красивость», как всякая полуправда, еще более лжив, чем прямая ложь.

<...> Фрейд и его последователи оперировали с тем же материалом, что и я, то есть с психической деятельностью человека. Но путь Фрейда – спустившись в глубины психики, показать животные, примитивные мотивы наших поступков. Фрейдовское сведение основ психики к четырем-пяти главным эмоциям есть примитивнейшее искажение действительности. Им отброшена вся сложнейшая связь наследственной информации и совсем упущено могучее влияние социальных инстинктов, закрепленное миллионлетним отбором. Наряду с заботой о потомстве оно заложено в нашей психике крепкие основы самопожертвования, нежности и альтруизма, парализующие темные глубины звериного себялюбия. Почему Фрейд и его последователи забыли о том, что человек уже в диком существовании подвергается естественному отбору на социальность? Ведь больше выживали те сообщества, члены которых крепче стояли друг за друга, были способны к взаимопомощи. Фрейдисты потеряли всю фактическую предысторию человека и остались, точно с трубами на пожарище, с несколькими элементарными инстинктами, относящимися скорее к безмозглому моллюску, чем к подлинной психологии мыслящего существа. <...>

<...> Организм человека построен очень сложно и великолепно, но он – создание материального мира, построенного двой-

ственно, диалектически. Организм и сам состоит из множества противоречий, преодоленных колоссально долгим путем развития. У организма нет возможностей выхода за пределы материального, поэтому все наши чувства, понятия, инстинкты представляют собой реакцию на вполне материальные вещи. Так и с чувством красоты: это отражение очень реального и важного, если оно закрепилось в наследственной, подсознательной памяти поколений и стало одним из устоев нашего мироощущения – никак иначе, ничего другого, иначе мы снова опустимся в стоячую воду идеализма. Вся эволюция животного мира – это миллионы лет накопления зернышко за зернышком целесообразности, то есть красоты. А если так, то основные закономерности чувства прекрасного должны поддаваться научному исследованию. Прежде это было невозможно, теперь время пришло!

<...> Но остается главный вопрос: зачем? Зачем познавать законы природы, мир вокруг себя, – объяснение этого здесь интеллигентной аудитории было бы просто комичным. Но скажу другое: разве вам, художникам, не интересны и не важны причины, по которым одну вещь мы считаем прекрасной, а другую – нет? Разве вам не нужно понять, что же такое критерий красоты, хорошего вкуса, на чем основано эстетическое удовольствие? Разве вам не хочется знать все это именно, чтобы избежать посредственности, личных ошибок, чтобы лучше вооружиться в борьбе за новые, высшие ступени искусства?.. Разве для вас строгая закономерность форм прекрасного кажется узами, а не ключом, открывающим путь к бездонному разнообразию творений природы?

<...> Итак, наш организм может отталкиваться только от чего-то вполне реального, стоять на материальной почве... Мало людей представляет себе истинный механизм такого, казалось бы, простого процесса, как сравнение двух линий. Мы поворачиваем наши глаза, пробегая ими сначала по одной линии, потом по другой. Более длинная линия потребует более продолжительного поворота глаз. В мышцах, движущих глаз, накопится больше молочной кислоты – токсина усталости, а это на основании опыта нашего мозга и нервной системы даст впечатление относительно большей длины. Точность тут поразительная, потому что разница

в количестве токсина усталости будет ничтожнейшая – буквально чуть ли не в несколько молекул. Но в то же время это совершенно материальная основа, использующая химический процесс работы мышц тела.

Человек из всего мира высших животных отличается наиболее развитым чувством формы, соразмерять и ощущать которую помогают мышцы глаза. Это чувство использовано природой для выполнения важнейшей задачи – взаимного притяжения разных полов. У древнейших наземных позвоночных – пресмыкающихся – и родственных им птиц основным чувством было зрение, острота которого у них иногда поразительна: грифы с высоты видят лежащую на равнине падаль почти за сто километров. Очень зорки крокодилы и даже маленькие ящерицы, вообще, все ящерообразные – зауропсиды, как называют их зоологи. И вот пестрота чешуй, перьев, самая причудливая раскраска или тончайшие оттенки цветов составляют у зауропсид сигналы распознавания, отличия и приманки. У птиц с их более развитым, чем у пресмыкающихся, мозгом красочный наряд самца зачаровывает самку и покоряет ее. Чем выше интеллект, тем более сильные средства надо применить, чтобы заставить особи разных полов, и главным образом самку, подчиниться требованиям природы. Определенная гамма цветов просто гипнотизирует чувствительное к этому животное.

Пройдем выше по лестнице эволюции. У высших позвоночных – млекопитающих, к которым принадлежим и мы, главным чувством стало обоняние – это ведущее чувство у зверей, хотя и зрение стоит у них довольно высоко в ряду восприятий внешнего мира. Запах – вот главное средство притяжения и очарования разных полов у зверей. Человек, с его более слабым обонянием, возместил недостаток этого чувства предметным, бинокулярным зрением, остро воспринимающим глубину и форму. Сходным зрением обладают многие хищники и обезьяны: чтобы скакать с ветки на ветку на страшной высоте, надо видеть очень точно – так же как и при преследовании добычи. Высокая психическая мощь мозга человека еще больше обострила предметность зрения. Чувство формы стало у нас очень важным ощущением, и это немедленно использовала природа для той же великой задачи про-

должения рода. Остро чувствуя форму, кроме цветов, звуков и запахов, мы получили всю гамму ощущений, из которых складывается восприятие красоты. И вот, используя чувство формы для влечения полов, природа необходимо должна была обеспечить автоматическую правильность выбора, закодировав в форме, красках, звуках и запахах восприятие наиболее совершенного. Тогда предок человека, стоя еще на очень низкой, звериной ступени развития, стал правильно выбирать лучших жен или мужей. Половой отбор стал действовать не только интенсивнее, но и в верном направлении, – словом, все пошло как надо для быстрого восхождения по лестнице исторического развития, все большего совершенствования организма. Потом, когда мы стали мыслить, этот инстинктивный выбор, закодированный так, что он радует нас, и стал чувством красоты, эстетическим наслаждением. А на самом деле это опыт, накопленный в миллионах поколений при определении того, что совершенно, что устроено анатомически правильно, наилучше отвечает своему рабочему, функциональному назначению... Механизм – да! Но в этом механизме длительное историческое развитие заложило программу неизбежного совершенствования, восхождения к лучшему. Вот почему прекрасное имеет столь важное для человека значение.

Решительно все виды чувств, доставляющие нам ощущение красоты, в своей основе имеют важное и благоприятное значение, будь то сочетание звуков, красок или запахов. Что линии, которые мы воспринимаем красивыми, гармоническими, построены по строгим математическим закономерностям, – это уже бесспорно. Дальнейшее же раскрытие тайн красоты зависит от точных физических исследований процессов, совершающихся в нашем организме. <...> За все тысячелетия существования изобразительного искусства не было ни единой действительно научной попытки объяснить чувство красоты. Каноны, измерения, куча немецких псевдонаучных, лжеантропологических книг, жонглирование словами «объемы, соотношения, каноны» у искусствоведов, переводивших язык искусства в рационалистические понятия. Пропорции человеческого тела тысячекратно измерены одним ученым аббатом в семнадцатом веке. Нельзя не склонить голову перед титаническими усилиями понять красоту в Древней Индии,

древней и новой Европе, Китае, Японии! Но нельзя и не видеть всей безрезультатности этих попыток, потому что объяснение искали вне человека. Теперь уже совершенно ясно, что ощущения красоты заложены в глубинах нашего существа. Надо идти дальше и установить причинные закономерности, по которым определенные формы, линии, краски отражаются в нашем сознании «красой ненаглядной». И если говорить о человеческой красоте, то никак нельзя отрывать ее от чувства страсти, потому что ее первоначальная цель – это компас в поиске совершенного, наилучшего для продолжения рода! Однако рассмотрение, даже самое поверхностное, великой сложности строения человека увело бы нас далеко. Вернемся к наиболее простому.

Каковы общие отправные точки нашего заключения: человек этот красив? Блестящая, гладкая и плотная кожа, густые волосы, ясные, чистые глаза, яркие губы. Но ведь это прямые показатели общего здоровья, хорошего обмена веществ, отличной жизнедеятельности. Красивая прямая осанка, распрямленные плечи, внимательный взгляд, высокая посадка головы – мы называем ее гордой. Это признаки активности, энергии, хорошо развитого и находящегося в постоянном действии или тренировке тела – алертности, как сказали бы физиологи. Недаром актеров, особенно киноактрис, танцовщиц, манекенщиц, – всех, для кого важно их женское или мужское очарование, специально обучают ходить, стоять или сидеть в алертной, мы в просторечии скажем – подтянутой, позе. Недаром военные выгодно отличаются от нас, штатских, спортсменов, своей подтянутостью, быстротой движений. Скажу больше. Обращали ли вы внимание, в каких позах животные – собаки, лошади, кошки – становятся особенно красивы? В моменты высшей алертности, когда животное высоко приподнимается на передних ногах, настораживает уши, напрягает мускулы. Почему? Потому, что в такие моменты наиболее резко выступают признаки активной жизни тела! Неспроста древние греки считали удачными изображения своих богов лишь в том случае, если ваятелю удавался энтазис – то серьезное, внимательное, напряженное выражение – основной признак божества. Вспомните великолепную голову Афины Лемнии – в ней алертность

или экстазис может служить образцом для всех остальных скульптур.

Итак, тугая пружина энергии, скрученная нелегкими условиями жизни, в живом теле человека воспринимается нами как прекрасное, привлекает нас и тем самым выполняет поставленную природой задачу соединения наиболее выгодных для борьбы за существование особей, обеспечивая правильный выбор. Таково биологическое значение чувства красоты, игравшего первостепенную роль в диком состоянии человека и продолжается в цивилизованной жизни.

Идеально здоровый человек не испытывает потребности сморкаться или плевать и обладает лишь слабым собственным запахом. Излишне пояснять, какое большое значение имела такая отличная химическая балансировка организма в дикой жизни, когда человека выслеживали хищники или он сам подкрадывался к добыче.

Но это лишь первая ступень красоты, хотя и основная. Пойдем дальше. Что безусловно красиво у человека вне всяких наслоений индивидуальных вкусов, культуры или исключительных расовых отклонений? Скажем, большие глаза и притом широко расставленные, не слишком выпуклые и не чересчур впалые. Чем больше глаза, тем больше поверхность сетчатки, тем лучше зрение. Чем шире расставлены глаза, тем больше стереоскопичность зрения, глубина планов. Насколько ценилась испокон веков широкая расстановка глаз, показывает очень древний миф о красавице, дочери финикийского царя Европе. Ее имя по-древнегречески означает или «широколицая» («широковзорая») или «широкоглазая».

Положение глаз в глазных впадинах говорит о состоянии окружающих тканей и точности гормональной регуляции организма: очевидно, что среднее их положение во впадинах – наилучшее. Красивы ровные, плотно посаженные зубы, изогнутые правильной дугой, – такая зубная дуга отличается наибольшей механической прочностью при разгрызании твердой растительной пищи или сырого мяса. Красивы длинные ресницы – они лучше защищают глаз. Нам кажутся они изящнее, если изогнуты

кверху, – ощущение верно, потому что отогнутые вверх кончики не дают ресницам слипаться или смерзаться.

Анатомическое чутье, заложенное в нас, очень тонко. Подсознательно мы сразу отличаем и воспринимаем как красоту черты, противоположные для разных полов, но никогда не ошибаемся, какому из полов что нужно. Выпуклые, сильно выступающие под кожей мышцы красивы для мужчин, но для женщины мы это не считаем достоинством. Почему? Да потому, что нормально сложенная женщина всегда имеет более развитый жировой слой, чем мужчина. Это хорошо известно, но так ли уж всем понятно, что это не более как резервный месячный запас пищи на случай внезапного голода, когда женщина вынашивает и кормит ребенка? Попутно заметьте, где на теле женщины располагаются эти подкожные пищевые запасы? В нижней части живота и области вокруг таза – следовательно, эта резервная пища одновременно служит тепловой и противоударной изоляцией для носимого в чреве ребенка. И в то же время этот подкожный слой создает мягкие линии женского тела – самого прекрасного создания природы.

Еще пример. Стройная длинная шея немало прибавляет красоте женщины, но у мужчины она воспринимается вовсе не так – скорее как нечто слегка болезненное. Шея мужчины должна быть некой средней длины и достаточно толстой для прочной поддержки головы в бою, для несения тяжестей. Женщина по своей древней природе – страж, а ее длинная шея дает большую гибкость, быстроту движений головы, – снова эстетическое чувство совпадает с целесообразностью. Наконец, одна из главных противоположностей полов – широкие бедра прямо безобразны у мужчины и составляют одну из наиболее красивых черт женского тела. <...> Подчеркиваю: я имею в виду только здоровый идеал, канон, называйте его как хотите, – в природе никакого иного быть не могло. Да и во всех культурах в эпоху их наибольшего расцвета и благоденствия идеалом красоты было здоровое, может быть, с нашей современной точки зрения, и чересчур здоровое тело.

<...> Безусловно, появление множества женщин городско-го, нетренированного облика, не делавших никогда долгой и трудной физической работы, должно оказать влияние на вкусы

нашего времени. Разве их можно назвать неправильными для настоящего момента? Однако они будут неправильны с точки зрения наибольшего здоровья, мощи, энергии, на какую, так сказать, рассчитан человек. В связи с этим поговорим еще немного о широких бедрах, не имея в виду их красоту, хотя древние эллины, обращаясь к женщинам, частенько восклицали: «Красуйтесь бедрами!»

Процесс рождения ребенка у человека более труден, чем у животных, и ведет к более резкому различию полов. Налицо крупное противоречие.

Вертикальная походка человека требует максимального сближения головок бедренных костей – этим облегчается бег, равновесие и обеспечивается выносливая ходьба. Но человек рождается с огромной круглой головой, и процесс рождения ребенка требует широкого таза с раздвинутыми бедренными суставами. Проклятие Евы, так умело использованное религией, – «в муках будешь рождать детей своих» – существует на самом деле: процесс родов у человека более мучителен и болезнен, чем у животных. В истории развития человека это противоречие возрастало – увеличение мозга требовало расширения таза матери, а вертикальная походка – сужения таза. Разрешением этого противоречия частично явились роднички – незаросшие области на темени ребенка. В момент прохождения через нижнее отверстие таза кости свода черепа ребенка заходят одна за другую, череп сдавливается, и голова приобретает характерную удлиненную форму, впоследствии исправляющуюся. <...>

А для того чтобы нанести наименьшие повреждения мозгу ребенка, так же как и для того, чтобы выносить его в наилучшем состоянии, мать должна быть широкобедрой. В то же время спутница жизни дикого человека, много бегающая, носящая подолгу добычу, да и ребят за собой, в процессе отбора становится узкобедрой, часто гибнет при родах, рождает ребят менее жизнеспособных. Живущие в наихудших условиях представители человечества – дикие охотники Австралии, пигмеи, многие лесные племена Южной Америки – могут служить примером. Как только люди стали жить более оседло – еще в пещерах Южной Европы, Северной Африки, Азии, – начался отбор могучих широкобедрых

матерей, давших человечеству тех его представителей, которые по праву заслужили название хомо сапиенс – человека мудрого. Это происходило во всех частях света, от Японии до Англии – в удобной для жизни средиземноморской полосе, когда обилие животной и растительной пищи, а также изобретение копья и дротика превратила человека из бездомного бродяги в обитателя крепкого жилища.

Так, в инстинктивном понимании красоты запечатлелось это требование продолжения рода, слившееся, разумеется, с эротическим восприятием подруги, которая сильна и не будет искалечена первыми же родами, которая дает потомство победителей темного необозримого царства зверей, как море окружавшего наших предков. И что бы там ни говорили законодатели мод и выдумщики всяческих оригинальностей, когда вам, художникам, надо написать образ женщины-обольстительницы, покорительницы мужчин, в серьезном или шутовском, бидstrupовском, оформлении, – кого же вы рисуете, как не крутобедрую, высокогрудую женщину, с осиной талией? Заметим кстати, что тонкая, гибкая талия есть анатомическая компенсация широких бедер для подвижности и гибкости всего тела.

Для мужчин тонкая талия, увы, противопоказана, если они хотят быть действительно мужчинами, могучими и выносливыми, как древние эллины. Я уже говорил, что тело человека не имеет скелетной компенсации позвоночнику спереди. Поэтому, для того чтобы носить тяжести, поднимать их, быть выносливым (вспомните об особенностях мужского дыхания), на передней поверхности тела, между ребрами и тазом, должна быть толстая и крепкая мышечная стенка, да что там, целая стена, сантиметров в пять толщиной, как на греческих статуях. Не меньшей мощности пластины нужны и на боковых сторонах – косые брюшные мышцы. Тут уж не до гибкой талии, в этом месте мужчина становится шире, чем в бедрах, зато приобретает великую мощь.

А у женщины важнее совсем другие, не поверхностные, а внутренние мышцы, способные в прочной чаше удерживать внутренности при огромной дополнительной нагрузке – ребенке. Помните, все это не для города и даже не для деревни. Создавалось оно в дикой жизни, полной огромного напряжения. Поэтому ши-

рокий и крепкий лист поперечной брюшной мышцы стягивает талию глубже косых мышц, до самого лобка, низко поддерживая мышечную чашу живота с помощью еще и подпирамидальной мышцы, которая, будучи сильно развита, дает тот плоский живот, о котором мечтают красавицы. <...>

Вот мы и разобрали вторую главную ступень красоты – гармоничное разрешение, казалось бы, губительных противоречий, разрешение, доведенное до той единственной совершенной возможности, которая, как лезвие бритвы, как острие стрелки, качается между противоположностями. Путь нашего познания прекрасного, поисков его везде и всюду, видимо, лежит через поиски этой тонкой линии, сформировавшейся за долгую историю и означающей совершенство в многостороннем преодолении величайших затруднений существования в природе живого мыслящего существа – человека.

<...> Вертикальное положение тела человека целиком перенесло вес его передней части, ставшей верхней, на позвоночный столб. Позвонки, особенно поясничные, стали нести вертикальную нагрузку, очень сильную при носке и подъеме тяжестей. В результате одно из наиболее характерных заболеваний человека – всякие болезненные изменения в поясничных позвонках, например, так называемый спондилоз, не говоря уже о болях в пояснице и радикулитах, одолевающих почти каждого человека к старости. Интересно, что такими же заболеваниями страдали вымершие саблезубые тигры – они одни могут посочувствовать человеку. У тех беда пришла в результате развития громадных сабельных клыков в верхней челюсти, удары которых, очевидно, давали очень сильную нагрузку на позвоночный столб, в этом случае не вертикальную, а горизонтальную, но действовавшую также по оси позвоночника. И вот среди сотен скелетов саблезубов, распавшихся в асфальтовых лужах Ранчо ла Бреа в Калифорнии, очень многие имеют признаки спондилоза.

<...> Крепкая нервная организация может быть только на основе полного здоровья, физической крепости и выносливости всего тела. Хилое тело, подвергнутое нервному напряжению, сразу же даст шизоидный комплекс психики. Что касается первобытных людей, живших в постоянной и смертельной опасности, в

длительном напряжении охоты и поисков пищи, то их организм выработал способность отдавать сразу огромное количество адреналина для мгновенной форсировки мышечно-двигательной системы. Сильнейшие нервные стрессы, какие случаются у современных людей, кроме войны, всего несколько раз в жизни, заставляли наших предков жить в alertности, напряжении всего тела, расходуя всю пищу, какую только мог потребить организм. Никаких холестеринавых накоплений, склероза или инфаркта. Мы унаследовали отличную боевую машину, приспособленную для битв с могучими зверями, и сетуем, что она может своими стрессами погубить наши вялые, нетренированные как надо тела. Я не имею в виду спортивные тренировки – они пока что истощают ресурсы тела. Индийская йога учит накапливать эти ресурсы, но мы еще не взяли ее за образец и не приспособили к нашим нуждам. Вот вам еще пример. Частыми заболеваниями у человека, обязательными не инфекциям и не травмам, являются подагра, отложение солей в суставах, а также образование камней в почках и мочевом пузыре. Это отложение мочевой кислоты, малорастворимого азотистого соединения. В крови почти всех животных, за исключением обезьян и человека, есть особый фермент – уратаза, переводящий мочевую кислоту в растворимую мочевины. Как случилось, что уратаза отсутствует у человека? Можно догадываться, что мочевая кислота, принадлежащая к группе пуринов, к которым относится и кофеин, является стимулятором нервной деятельности. Когда мозг стал ведущим приспособлением в жизни, обезьяне и человеку потребовалось держать нервную систему в постоянной alertности, возбуждении, и это было достигнуто упразднением уратазы. Избыток мочевой кислоты дал необходимую стимуляцию, но за это пришлось расплатиться. Мать-природа ничего не дает своим детям без того, чтобы что-то не взять взамен, – этот важнейший закон мы, защищенные цивилизованными условиями жизни, плохо понимаем. <...> В процессе эволюции человек подвергался суровым испытаниям и вышел из них победителем. Но вторая, обратная сторона этой победы в том, что его организм рассчитан на испытания и большие нагрузки. Он нуждается в них, и если мы не будем заставлять его работать, даже когда это не требуется городской жизнью, а также не будем устанавливать ему

периодами ограничения в пище, неизбежны неполадки и прямые заболевания<...>.

Юноша, в очках с толстой черной оправой и сам весь черный и смуглый, ринулся к Гирину из задних рядов.

– Пожалуйста, на минутку! Вы говорили о тонкой границе между двумя противоположными назначениями или процессами и употребили образное сравнение со стрелкой, трепещущей между противоположными знаками. Но ведь тогда математически – это нуль, а красота, как совершенство, тоже математически – нуль. Или, по-другому, красота есть и целесообразность, и жизненная энергия вместе. В ней замкнутая двойственность нуля.

Гирин круто остановился.

– Знаете, это очень глубокая мысль! Право, мне не приходило в голову. Индийские математики, открывшие нуль за много столетий до европейской мысли, считали его абсолютным совершенством, числом, в котором, по их выражению, «двойственность приходит в существование». Красота, как нулевая линия между противоположностями, как линия наиболее верного решения диалектической проблемы, как то, что содержит в себе сразу обе стороны, обе возможности, – очень верная диалектическая формулировка.

ПОЭТ В РОССИИ БОЛЬШЕ ЧЕМ ПОЭТ

А.С. ПУШКИН

Александр Сергеевич Пушкин, поэт, прозаик, историк, публицист, создатель современного русского литературного языка, родился 26 мая (6 июня по нов. ст.) 1799 г. в Москве в семье отставного майора, чиновника Московского комиссариата Сергея Львовича Пушкина и его жены Надежды Осиповны (урожденной Ганнибал).

Домашнее воспитание было беспорядочным, из домашнего обучения Пушкин вынес лишь прекрасное знание французского языка и пристрастие к чтению. Его биографы отмечают, что наиболее разительной чертой детства является то, как мало и редко он вспоминал эти годы в дальнейшем. Пушкин легко покинул стены родного дома и ни разу в стихах не упомянул ни матери, ни отца.

Домом с большой буквы стал для Пушкина дом в Михайловском, дом предков, с которыми поэт лично был связан юношескими воспоминаниями 1817 г. и годами ссылки, а не памятью детства. И под окном этого дома сидела не мать поэта, а его крепостная «мама» Арина Родионовна.

Когда в дальнейшем Пушкин хотел оглянуться на начало своей жизни, он неизменно вспоминал только Лицей. Основное, чем был отмечен Лицей в жизни Пушкина, состояло в том, что здесь он впервые почувствовал себя Поэтом – с 13-летнего возраста он уже начал писать стихи.

О другой особенности лицейского периода И.И. Пущин, друг Пушкина по лицей, писал так: «Жизнь наша лицейская сливается с политической эпохой народной жизни русской: приготавлилась гроза 1812 г. Эти события сильно отразились на нашем детстве».

Впечатления этих лет определили гражданский пафос и раннее свободолюбие многих лицеистов, включая и Пушкина. Молодежь начала XIX столетия привыкла к жизни на бивуаках, к походам и сражениям. Смерть сделалась привычной и связывалась не со старостью и болезнями, а с молодостью и мужеством. Героическая смерть, переходящая в историческое бессмертие, не казалась страшной – она была прекрасна.

В 1815 г. в России возникли первые тайные революционные общества. 9 февраля 1816 г. несколько гвардейских офицеров в возрасте двадцати – двадцати пяти лет – все участники Отечественной войны – учредили Союз Спасения, открыв тем самым новую страницу в истории России. Победителям Наполеона свобода казалась близкой, а борьба и гибель за нее – завидными и праздничными.

В 1818 г. Союз Спасения был реорганизован в Союз Благоденствия – конспиративную организацию, рассчитывавшую путем влияния на общественное мнение, давления на правительство, проникновения на государственные посты, воспитания молодого поколения в духе патриотизма, свободолюбия, личной независимости подготовить Россию к коренному общественному преобразованию, которое предполагалось провести через десять – пятнадцать лет. Декабристы создали в русском обществе не существовавшее до того времени понятие – общественное мнение.

19 ноября 1825 г. в Таганроге неожиданно скончался Александр I.

14 декабря 1825 г. в Петербурге на Сенатской площади была сделана первая в России попытка революции. Картечные выстрелы в упор возвестили неудачу восстания и начало нового царствования.

Николай I начал свое правление как безжалостный палач: пятеро руководителей движения декабристов были повешены, сто двадцать – сосланы в Сибирь на каторжные работы. Россия была отдана в руки политической тайной полиции. Началось время преследования личной независимости и независимости мнений. Свобода мысли расценивалась как политическое преступление.

Но в обществе, прошедшем через испытания Отечественной войны 1812 г., зрели здоровые силы. Вся мощь национальной

жизни сосредоточилась в этот период в литературе. Наступило время, когда слову суждено было стать мощным орудием борьбы за свободу. Пришло время поэтов-пророков, пришло время Пушкина.

Д.Л. Андреев, рассматривая время, в которое жил Пушкин, с метафизической точки зрения, связывал его особенности с новыми целями, которые ставил Творец перед человечеством: «понижение преград между различными исторически сложившимися типами религиозности; усиление в душе людей идей и чувств, направленных на борьбу с тиранией, на преодоление мировой раздробленности, на соединение всех; углубление чувства социального сострадания, жажды социальной справедливости и сознания всеобщих социальных прав; раскрытие в человеке тех потенций разума и рассудка, которые будут способствовать стремительному прогрессу науки и техники; разоблачение агрессивной и вампирической сущности государства; снятие в сознании множества людей антагонизма между духовно-аскетической и «языческой» тенденциями и развитие синтетического отношения к Природе; активизация в исторической деятельности проявлений Вечно-Женственного начала, выразительница которого в России, Навна, обессиленная и замученная, находилась в многовековом плену».

В контексте этих задач миссия Пушкина, по Андрееву, заключается в том, что, создав емкий, гибкий, богатый и чрезвычайно выразительный язык, Пушкин сделал его мощным средством для выражения любых идей и чувств; разработав ряд необходимых для этого новых жанров, он сам возглавил процесс художественного выражения новых эволюционных идей и образов. Сюда относятся идеи, связанные с задачей разоблачения демонической природы государства, идеи о непрощаемости преступления, совершенного верховной властью (ода «Вольность» и особенно «Борис Годунов»). Среди новых идей – идея противостояния между низшей, эгоистичной свободой личности и общественной гармонией («Цыганы»), идея проникновения сил Женственности в человеческое «я», идея-вывод о примате этики над государственным началом, «то есть о желательности – хотя и утопичности для настоящего времени – установления высокоэтичного

контролирующего и направляющего начала над аморальным государством».

Пушкин впервые поставил во весь рост специфически русский, а в будущем – мировой вопрос о художнике как о вестнике высшей реальности и об идеальном образе пророка как о конечном предназначении вестника.

Ю.М. Лотман пишет о том, что Пушкин был гениален не только как поэт, но и как человек – полнота жизни буквально взрывала его изнутри: ему нравилось течь, как большая река, одновременно многими рукавами – быть и поэтом, и светским человеком, и ученым, и уединенным меланхоликом, и любителем шумных народных гуляний и семьянином, и карточным игроком, беседовать с царем и с ямщиками, с Чаадаевым и светскими дамами. Его на все хватало, и всего ему еще не хватало. Но больше всего ему не хватало свободы. Человек должен быть свободен, считал Пушкин, «в пределах закона, при полном соблюдении условий, налагаемых обществом».

Для Пушкина-историка характерно целостное и объективное восприятие русской истории. Он не отрицает, в определенных пределах, роль Провидения в делах человеческих. И тем не менее в истории, согласно Пушкину, невозможна формула: «Иначе нельзя было быть». Ум историка «не пророк, а угадчик», ибо невозможно предвидеть роль случая в ходе исторических событий. И как историк Пушкин утверждает, что при всем ее своеобразии история России есть пример служения не частным, а всеобщим европейским интересам и особенно это проявлялось «в тот момент, когда человечество более всего нуждалось в единстве». Даже трагические переломы истории, которые, казалось, ставили Россию вне Европы (татаро-монгольское нашествие), Пушкин истолковывал в духе ее высокого христианского предназначения: «Варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработленную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией». Нападки на праотцев Пушкин воспринимал как оскорбление народа, нравственного достоинства нации, составлявшего основу патриотизма.

Наследие Пушкина оказало большое воздействие на русскую философскую мысль XIX–XX вв., темы которой были во многом развитием пушкинского понимания человека, его свободы и творчества, философии русской истории и культуры.

Творчество Пушкина рассматривается в качестве основы для преемственной связи между золотым и серебряным веками русской литературы и гуманитарной культуры XIX и начала XX в. Поэзия Пушкина, особенно его стихотворение «Пророк» (1826 г.), стала непременным компонентом художественно-философских дискуссий, характерных для религиозно-философского возрождения начала XX в. и нашедших продолжение в послеоктябрьском зарубежье, а затем и в постсоветском пространстве. Большинство участников этих дискуссий соглашались с тезисом о религиозном гуманизме Пушкина.

Как может быть интерпретирована религиозность поэта, переходящая в пророческий дар, с позиций синергетики? Интуиция, выход через внутренние прозрения в инобытие – это предчувствие высшего иерархического уровня в сложной целостной системе, это тонкие касания к тому, что пока еще, в силу ограниченности сознания, не может быть выражено словами. Интуиция – это прикосновение к высшим энергиям, это открытие энергетических источников, доступных на данном этапе лишь избранным, достигшим соответствующего состояния в своем эволюционном преобразении. Но есть в этом и нечто большее, о чем пока еще молчит наука – это ощущение Руки Провидения, внезапное понимание собственного Предназначения, это осознание могучей движущей силы, высочайшего духовного потенциала, который должен быть передан людям. И исполнение этого Предназначения требует от поэта чистоты помыслов, жертвенности и подвижничества. Пророки, вестники – это возмутители спокойствия, это двигатели эволюции. И необычайный жар исходит от их пророческих творений.

Литература

1. *Лотман Ю.М.* Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. – Л.: Просвещение, 1983.

2. *Андреев Д.Л.* Роза Мира. – М.: Урания, 1998.
3. *Маслин М.А.* Пушкин. Русская философия: Словарь. – М.: Республика, 1995. – С. 407–408.

Пророк

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился;
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней розы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,

И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

1826 г.

Вольность

Ода

Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица?
Приди, сорви с меня венок,
Разбей изнеженную лиру...
Хочу воспеть Свободу миру,
На тронах поразить порок.

Открой мне благородный след
Того возвышенного Галла,
Кому сама среди славных бед
Ты гимны смелые внушала.
Потомцы ветреной Судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внимлите,
Восстаньте, падшие рабы!

Увы! куда ни брошу взор –
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,

Неволи немощные слезы;
Везде неправедная Власть
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела – Рабства грозный Гений
И Славы роковая страсть.

Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с Вольностью святой
Законов мощных сочетанье;
Где всем простерт их твердый щит,
Где сжатый верными руками
Граждан над равными главами
Их меч без выбора скользит

И преступленье свысока
Сражает праведным размахом;
Где не подкупна их рука
Ни алчной скупостью, ни страхом.
Владыки! вам венец и трон
Дает Закон – а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон.

И горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль народу, иль царям
Законом властвовать возможно!
Тебя в свидетели зову,
О мученик ошибок славных,

За предков в шуме бурь недавних
Сложивший царскую главу.

Восходит к смерти Людовик
В виду безмолвного потомства,
Главой развенчанной приник
К кровавой плахе Вероломства.
Молчит Закон – народ молчит,
Падет преступная секира...
И се – злодейская порфира
На галлах скованных лежит.

Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.
Читают на твоём челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты богу на земле.

Когда на мрачную Неву
Звезда полуночи сверкает
И беззаботную главу
Спокойный сон отягощает,
Глядит задумчивый певец
На грозно спящий средь тумана
Пустынный памятник тирана,
Забвенью брошенный дворец –

И слышит Клии страшный глас
За сими страшными стенами,
Калигулы последний час
Он видит живо пред очами,
Он видит – в лентах и звездах,
Вином и злобой упоенны,
Идут убийцы потаенны,
На лицах дерзость, в сердце страх.

Молчит неверный часовой,
Опущен молча мост подъемный,
Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной...
О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!..
Падут бесславные удары...
Погиб увенчанный злодей.

И днесь учитесь, о цари:
Ни наказанья, ни награды,
Ни кров темниц, ни алтари
Не верные для вас ограды.
Склонитесь первые главой
Под сень надежную Закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.

1817 г.

Странник

I

Однажды странствуя среди долины дикой,
Незапно был объят я скорбию великой
И тяжким бременем подавлен и согбен,
Как тот, кто на суде в убийстве уличен.
Потупя голову, в тоске ломая руки,
Я в воплях изливал души пронзенной муки
И горько повторял, метаясь как больной:
«Что делать буду я? что станется со мной?»

II

И так я, сетуя, в свой дом пришел обратно.
Уныние мое всем было непонятно.
При детях и жене сначала я был тих
И мысли мрачные хотел таить от них:
Но скорбь час от часу меня стесняла боле;
И сердце наконец раскрыл я поневоле.

«О горе, горе нам! Вы, дети, ты, жена! –
Сказал я, – ведайте: моя душа полна
Тоской и ужасом, мучительное бремя
Тягчит меня. Идет! уж близко, близко время:
Наш город пламени и ветрам обречен;
Он в угли и золу вдруг будет обращен,
И мы погибнем все, коль не успеем вскоре
Обрести убежище; а где? о горе, горе!»

III

Мои домашние в смущение пришли
И здравый ум во мне расстроены почли.
Но думали, что ночь и сна покой целебный
Охолодят во мне болезни жар враждебный.
Я лег, но во всю ночь все плакал и вздыхал
И ни на миг очей тяжелых не смыкал.
Поутру я один сидел, оставя ложе.
Они пришли ко мне; на их вопрос я то же,
Что прежде, говорил. Тут ближние мои,
Не доверяя мне, за должное почли
Прибегнуть к строгости. Они с ожесточеньем
Меня на правый путь и бранью и презреньем
Старались обратить. Но я, не внемля им,
Все плакал и вздыхал, унынием тесним.
И наконец они от крика утомились
И от меня, махнув рукою, отступились,
Как от безумного, чья речь и дикий плач
Докучны и кому суровый нужен врач.

IV

Пошел я вновь бродить, уныньем изнывая
И взоры вокруг себя со страхом обращая,
Как раб, замысливший отчаянный побег,
Иль путник, до дождя спешащий на ночлег.
Духовный труженик – влача свою веригу,
Я встретил юношу, читающего книгу.
Он тихо поднял взор – и спросил меня,

О чем, бродя один, так горько плачу я?
И я в ответ ему: «Познай мой жребий злобный:
Я осужден на смерть и позван в суд загробный –
И вот о чем крушусь: к суду я не готов,
И смерть меня страшит».

«Коль жребий твой таков,

–

Он возразил, – и ты так жалок в самом деле,
Чего ж ты ждешь? зачем не убежишь отселе?»
И я: «Куда ж бежать? какой мне выбрать путь?»
Тогда: «Не видишь ли, скажи, чего-нибудь?» –
Сказал мне юноша, даль указуя перстом.
Я оком стал глядеть болезненно-отверстым,
Как от бельма врачом избавленный слепец.
«Я вижу некий свет», – сказал я наконец.
«Иди ж, – он продолжал, – держись сего ты света;
Пусть будет он тебе единственная мета,
Пока ты тесных врат спасенья не достиг,
Ступай!» – И я бежать пустился в тот же миг.

V

Побег мой произвел в семье моей тревогу,
И дети и жена кричали мне с порогу,
Чтоб воротился я скорее. Крики их
На площадь привлекли приятелей моих;
Один бранил меня, другой моей супруге
Советы подавал, иной жалел о друге,
Кто поносил меня, кто на смех подымал,
Кто силой воротить соседям предлагал;

Иные уж за мной гнались; но я тем боле
Спешил перебежать городовое поле,
Дабы скорей узреть – оставя те места,
Спасенья верный путь и тесные врата.

1835 г.

Поэту

Сонет

Поэт! не дорожи любовью народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной:
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?

Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.

1830 г.

В.С. ВЫСОЦКИЙ

Владимир Семенович Высоцкий, известный поэт, композитор, актер театра и кино, родился 25 января 1938 г. в Москве в семье военного. Детство прошло в Москве и в Германии, где отец служил в г. Эберсвале. На Большом Каретном переулке прошли годы его отрочества, здесь он учился в средней школе, здесь познал жизнь двора и подсмотрел множество персонажей для своих будущих песен.

Тяга к сочинительству у Высоцкого стала проявляться очень рано – еще в школе. Круг интересов его был широк: он читал историческую литературу, в десятом классе начал посещать драмкружок в Доме учителя. Поддавшись родительскому влиянию, после окончания школы поступил в Московский инженерно-строительный институт. Однако, сдав первую экзаменационную сессию, учебу бросил, решив резко сменить профессию, стать артистом. Поступил в Школу-студию МХАТ в Москве, которую окончил в 1961 г.

Владимир Высоцкий... Короткая, освещенная жарким факелом творчества жизнь, непростая судьба, яркость и непохожесть талантливой личности...

Ему повезло. Зерно его таланта попало в очень хорошую почву. По воспоминаниям современников Высоцкого, вокруг театра на Таганке, которым руководил в то время Юрий Любимов и в котором работал Высоцкий, сразу возникло некое поле духовности. Здесь царила атмосфера творчества. Художественный совет состоял из людей одаренных и наделенных одним удивительным чувством – чувством новизны. Постоянно проходили вечера, встречи, обсуждения. Высоцкий всегда был нацелен на работу, в перерывах не сидел ни минуты – сразу же брал гитару и начинал что-то сочинять, наигрывать. Он стал писать для спектаклей. Вскоре уже ни один спектакль не выходил без песен Высоцкого.

Время было бурное, нарождались новые имена, которые несли в искусство новую эстетику. К концу шестидесятых люди стали задумываться над своими социальными болезнями, пытались найти им причину и поставить диагноз. В начале 70-х на Таганку приходили за острым словом. То, о чем говорилось между собой, с друзьями на кухне, зрители слушали со сцены «Таганки» и удивленно говорили друг другу: неужели им это разрешили? Но к концу 70-х годов ситуация переменялась, болезни давно уже надо было лечить, а как?... К этому времени жизнь человека настолько расслоилась, что человек, не замечая, и сам стал расслаиваться, привыкая к маскам: на работе он был одним, с друзьями другим, в кругу семьи третьим, в общественном транспорте – четвертым и т.д. Нарушилась цельность человеческого естества. Внутренняя жизнь человека все дальше уходила от внешней, общественной. Человек думал одно, а вслух говорил иногда диаметрально противоположное. Театр пытался прийти на помощь, соединить в целое расщепленную личность. Театр со своим зрителем стал искать ответы на «детские» вопросы: зачем я живу, кто я, я – и общество, я – и власть, я – и жизнь. Люди пытались соединить эту свою реальную жизнь с внешней, которая во многом оказалась вымышленной. Но сделать это оказалось не под силу, во всех сферах общественной жизни сущее все более обретало черты приближенности: «как бы»... Все было суррогатным, ненастоящим.

Первым из актеров, кто порвал паутину вымышленной жизни, доказал, что за вымышленными образами стоит подлинная личность, был Владимир Высоцкий.

Есть древнее слово – бард. У древних племен галлов и кельтов так называли певцов и поэтов. Их творчество отличалось оригинальностью, неповторимостью, самозабвенностью. Они хранили традиции своего народа, и народ им верил и чтил их. Наверное, можно назвать Высоцкого бардом, тем более что сам он называл свои песни балладами. И все же для России Высоцкий был более чем бард. В его песнях чувствуется Высокое Предназначение, которое он сам в себе ощущал, которое не давало ему покоя ни днем, ни ночью. Он *должен был* выразить состояние духа поколения, которому пришлось жить в мрачные, душные годы брежневского правления, он *должен был* разбудить души, усып-

ленные в безысходном отчаянии водкой, вином, наркотиками, он *должен был* сказать правду о совсем недавнем прошлом, о сталинских лагерях, о Великой Отечественной волне. Он *должен был* показать, какой огромный духовный потенциал кроется в русском человеке, и какое бремя иллюзий несет на себе советский человек.

Взрыв популярности Высоцкого пришелся на конец 60-х. До этого он тоже пел и играл на столичной сцене. Но его песни до некоторых пор были не ко времени. Общество в конце 50-х – в начале 60-х годов переживало особый период: совсем недавно окончилась война, и люди ощущали свою личную причастность к созданию правдивой и правильной родины. К концу 60-х появилось много фальши, лести, фарисейства. На этом фоне громко зазвучал голос Высоцкого: «Нет, ребята, все не так, все не так, ребята...». Его творчество – без тени фальши, – было как противоядие от всякой неправды, и слушать его было – как надышаться кислородом. На фоне многих псевдоценностей Высоцкий выглядел удивительно настоящим, цельным.

Он бывал беспощадным, но никогда не был злым, циничным. У него все замешено на любви, на вере в человеческую душу. Своим героям он сострадает, готов спуститься с ними в любую бездну, но только для того, чтобы поднять их, вытащить к достойной человека жизни. Надо ослепнуть, чтобы спутать Высоцкого с типажамми его песен. И надо оглохнуть, чтобы не услышать его отчаянной жажды идеала, его самозабвенного, со смертельным риском, устремления к вершине. И тем, что Высоцкий шел, ничего вроде бы не боясь и ни на кого не оглядываясь («Посмотрите! Вот он без страховки идет!»), он морально поддерживал многих. Разве ему не страшно? Разве он не рискует? Разве ему не хочется, чтобы его издавали, награждали? А он, истинно народный артист, не был даже «заслуженным»...

Высоцкий – враг безысходности. Каждая ситуация, какой бы необычайно сложной она ни была, – у него всегда это повод для рывка наверх, на новую ступеньку, это возможность совершенного подвига. Он сам так писал о себе и своем творчестве: «Я не пишу для определенной категории зрителей, я стараюсь затронуть душу людей вне зависимости от их возраста, профессии, нацио-

нальности. Я не люблю легких песен. Я не люблю, чтобы на моих концертах люди отдыхали. Я хочу, чтобы моя публика работала вместе со мной, чтобы она творила. Наверное, так установилась моя манера. Моя песня – это почти крик».

В творчестве Высоцкого много такого, что невозможно втиснуть в жесткие рамки привычных представлений. Его искусство не поддается раззятию на составные части. Музыка, стихи, артистизм, голос... Нельзя оценивать по отдельности его стихи, мелодии, голос. Манера, страстность авторского исполнения превращают каждую песню в нечто индивидуальное, неповторимое целое, которое нельзя раззять на части, не разрушив. Это тот случай, когда невозможно «поверить алгеброй гармонию».

Когда он шел петь для людей, он шел на трудную мужскую работу и еще более трудный нравственный экзамен: «Я к микрофону стал, как к образам... Нет, нет, сегодня – точно к амбразуре». «Рвусь из сил и из всех сухожилий...» – пел он. Так и жил. Его обвиняли в бесшабашности, в гусарстве... Он мог не прийти на репетицию, потому что познакомился с летчиками и они уговорили его слетать туда-обратно в Магадан. Увлекался новыми людьми, любил дружеские застолья, во многом не знал меры. Но еще более увлеченно и безмерно относился он к своему творчеству. Все свои шестьсот с лишним песен писал по ночам, в бессоннице. Писал, как одержимый, запираясь на три-четыре дня в своей комнате, почти не делая перерывов.

Всю свою жизнь В. Высоцкий боролся с чиновниками, которым его творчество никак не представлялось творчеством. Чтобы пробиться сквозь сердца, окаменевшие во лжи и неискренности 70-х годов, чтобы оживить их болью и надеждой, нужно было взорвать эту ложь, встряхнуть сердца, показать сокровища, погребенные в них под тяжким грузом безразличия и фальши. Но нужно было выдержать и обратный удар, который неизбежно следует при взрыве, нужно было пережить перестройку своей собственной иерархии ценностей. Нужно было стать независимым от званий, почестей, наград, которых Высоцкий при жизни был лишен. Для него такая независимость была сложной задачей, поскольку в официальном признании он видел проявление уважения государственных структур к личности отдельного человека.

Высшая справедливость проявилась в том, что Высоцкий не был лишен самого главного, что составляет смысл жизни артиста и поэта, – народной любви. Многие годы его голос, записанный на магнитофонную пленку, звучал практически из каждого окна. Концертные залы, где он должен был спеть хотя бы несколько песен, были переполнены. Билеты в театр на Таганке, где он играл Гамлета, Галилея, невозможно было достать.

Высоцкий с грустной иронией пел о сроках, отпущенных поэтам. Он спешил, как будто предчувствовал свою судьбу. Слишком много он должен был сказать, слишком много значили для него песни – больше, чем все остальное. Он писал:

«Вот ты работаешь, сидишь ночью... Кто-то пошепчет тебе... написал строку... вымучиваешь... Потом песня с тобой – иногда она мучает месяца по два. Когда “Охоту на волков” писал – она меня замучила. Мне ночью снился – один припев. Я не знал, что буду писать. Два месяца звучало только: “Идет охота на волков, идет охота...”»

И вот если на две чаши весов бросить – на одну чашу все, что делаю помимо песен, – это кино, театр, выступления, радио, телевидение и так далее, а на другую – только работу над песнями, то, думаю, песня перевесит. Потому что она все время с тобой живет, не дает возможности спокойно, так сказать, откинувшись где-нибудь, отдыхать. Она все время тебя гложет, пока ты ее не напишешь...».

Жена Высоцкого, известная французская киноактриса Марина Влади, в своей книге «Владимир, или Прерванный полет» так описывает процесс рождения его стихов: «Иногда ты просыпаешься, шепча бессвязные слова, встаешь с постели, и я вижу, как ты стоишь раздетый, переминаясь с ноги на ногу на холодном полу... Ты долго остаешься в такой позе, пишешь на всем, что тебе попадает под руку, потом холодный как льдышка ныряешь под одеяло, а утром мы вместе разбираем скачущие строчки. А бывает, что ты, кажется, задремал, но по тому, как ты ворочаешься боку на бок, я понимаю, что сейчас ты начнешь говорить. Ты лежишь с закрытыми глазами и едва успеваешь скороговоркой описывать все, что мелькает в твоём воображении, – цветные картины с шумами, запахами и множеством персонажей, характер и

внешность которых тебе удастся передать в нескольких словах. Мы называем это “снами наяву”. Обычно они предшествуют большому стихотворению, в котором почти всегда речь идет о России. “Кони привередливые”, “Купола”, “Дом”, “Как по Волгематушке” были написаны под впечатлением таких видений».

Она удивлялась той бережности, с которой он до последних дней своей жизни относился к тому, что писал: «В самом плохом состоянии, когда в доме все может быть разбито, отдано, испачкано, разорвано и даже выброшено в окно, никогда ни листочка не исчезнет с твоего письменного стола. Все бумаги заботливо уложены в разноцветные картонные папки и даже то, что, кажется, в беспорядке валяется то там, то здесь, никогда не пропадает. Ты, щедро разбазаривающий вещи, силы и жизнь, ни разу не потерял и не испортил ни одной страницы рукописи».

В. Высоцкий умер 25 июля 1980 г., когда в Москве шла Олимпиада. Властям, казалось, было не до Высоцкого. В тот день вышла только одна газета, в которой сообщалось о смерти «артиста театра на Таганке». Так – просто артиста, не народного и даже не заслуженного, не поэта, не композитора...

Страна замерла от боли... И в то же время она была потрясена теми проявлениями всенародной любви, которая выплеснулась на Таганскую площадь, на Верхне-Радищевскую улицу, на Интернациональную улицу, через Язу и дальше, на пять километров по набережной. Люди, не надеясь на то, что смогут попасть в здание театра для прощания с Высоцким, просили впереди стоящих передать туда цветы. Их передавали над головами. Река цветов текла над тысячами человеческих голов. Все прошло спокойно, достойно. Милиция в тот день была безукоризненна – вежлива, услужлива, предупредительна. Она в этот день тоже провожала своего Высоцкого, своего коллегу – капитана Жеглова. А мальчишки выпустили в небо сотни голубей.

Всенародная любовь и непроницаемое молчание со стороны властей... Как могли сочетаться эти явления? В те траурные дни ходило по рукам (одно из многих) стихотворение, написанное кем-то из друзей В. Высоцкого:

И пусть по радио твердят, что умер Джо Доссен,
И пусть молчат, что умер наш Высоцкий –

Что пел Доссен, о чем он пел, не знаем мы совсем,
Высоцкий пел о жизни нашей скотской!

Он пел о том, о чем молчали мы,
Себя сжигая, пел, свою большую совесть в мир обрушив,
По лезвию ножа ходил, винил, кричал, хрипел...
И резал в кровь свою и наши души.

Закончилась брежневская эпоха, настали времена перестройки.

В 1985 г. астрономы Крымской обсерватории назвали вновь открытую планету между орбитами Марса и Юпитера «Владвысоцкий». Она значится под номером 2374 в Международном каталоге планет.

А в 1987 г. Владимир Семенович Высоцкий стал лауреатом Государственной премии СССР (посмертно). Премия присуждена за создание роли Жеглова в фильме «Место встречи изменить нельзя» и за авторское исполнение песен.

Интересно, о чем бы Высоцкий прокричал нам в своих песнях сейчас?

Литература

1. *Шукин А.Н.* Знаменитые россияне: Биогр. слов.-справ.. – М.: Просвещение. Учебная литература, 1996. – С. 53.
2. *Влади М.* Владимир, или Прерванный полет / Пер. с фр. – М.: Сов. писатель, 1990.
3. *Высоцкий В.* Стихи и проза. – Ашхабад: Туркменистан, 1988;
4. Материалы журнальных и газетных статей за период с 1980 по 2003 г.

Вершина

Здесь вам не равнина, здесь климат иной –
Идут лавины одна за одной,
И здесь за камнепадом ревет камнепад.
И можно свернуть, обрыв обогнуть, –
Но мы выбираем трудный путь,
Опасный, как военная тропа.

Кто здесь не бывал, кто не рисковал –
Тот сам себя не испытал,
Пусть даже внизу он звезды хватал с небес.
Внизу не встретишь, как ни тянись,
За всю свою счастливую жизнь
Десятой доли таких красот и чудес.

Нет алых роз и траурных лент,
И не похож на монумент
Тот камень, что покой тебе подарил.
Как Вечным огнем, сияет днем
Вершина изумрудным льдом,
Которую ты так и не покорил.

И пусть говорят, да, пусть говорят,
Но – нет, никто не гибнет зря!
Так лучше – чем от водки и от простуд.
Другие придут, сменив уют
На риск и непомерный труд, –
Пройдут тобой не пройденный маршрут.

Отвесные стены... А ну – не зевай!

Ты здесь на везение не уповай, –
В горах не надежны ни камень, ни лед, ни скала.
Надеемся только на крепость рук,
На руки друга и вбитый крюк
И молимся, чтобы страховка не подвела.

Мы рубим ступени... Ни шагу назад!
И от напряженья колени дрожат,
И сердце готово к вершине бежать из груди.
Весь мир на ладони – ты счастлив и нем!
И только немного завидуешь тем –
Другим, у которых вершина еще впереди.

Прощание с горами

В суету городов и в потоки машин
Возвращаемся мы – просто некуда деться!
И спускаемся мы с покоренных вершин,
Оставляя в горах, оставляя в горах свое сердце.

Так оставьте ненужные споры –
Я себе уже все доказал:
Лучше гор могут быть только горы –
На которых еще не бывал.

Кто захочет в беде оставаться один,
Кто захочет уйти, зову сердца не внемля?!
Но спускаемся мы с покоренных вершин...
Что же делать – и боги спускались на землю.

Так оставьте ненужные споры –
Я себе уже все доказал:
Лучше гор могут быть только горы –
На которых еще не бывал.

Сколько слов и надежд, сколько песен и тем
Горы будят у нас – и зовут нас остаться.
Но спускаемся мы – кто на год, кто совсем,
Потому что всегда мы должны возвращаться.

Так оставьте ненужные споры –
Я себе уже все доказал:
Лучше гор могут быть только горы –
На которых *никто* не бывал!

* * *

Мосты сгорели, углубились броды,
И тесно – видим только черепа,
И перекрыты выходы и входы,
И путь один – туда, куда толпа,

И парами коней, привыкших к цугу,
Наглядно доказав, как тесен мир,
Толпа идет по замкнутому кругу...
И круг велик, и сбит ориентир.

Течет

под дождь попавшая палитра,
Врываются галопы в полонез.
Нет запахов, цветов, тонов и ритмов,
И кислород из воздуха исчез.

Ничье безумье или вдохновенье
Круговращенье это не прервет.

Не есть ли это – вечное движенье,
Тот самый бесконечный путь вперед?

Охота на волков

Рвусь из сил и из всех сухожилий,
Но сегодня – опять, как вчера, –
Обложили меня. Обложили!
Гонят весело на номера!

Из-за елей хлопочут двустволки –
Там охотники прячутся в тень.
На снегу кувыркаются волки,
Превратившись в живую мишень.

Идет охота на волков. Идет охота!
На серых хищников – матерых и щенков.
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты.
Кровь на снегу и пятна красные флажков.

Не на равных играют с волками

Егеря, но не дрогнет рука!
Оградив нам свободу флажками,
Бьют уверенно, наверняка.

Волк не может нарушить традиций.
Видно, в детстве, слепые щенки,
Мы, волчата, сосали волчицу
И всосали – «Нельзя за флажки!»

И вот – охота на волков. Идет охота!
На серых хищников – матерых и щенков.
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты.
Кровь на снегу и пятна красные флажков.

Наши ноги и челюсти быстры.
Почему же – вожак, дай ответ –
Мы затравленно мчимся на выстрел
И не пробуем через запрет?

Волк не может, не должен иначе.
Вот кончается время мое.
Тот, которому я предназначен,
Улыбнулся – и поднял ружье...

Идет охота на волков. Идет охота!
На серых хищников – матерых и щенков.
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты.
Кровь на снегу и пятна красные флажков.

Я из повиновения вышел

За флажки – жажда жизни сильней!
Только сзади я радостно слышал
Удивленные крики людей.

Рвусь из сил и из всех сухожилий,
Но сегодня – не так, как вчера!
Обложили меня! Обложили!
Но остались ни с чем егеря!

Идет охота на волков. Идет охота!
На серых хищников – матерых и щенков.
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты.
Кровь на снегу и пятна красные флажков.

Охота с вертолетов

Словно бритва, рассвет полоснул по глазам,
Отворились курки, как волшебный сезам,
Появились стрелки, на помине легки, –
И взлетели стрекозы с протухшей реки,
И потеха пошла в две руки, в две руки.

Мы легли на живот и убрали клыки.
Даже тот, даже тот, кто нырял под флажки,
Чуял волчьи ямы подушками лап,
Тоже в страхе взопрел – и прилег, и ослаб.

Чтобы жизнь улыбалась волкам – не слышал:

Зря мы любим ее, однолюбы.
Вот у смерти – красивый широкий оскал
И здоровые, крепкие зубы.

Улыбнемся же волчьей улыбкой врагу,
Псам еще не намылены холки.
Но – на татуированном кровью снегу
Наша роспись: *мы больше не волки!*

Мы ползли, по-собачьи хвосты подобрал,
К небесам удивленные морды задрал:
Либо с неба возмездье на нас пролилось,
Либо света конец – и в мозгах перекоз...
Только били нас в рост
Из железных стрекоз.

Кровью вымокли мы под свинцовым дождем –
И смирились, решив: все равно не уйдем!
Животами горячими плавил снег.
Эту бойню затеял – не бог – Человек!
Улетающих – влет, убегающих – в бег...

Свора псов, ты со стаей моей не вяжись –
В равной сваре за нами удача.
Волки мы! Хороша наша волчья жизнь.
Вы – собаки, и смерть вам – собачья.

Улыбнемся же волчьей ухмылкой врагу,
Чтобы в корне пресечь кривотолки.
Но – на татуированном кровью снегу

Наша роспись: *мы больше не волки!*

К лесу! Там хоть немногих из вас сберегу!
К лесу, волки! Труднее убить на бегу!
Уносите же ноги, спасайте щенков!
Я мечусь на глазах полупьяных стрелков
И скликаю заблудшие души волков.

Те, кто жив, – затаились на том берегу,
Что могу я один? Ничего не могу:
Отказали глаза, притупилось чутье...
Где вы волки, бывшее лесное зверье,
Где же ты, желтоглазое племя мое?!

Я живу. Но теперь окружают меня
Звери, волчьих не знавшие кличей.
Это – псы, отдаленная наша родня,
Мы их раньше считали добычей.

Улыбаюсь я волчьей ухмылкой врагу,
Обнажаю гнилые осколки.
Но – на татуированном кровью снегу
Наша роспись: *мы больше не волки!*

* * *

Дайте собакам мяса –
Пусть они подерутся!
Дайте похмельным кваса –

Авось они перебьются.

Чтоб не жиреть воронам –
Ставьте побольше пугал.
Чтоб любить – влюбленным
Дайте укромный угол.

В землю бросайте зерна –
Может, появятся всходы.
Ладно, я буду покорным –
Дайте же мне свободу!

Псам мясные ошметки
Дали, – а псы не подрались.
Дали пьяницам водки, –
А они отказались.

Люди ворон пугают, –
А воронье не боится,
Пары соединяют, –
А им бы разъединиться.

Лили на землю воду –
Нету колосьев – чудо!
Мне вчера дали свободу...
Что я с ней делать буду?

О фатальных датах и цифрах

Кто кончил жизнь трагически – тот истинный поэт,
А если в точный срок – так в полной мере.
На цифре 26 один шагнул под пистолет,
Другой же – в петлю слазил в «Англетере».

А в тридцать три Христу... (Он был поэт, он говорил:
– Да не убий! Убьешь – везде найду, мол.)
Но – гвозди ему в руки, чтоб чего не сотворил,
Чтоб не писал и ни о чем не думал.

С меня при цифре 37 в момент слетает хмель.
Вот и сейчас, как холодом подуло.
Под эту цифру Пушкин подгадал себе дуэль
И Маяковский лег виском на дуло.

Задержимся на цифре 37. Коварен Бог –
Ребром вопрос поставил: или – или.
На этом рубеже легли и Байрон, и Рембо,
А нынешние как-то проскочили.

Дуэль не состоялась или перенесена,
А в тридцать три распяли, но не сильно.
А в тридцать семь – не кровь, да что там кровь – седина
Испачкала виски не так обильно.
Слабó стреляться? В пятки, мол, давно ушла душа?!
Терпенье, психопаты и кликуши!
Поэты ходят пятками по лезвию ножа
И режут в кровь свои босые души.
На слово «длинношее» в конце пришлось три «е»,

Укоротить поэта! – вывод ясен –
И нож в него – но счастлив он висеть на острие,
Зарезанный за то, что был опасен.

Жалею вас, приверженцы фатальных дат и цифр!
Томитесь, как наложницы в гареме.
Срок жизни увеличился, и, может быть, концы
Поэтов отодвинулись на время!

Да, правда, шея длинная – приманка для петли,
А грудь – мишень для стрел. Но не спешите –
Ушедшие не датами бессмертье обрели,
Так что живых не очень торопите.

* * *

Я не люблю фатального исхода,
От жизни никогда не устаю,
Я не люблю любое время года,
Когда веселых песен не поют.
Я не люблю холодного цинизма,
В восторженность не верю и еще,
Когда чужой мои читает письма,
Заглядывая мне через плечо.
Я не люблю, когда наполовину,
Или когда прервали разговор.
Я не люблю, когда стреляют в спину,
Я также против выстрелов в упор.
Я ненавижу сплетни в виде версий,

Червей сомненья, почестей еду,
Или когда все время против шерсти,
Или когда железом по стеклу.
Я не люблю уверенность и сытость,
Уж лучше пусть откажут тормоза.
Досадно мне, коль слово «честь» забыто,
И коль в чести наветы за глаза.
Я ненавижу сломанные крылья,
Нет жалости во мне, и не спроста:
Я не люблю насилье и бессилье,
Вот только жаль распятого Христа.
Я не люблю себя, когда я трушу,
Досадно мне, когда невинных бьют.
Я не люблю, когда мне лезут в душу,
Тем более, когда в нее плюют.
Я не люблю манежи и арены, –
На них миллион меняют по рублю.
Пусть впереди большие перемены –
Я это никогда не полюблю!

А.Л. ЧИЖЕВСКИЙ

Александр Леонидович Чижевский, известный русский ученый, мыслитель, художник и поэт, один из основоположников русского космизма, родился 26 января (7 февраля по нов. ст.) 1897 г. в г. Цехановец Гродненской губернии (ныне Польша). Отец его, Л.В. Чижевский, был генералом. Мать, Надежда Александровна Невиандт, умерла вскоре после родов.

С 1913 г. семья Чижевских переехала в Калугу, где состоялось знакомство юного Александра с Э.К. Циолковским, переросшее в крепкую дружбу, несмотря на разницу в возрасте между ними в 40 лет.

Чижевский был разносторонне развитым, высокообразованным человеком. Окончил Московский археологический институт (1917 г.) и Московский коммерческий институт (1918 г.); учился также на физико-математическом (1915–1919 гг.) и медицинском (1919–1922 гг.) факультетах Московского университета. В 1918 г. стал доктором всеобщей истории, а в 1922 г. – профессором. Преподавал (1917–1927 гг.) в Московском университете и Московском археологическом институте. Был консультантом Биофизического института (1922–1924 гг.), работал в Лаборатории зоопсихологии (1925–1931 гг.), организовал Центральную лабораторию ионизации (1931 г.). Получая такое образование, Чижевский как будто предчувствовал, в каких грехах будет впоследствии обвинен и насколько важно будет для него не выглядеть дилетантом в глазах своих оппонентов, как, впрочем, и мировой научной общности.

В 1942 г. Чижевский был репрессирован; реабилитирован в 1958 г. В конце жизни возглавлял Лабораторию аэроионизации (1958–1961 гг.).

Главная научная заслуга Чижевского заключается в открытии тотального влияния солнечной активности на динамику жиз-

недейтельности в биосфере, в т.ч. на стихийные массовые явления в человеческом сообществе; по сути, им была завершена историческая ломка геоцентризма в науке, начатая Н. Коперником.

Изучение физических воздействий внеземного происхождения на возникновение, распространение и интенсивность таких явлений на Земле, как эпидемии, эпизоотии, а также на динамику ряда процессов в социосфере, Чижевский начал еще в 1915–1916 гг. Результаты этих исследований были представлены им в книге «Физические факторы исторического процесса» (1924 г.).

В понятие «среды» как детерминанты (управляющего параметра) биологической и социальной формы организации материи им было включено космическое пространство – факт принципиальной мировоззренческой значимости. Отсюда следовал вывод, что развитие мира на нашей планете не является замкнутым на самом себе процессом, а представляет собою результат комплексного действия земных и космических факторов, из которых вторые являются главными.

А.Л. Чижевский пришел к выводу, что подавляющее большинство физико-химических процессов на Земле представляет собой результат воздействия космических сил, которые всецело обуславливают жизненные процессы в биосфере. Более того, связь Земли и Космоса носит динамический характер, поскольку органический мир в каждый момент очень тонко отражает в себе перемены и колебания, имеющие место в космической среде.

В поисках подтверждения данному тезису Чижевский с помощью медико-статистических исследований установил синхронность долгопериодических (в среднем кратных 11-летнему циклу) колебаний вспышек и угасаний разного рода эпидемий колебаниям солнечной активности.

Чижевский сделал фундаментальный вывод о наличии взаимодействия различных составляющих биосферы между собою. Он считал, что подобно тому, как сложная совокупность метеорологических явлений воздушного океана представляет собой органическое целое, так еще более сложная система биологических феноменов Земли должна рассматриваться как нечто органически взаимосвязанное. Любые местные нарушения не могут не отразиться на ходе общих процессов этого целого, но рано или поздно

в том или ином звене наступает компенсаторный процесс, стремящийся вернуть равнодействующую всех сил к норме. Таким образом система поддерживает свой собственный гомеостазис – то состояние, которое придает ей индивидуальность и гармонию с окружающим миром.

Чижевский путем статистического анализа большого количества фактических данных установил, что наибольшая напряженность как физико-химического состояния среды, так и функционирования организма наблюдается в моменты повышенной солнечной активности. Этим он объяснял разного рода катастрофические события в жизни людей – нервные срывы, аномальные психические реакции, патологические всплески в социальном поведении и т.д. Он был убежден, что средствами прогноза суточных и месячных колебаний солнцедательности можно предвидеть нежелательные явления в биосфере и социальной среде, а затем избегать опасных последствий с помощью тех или иных профилактических мер.

Чижевский писал: «Жизнь..., как мы видим, в значительно большей степени есть явление космическое, чем земное. Она создана воздействием творческой динамики Космоса на инертный материал Земли. Она живет динамикой этих сил, и каждое биение органического пульса согласовано с биением космического сердца – этой грандиозной совокупности туманностей, звезд, Солнца и планет».

На всех уровнях сложнейшей организации биосферы, от общей ее системы до одноклеточных организмов, Чижевский впервые увидел общемировой пульс, великую динамику природы в ее космическом измерении, различные части которой «созвучно резонируют одна с другой». Эта точка зрения в течение десятилетий встречала сопротивление со стороны традиционно мыслящих естествоиспытателей и философов. Только после смерти Чижевского была признана целесообразность дальнейшего развития его идей и всестороннего изучения его научного наследия.

Но путь к признанию был необычайно трудным. После выхода в свет «Физических факторов...» Чижевский так писал о реакции общественности на материалы его научной диссертации: «Сразу же ушаты помоев были вылиты на мою голову... Я даже

получил клички Солнцепоклонник ... и Мракобес...». Было ему в это время 27 лет. А в 45 лет – сталинские лагеря. И даже в последние дни жизни – не благодарность народа, а гнусный пасквиль – статья «Темные пятна» в журнале «Партийная жизнь» (1964 г., №24), в которой некто А. Ерохин пишет:

«В 1936 году “Правда” опубликовала редакционную статью, в которой разоблачала реакционные измышления А. Чижевского, изложенные им в книге “Физические факторы исторического процесса” и повторенные в 1934 г. в статье “Влияние периодической деятельности солнца на социальные явления”, опубликованной во французском климатологическом издании.

Цитируя утверждение А. Чижевского, что будто бы “все движения масс, каков бы ни был идеал, во имя которого они совершаются, является лишь психозом масс, лишь помрачением рассудка масс”, “Правда” справедливо квалифицировала его писания как антиобщественные, лженаучные. Статья “Правды”, озаглавленная “Безмерная наглость лжепрофессора Чижевского”, заканчивалась следующими словами: “Шарлатан изобличен еще раз. Надо надеяться, что теперь не будет простодушных чудачков, верящих этому нахалу”».

Умер А.Л.Чижевский 20 декабря 1964 г. в Москве от тяжелого (онкологического) заболевания.

Менее чем через десять лет после опубликования этой статьи и одновременного ухода А.Л. Чижевского из жизни ситуация в корне изменится. В 1972 г. родится новая наука – синергетика, которая воспринимает идеи А.Л. Чижевского как научные открытия, органично вплетающиеся в концепцию синергетического мировидения. Такие понятия синергетики, как открытая система, управляющие параметры, адаптация к изменениям внешней среды, иерархия взаимодействий между уровнями системы, наличие обратной связи, развитие системы в режиме с обострением, переходы в новое состояние через катастрофический скачок, цикличность в смене состояний – все они не только не противоречат выводам Чижевского, а, напротив, делают их естественными и закономерными. Сознание человечества к началу XXI в. уже позволяет с благодарностью воспринять то, что раньше с проклятиями предавалось анафеме.

Несмотря на стойкость и мужество, проявленные А.Л. Чижевским на его необычайно сложном жизненном пути, он был очень тонкой, впечатлительной натурой, любил музыку, поэзию, живопись, сам писал стихи. Очень любил своего отца, который приложил немало сил, для того, чтобы дать сыну достойное образование. Жизнь Чижевского была украшена дружбой с калужским «чудаком», отцом нового научного направления – ракетодинамики и астронавтики – К.Э. Циолковским.

Космический цикл стихов Чижевского показывает, насколько тесной и живой была в его сознании связь человека и Космоса, и насколько не случайными были его научные увлечения. В 1918 г. он так писал о поэзии и поэтах в предисловии к своему сборнику стихов:

«Цивилизация с каждым днем создает новые науки и открывает новые возможности.

Но, увы, человеку для его личной, духовной жизни всего этого очень и очень мало...

Рождение и смерть, рабство и свобода, тишина межзвездного пространства и вековечная кровавая борьба на земле – волнуют и влекут его пылливый, болящий от незнания, мозг.

И вот, на долю истинного поэта выпадает величайшая задача – постичь непостижимое, недоступное никаким измерениям и формулам, сочувственно утешить человека в дни печали, в минуты радости сказать “*memento mori!*”, в мгновенья ненависти и злобы обуздать его нежными мелодиями любви...<...>

Поэзии, похищающей божественные тайны сияющего Солнца, лучи которого пронзают телесную оболочку и озаряют глубины запредельных океанов бытия, принадлежит величайшая будущность в освобожденной ею общемировой духовной жизни».

Литература

1. Голованов Л.В., Чижевский // Русская философия. Словарь / Под общ. ред. М.А. Маслина. – М.: Республика, 1995. – С. 608–609.
2. Чижевский А.Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. – М.: Мысль, 1995.

3. *Чижевский А.Л.* В науке я прослыл поэтом... – Калуга: Золотая аллея, 1996.
4. Журнал «Партийная жизнь», № 24, 1964. – С. 66–69.

Солнце

Великолепное, державное Светило,
Я познаю в тебе собрата-близнеца,
Чьей огненной груди нет смертного конца,
Что в бесконечности, что будет и что было.

В несчетной тьме времен ты стройно восходило
С чертами строгими родимого лица,
И скорбного меня, земного пришлеца,
Объяла радостная, творческая сила.
В живом, где грузный пласт космической руды,
Из черной древности звучишь победно ты,
Испепеляя цепь неверных наших хроник, –
И я воскрес – пою. О, в этой вязкой мгле,
Под взглядом вечности ликуй, солнцепоклонник,
Припав к отвергнутой Праматери-Земле.

1919

* * *

Когда бы зримый мир был снят, как покрывало,
И ты бы механизм Вселенной увидал,
Где страшно просто все, и всех начал начало
В предельной краткости, как дифференциал, –
Какая б жгучая тоска тебя объяла
И в иллюзорный мир ты б радостно вбежал.

1923

Галилей

И вновь и вновь взошли на Солнце пятна,
И омрачились трезвые умы,
И пал престол, и были неотвратны
Голодный мор и ужасы чумы.

И вал морской вскипел от колебаний,
И норд сверкал, и двигались смерчи,
И родились на ниве состязаний
Фанатики, герои, палачи.

И жизни лик подернулся гримасой:
Метался компас – буйствовал народ,
А над землей и над людскою массой
Свершало Солнце свой законный ход.

О, ты, узревший солнечные пятна
С великолепной дерзостью своей –
Не ведал ты, как будут мне понятны
И близки твои скорби, Галилей!

1921

Гиппократу

Ночные небеса в сияньи тайном звезд
Роднят меня с тобой сквозь бег тысячелетий.
Все те ж они, как встарь. И те же миллиарды верст
Разъединяют нас. А мы – земные дети –

Глядим в ночной простор с поднятой головой,
Хотим в сияньи звезд постичь законы мира,
Соединив в одно их с жизнью роковой
И тросы протянув от нас до Альтаира.
Я, как и ты, смотря на лучезарный хор,
Стараюсь пристально проникнуть в сочетанья
Живой мозаики, хочу понять узор
Явлений жизненных и звездного сиянья.
Для нас с тобою мир – родное существо,
Столь близкое душе, столь родственно-простое,
Что наблюдать за ним – для мысли торжество,
Что радостно будить молчанье вековое
В туманностях, во мглах, во глубине земной
И в излучениях – солярном или звездном,
Вскрывать покрытые глухою пеленой
Перед невеждами – космические бездны.
Для нас едино – все: и в малом и большом.
Кровь общая течет по жилам всей вселенной.
Ты подошел ко мне, и мыслим мы вдвоем,
Вне всех времен земных, в отраде вдохновенной
И вне пространств земных. Бежит под нами мгла,
Стихии движутся в работе повсеместной,
Бьет хаос в берег наш; приветлива, светла,
Глядится жизнь сама из глубины небесной.
И явственно сквозь бег измышленных времен
И многомерные, крылатые пространства
Пронизывает мир незыблемый закон –
Стихий изменчивых под маской постоянства,
И вод редееет мгла. Из хаоса стремят
Формотворящие строительные токи,

Иные времена иным мирам дарят
И утверждают их движения на сроки.
И в созиданиях мы чувствуем полной
Взаимодействие стихий между собою –
И сопряженное влияние теней,
Отброшенных на нас вселенскою борьбою.
Мы дети Космоса. И наш родимый дом
Так спаян общностью и неразрывно прочен,
Что чувствуем себя мы слитыми в одном,
Что в каждой точке мир – весь мир
сосредоточен...
И жизнь – повсюду жизнь в материи самой,
В глубинах вещества – от края и до края
Торжественно течет в борьбе с великой тьмой,
Страдает и горит, нигде не умолкая.

1915

Дерзание

Как тянет в бездну с высоты!
Как упоительно пространство!
Как рвется вон из-за черты
Живой души непостоянство!

Смотри: внизу, где тонкий дым
Ручья, скользящего на скалы,
Восходит клубом голубым,
Есть темно-синие провалы.
Туда, с размерности земной,

Осилив головокруженье,
Сверши полет над глубиной,
В ее влекущее владенье.

А бездна манит, бездна ждет,
И в том ее предназначенье!
Дерзайте ж, смертные, вперед:
В стихию, в смерть, в уничтоженье!

1917

Нашествие ночи

Из черной пропасти извергнутая тьма
Катится по миру беззвучными клубами,
Вращает черными с полмира жерновами
И в черный порошок дробится явь сама.

Все гуще чернота, все непроглядней мрак
И мира зримого быстрее уничтоженье,
Лишь думы черные в стремительном движеньи,
Ударясь в небосвод, взрываются впотьмах.

* * *

Жить гению в цепях не надлежит,
Великое равняется свободе,
И движется вне граней и орбит,
Не подчиняясь людям, ни природе.

Великое без Солнца не цветет:
Происходя от солнечных истоков,
Живой огонь снопом из груди бьет
Мыслителей, художников, пророков.

Без воздуха и смертному не жить,
А гению бывает мало неба:
Он целый мир готов в себе вместить,
Он, сын Земли, причастный к силе Феба.

1943

* * *

I

Во все века и все народы
Пытали, мучили и жгли
Святых подвижников свободы
И мудрых путников земли.

Чем мир новей – тем мир суровой,
Несправедливей, злее суд,
Тем больше мук, гонений, крови
Они великим принесут.

Чем всеобъемлющей ученье,
Чем гениальней, выше стих, –
Тем кровожадней озлобленье
Их современников живых.

Судьба ученых и поэтов,
Увы, не балует она:
Тисками злобы и наветов
От первых дней уязвлена.

II

Терпи, поэт! Прими гоненье!
Проникни в суть земного зла:
Мысль получает утвержденье,
Когда вся кровью изошла.

Поверь, поэт: минуют годы
И воздадут хвалу тебе,
Но кровью обогрятся всходы
Тебе подобных по судьбе.

В одной руке – венок лавровый,
В другой – алкающий топор.
Двуличен мир! Его основы
Гнусней, чем ложь, страшней, чем мор.

Людская подлость беспримерна:
Ни кары, ни конца ей нет.
Глядит в века с тоской безмерной
Весь окровавленный поэт.

III

За ростом человеческого духа
Следит неумолимый зверь – палач
С мечом в руке: он требует расплаты
За краткий взлет в пределы Божества.

Он знать не хочет ни высот, ни глубей:
Он весь земной – и им владеет страх,
Он защищает свое царство страха,
Отступников он превращает в прах.

Усердно он законность соблюдает –
И горы трупов высятся вокруг!
И не дерзают храбрые из храбрых
Подняться ввысь, преодолев испуг.

Лишь гений с палачом в единоборстве:
Пока последний меч свой занесет, –
Успеет гений сделать вызов тлену
И смертным часть бессмертья передать.

А.Л. Чижевский

ПСИХИЧЕСКИЕ ЭПИДЕМИИ И ЦИКЛИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЛНЦА*

Выше мы видели, насколько общая линия поведения больших человеческих масс хорошо и точно следует за кривой солнцедетельности. В некоторых случаях мы сталкивались с явлениями полного параллелизма или конгруэнтности кривых. Также мы убедились, что эти явления не игра случая, а результат закономерного энергетического воздействия одного процесса на другой.

Примем сейчас в качестве рабочей гипотезы, что в данном случае мы имеем, как это я уже упоминал выше, результат превращения лучистой энергии Солнца в переизбыток нервно-психической энергии человеческих масс. Последнее можно представить себе как некоторую общую сумму индивидуальных энергий, которая возрастает на некоторую определенную величину в эпохи повышенного притока солнечных радиации, образуя тот переизбыток нервно-психической энергии, который необходим для возникновения массового движения.

Тогда может представиться вполне целесообразным изучить вопрос о том, в какие формы выливается в некоторых случаях этот суммарный переизбыток энергии и насколько эти формы уклоняются от некоторой психической нормы.

В данном направлении мы имеем тот малоисследованный край явлений, в котором гнездятся всевозможные массовые психические и психопатические эпидемии. На них мы сейчас и остановимся подольше, так как они помогут нам разобраться в ряде важных вопросов.

* *Чижевский А.Л.* Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. – М.: Мысль, 1995. – С. 350 – 405.

Вся интеллектуальная и социальная жизнь человеческих обществ проходит под знаком эпидемий. Эпидемия не исключение, а общее правило, почти не имеющее исключений.

Случается и так, что психическая эпидемия с течением времени переходит в другую форму массовых умственных движений – эпидемию психопатическую. Это бывает всегда, коль скоро к тому или иному массовому движению присоединяются люди с явными нарушениями психической деятельности. Тогда у исследователя создается впечатление, что все участники движения обезумели, все подражают поведению сумасшедшего, все продолжают его дело, а между тем еще совсем недавно все они мыслили здраво и трезво. Такова великая роль общественного внушения, роль психической индукции!

Поэтому иногда вовсе невозможно отделить одну эпидемию от другой и провести строгую их классификацию. Это явствует из того, что каждая из них заключает в себе элементы, присущие другим эпидемиям, отличаясь в то же время от них рядом признаков и имея другое русло. Возьмем, например, эпидемии самоубийств. К какой категории эпидемии их следовало бы отнести? Мы знаем, что символические изображения доносят до нашего времени идеи, волновавшие наших отдаленных предков.

Вся общественная жизнь человеческих коллективов протекает под знаком массовых психозов и массовых психопатий. Чем интенсивнее бьет ключ общественной жизни, тем чаще и глубже охватывают ее коллективные безумия. Лишь в редкие эпохи депрессий отдельные группировки человечества освобождаются на краткий срок из-под власти той или иной идеи и каждый член ее начинает мыслить более или менее самостоятельно. Но в такие-то эпохи рождаются «новые» идеи, которые служат источником новых последующих психических или психопатических эпидемий. Одна психическая эпидемия заменяется другою. И так длится без конца!

Лишь в краткие промежутки времени, когда старая идея уже перестала волновать перенесшие ее инфекцию массы, а новая еще не народилась, мы встречаем светлые промежутки времени, свободные от взрывов массового умопомешательства.

Массовые умственные движения принимают иногда иные формы. Они длятся по нескольку лет, даже по нескольку десятков лет. Они влекут за собой не быстрые и не гремучие взрывы, а тихие разряды массовой деятельности. Большинство достижений человеческого ума, каким только было суждено охватить большие массы, распространялись именно таким образом. Кому не известна та сенсация, которую вызвал во всей Европе в конце XVIII столетия сентиментальный роман английского писателя Ричардсона (1689 – 1761) «Кларисса Гарлоу»?! Этот роман печатался в одном журнале и выходил постепенно, частями. Читатели, увлеченные началом романа, нетерпеливо ждали его развязки, в то время как автор продолжал не торопясь рассказывать о всех злоключениях героини Клариссы, о ее сердечных и физических страданиях. Сведения о состоянии здоровья Клариссы передавались из уст в уста, сотни людей молились о выздоровлении Клариссы, женщины писали автору трогательные письма, а сам король наводил справки у своих министров о здоровье никогда не существовавшей Клариссы.

Сентиментальный роман Гёте (1749–1732) «Вертер», герой которого покончил жизнь самоубийством из-за любви к Шарлотте, вызвал в Германии эпидемию самоубийств. Книга способна на многое: тысячи детей на земном шаре убегают из родительского дома, начитавшись Жюль Верна, Майна Рида, Густава Змара. Детективные романы Конана Доила возбудили многих к приключениям такого рода.

Сочинения Эммануэля Сведенборга (1688–1772) дали повод к возникновению ряда сект – авиньонских иллюминатов, теософов и др. В. Гюго (1802–1885), Э. Золя (1840–1902), Л. Толстой (1828–1910) явились невольными организаторами ряда новых сект, поклонявшихся их учению. В свое время эти секты вызывали кровопролития и массовые переселения. В XVIII в. сторонники и противники итальянской музыки также проливали кровь во время горячих споров.

В истории немецкой литературы известны примеры длительного увлечения целых слоев общества определенной идеологией. Эпоха, известная под названием «Sturm und Drang» (драма Клингера, 1776), длилась два десятилетия, охватив собой всю ли-

тературу. Значительно позже в германской политике возникло течение «Kulturkampf», наложившее заметную печать на всю жизнь германского народа. В Италии в 50-х годах появилось литературное движение, направленное к объединению Италии. Подготовленное съездами естествоиспытателей, это движение обнаружилось сразу вследствие выхода в свет ряда политических сочинений, которые читались во всей Италии и взывали к независимости страны. Таковы были сочинения Джиоберти, Бальбо, д'Ацелио и др. Мысль о возрождении Италии быстро распространилась в среде интеллигенции, и хотя никакой организации не возникло, не было сформулировано никакой точно определенной цели, но все желали преобразования, либерального образа правления и единения всех итальянцев.

Нечто аналогичное по типу распространения мы видим в эпоху реформ в России в 60-х годах, в Германии в 80-х годах прошлого столетия и т. д. Идея, пущенная кем-либо в обращение в широкие массы, объединяет их и сама становится боевым лозунгом дня.

Массовые умственные движения связаны также с различными проектами, процессами. Огромные эпидемии были вызваны, например, «проектом Миссисипи» (1717), «химерой Южного моря» (1729), Панамским процессом (1893), процессом Дрейфуса (1894 – 1895), процессом Сакко и Ванцетти (1927). Недавно весь мир пережил эпидемии «радиомании» (1924 – 1925), «Линдбергомании» (1927), «спасения Нобиле» (1928) и т. д.

Интересно, наконец, отметить, что история науки также богата примерами того, как часто та или иная теория охватывала умы ученых, овладевала ими до полного порабощения и как тирания продолжалась иногда очень долгое время, пока наконец либо угасала, либо сменялась новой теорией, новой идеей.

Разительным примером тирании абстрактной идеи может служить философская доктрина Аристотеля, приостановившая научный прогресс человечества более чем на полторы тысячи лет и приведшая к суду инквизиции не одного гениального человека (Галилей, Бруно).

Увлечение гипнотизмом под различными именами тревожило культурную часть человечества со времен Месмера (1739 –

1815). Это были «месмеризм» или «животный магнетизм». Данная психическая эпидемия, следует заметить, долгое время задерживала изучение психических явлений при помощи методов эстетивного* исследования (* от греческого «эстезис» – чувство).

Наконец, можно сказать, что и в области других знаний мы встречаем примеры массового увлечения той или иной идеей. Так, например, открытие X-лучей Рентгеном и эффект Лауэ – прохождение X-лучей через кристаллы – вызвали целые эпидемии среди физиков. Не довольствуясь печатными сообщениями, каждый физик торопился проверить лично указанные опыты, чтобы убедиться в справедливости открытия. Любопытная, хотя и небольшая эпидемия имела место среди европейских физиков в период 1903 – 1905 гг., после того как Блондло на заседании Парижской академии наук заявил, что открыл новые лучи, отличные от X-лучей некоторыми своими свойствами. Вскоре после этого Шарпантье выступил в Парижской академии наук с заявлением о том, что животный организм, и главным образом мышечная и нервная ткань, является также источником открытых им лучей. Десятки видных французских физиков, проверив утверждения на опыте, пришли к тем же выводам. Однако другие физики никак не могли обнаружить существование этих лучей, и в Нанси, где проживал Блондло, началось паломничество ученых. В течение двух лет длились споры о том, существуют или не существуют загадочные лучи, и лишь в конце концов было выяснено, что эти лучи есть не что иное, как иллюзия физиков, их открывших. История лучей Блондло представляет собою любопытнейший факт общественной внушаемости, которая не минула даже таких ученых, деятельность которых приучила строго объективно и критически относиться к каждому факту. Эта эпидемия, разыгравшаяся среди группы ученых, является лучшим примером того, что даже узкоотвлеченные и специальные идеи могут послужить причиной возникновения массового движения.

Я привел лишь несколько примеров из того огромного количества массовых умственных движений, которые получили достаточно рельефное оформление, а затем свое место в истории человеческой культуры. Все эти движения должны быть отнесены к разряду тех психических эпидемий, которые в своем равномер-

ном течении не изменяют присущего им мирного характера и не выходят из пределов психических явлений нормального порядка. Они, правда, могут характеризоваться периодами бурных увлечений, массовой восторженности, они могут так или иначе влиять на общественную жизнь, вызывая шевеление тех или иных частей общественного организма, но они в большинстве случаев не принимают таких форм, которые необходимо отнести к области психопатологии. Правда, во всякой психической эпидемии при детальном анализе можно обнаружить психопатические центры, очаги. Но эти последние иногда совершенно не выделяются в общем круговороте массового движения.

Коллективные убийства всех форм, начиная от грубо примитивного и кончая изощренно утонченным, наблюдались в человеческом обществе в самые легендарные времена. По-видимому, коллективные общества представляют собою тот зоологический рудимент, который достаточно свежо сохраняется в человеческой природе. Известно, что ни одна культура не могла вытравить это звериное наследие.

Эпидемии коллективных убийств хорошо развиваются на любой почве: военной, политической, религиозной и т. д.

Стоит ли нам подробно останавливаться на войнах — этих эпидемиях массовых убийств? Достаточно взглянуть на наши синхронистические таблицы, чтобы убедиться в достаточно строгом распределении военных движений во времени в связи с периодическими колебаниями в солнцедательности. Но войны обычно представляют собою явление затяжное и длятся по нескольку лет, а иногда и десятилетий, например тридцатилетняя, столетняя войны и др. Поэтому представляется интересным выяснить вопрос о том, в какие моменты та или иная война достигала наибольшего ожесточения, что могло выразиться в ожесточенных и кровопролитных сражениях.

Что представляют собою эти кровавые гекатомбы, практикуемые периодически самыми цивилизованными народами, как не острый эпидемический взрыв массового безумия, массового исступления! Тот, у кого хватит воображения, пусть представит себе картину штыковой атаки, кавалерийской рубки, морского боя. Художники слова и психологии неоднократно пытались вы-

разить это явление в красноречивых образах. Вряд ли они в этом отношении достигли успеха. Во время сражения поведение человека далеко превосходит всякое человеческое воображение: ни один дьявол не мог бы выдумать тот ад, который создан и возвеличен человеком!

Большинство военных действий, которые когда-либо вело человечество, носят на себе печать известной искусственности, как бы стихийно они ни проявлялись впоследствии. В этом отношении они самым резким образом отличаются от движений революционных, которые принято считать явлениями стихийными. В самом деле, хотя и в военных и в революционных движениях мы видим несомненный элемент организованности, но в первых он присутствует в несравненно большей степени, чем во вторых. Этот факт накладывает определенную печать на распределение тех и других движений во времени. В то время как революционные движения как движения стихийные по преимуществу в большинстве случаев стремятся очень точно совпадать с годами максимумов солнечной деятельности, войны могут значительно отклониться в ту или другую сторону от данной закономерности. И хотя это отклонение в некоторых случаях достигает весьма значительных размеров и искажает общую схему распределения массовых движений во времени, все же представляется возможным и небезнадёжным обнаружить роль космического фактора на течении военного движения, что хорошо выражается в возрастании или падении его интенсивности или напряженности и в других различных колебаниях, которые оно претерпевает. Если бы мы могли то или иное явление войны выразить в цифрах, мы получили бы самый надежный критерий для суждения. Но так как такое выражение в преобладающем большинстве случаев не может быть дано, мы должны ограничиться некоторыми общими, но в то же время и достаточно вескими признаками. Я имею в виду моменты максимальных напряжений в военных действиях — решительные сражения. Как распределяется это явление во времени?

Остановим наше внимание хотя бы на какой-нибудь одной исторической эпохе, допустим древнейшей. Я умышленно выбрал именно древнюю эпоху, исходя из следующих соображений: от древности к нам дошло лишь то, что было безусловно главней-

шим и решительным для жизни государств античного мира. Это первое. Вторым мотивом является то, что если в распределении важнейших битв в древнем мире и существует закономерность, так или иначе связанная с солнцедательностью, то эта закономерность должна проявиться наиболее отчетливо, ибо все мелкие или менее важные столкновения народов не будут мешать проявлению той закономерности, которая нас интересует. В-третьих, начиная с V в. до н. э. исторические даты греческой и затем римской истории могут быть признаны более или менее достоверными, и, в-четвертых, о датах солнцедательности за время до н. э. мы не имеем решительно никакого представления, и потому не может быть и речи о невольном подведении фактов под даты. <...

>

Из наших основных синхронистических таблиц легко вывести заключение о том, что большее число главнейших сражений все же падает на эпохи максимальной деятельности Солнца, несмотря на то, что элемент организованности и, так сказать, искусственности (а не стихийности) чаще присущ этому роду массовых движений.

Но если мы оставим в стороне великие столкновения народов, решающие участь народов и целых наций, то нам все же придется иметь дело с другим видом коллективных убийств, видом еще более ужасным, чем первый, и не имеющим по существу своему никакого оправдания, если не принимать в расчет физиологии и патологии этих коллективных гетакомб (Прим.: *гетакомбы* – огромные жертвы. Ред.). Я имею в виду эпидемии убийств, совершаемых под разными предлогами во время военных, политических или религиозных движений, уничтожения беззащитных и часто безвредных людей. В то время как в сражении человек совершает злодеяние во имя самозащиты или защиты страны от наступающего врага, в периоды указанных движений коллективные убийства практикуются либо с целью грабежа, либо имеют в своей основе патологический и очень часто сексуально-патологический характер, что явствует из тех многочисленных описаний, которые оставлены нам современниками и очевидцами этих явлений.

Безумная страсть к кровавым зрелищам, по-видимому, лежит в самой природе человека. До какой высоты и виртуозности была доведена эта страсть, рассказывают жуткие страницы истории последних столетий римского владычества. Каким обаянием у римского народа пользовались цирковые зрелища с их дикими боями человека со зверем и травлею зверей! Это было огромное эпидемическое увлечение. Для них были специально приурочены особые торжества, ко дням которых из всех римских провинций непрерывно шли вереницы транспорта с разнообразными дикими и экзотическими животными. По достоверным известиям, дошедшим до нас, только в одном представлении во времена императора Тита (79–81) участвовало до 5000 иноземных зверей. Римский историк Вописк приводит число зверей, убитых в течение одного дня: 200 львов и львиц, 200 леопардов и 300 медведей. Монтень (1533–1592) описывает великолепие народных зрелищ и жестокосердную травлю зверей во времена Карина. Недаром же при Веспасиане (69–79) и Тите был выстроен великолепный Колизей, развалины которого поражают зрителя своею грандиозностью. Эти кровавые, периодически повторяемые зрелища ложились дурным пластом на характер римского народа. Испания с ее традиционными боями быков дает прекрасный пример порчи нравов и заразительности кровавых зрелищ.

Еще с 264 г. до н. э. началась в Риме ужасная игра – бои гладиаторов. Замечательно то обстоятельство, что в Греции состязания такого рода никак не могли установиться и приобрести общее значение. Наоборот, в Риме эти побоища получили право гражданства. Они захватили внимание и страсти и римской знати, и римского пролетариата и вылились в те утонченные формы, которые вызывали бурное ликование многотысячной толпы, наполнявшей великолепный Колизей. И только во времена императора Гонория (395–423) римский амфитеатр видел в последний раз бесчеловечные бои гладиаторов. У Липсия (1547–1606) мы находим тщательное рассмотрение вопроса о гладиаторах. Насколько велика была заразительность подобного рода зрелищ, показывает то, что даже светлые умы того времени подпадали под ее влияние. У Цицерона (106–43 до н.э.) мы находим строки в пользу гла-

диаторских сражений. Но Сенека (ок. 4 до н.э. –65) уже обнаруживает больше человечности.

В конечном счете состязания гладиаторов не внушали ни храбрости, ни мужественности, а располагали к обнажению диких инстинктов варварства и убийства. В то время как греки отличались истинно геройской храбростью, римляне были скорее мстительны и кровожадны. История внутренних переворотов в Греции свидетельствует о том, что здесь влиятельные политические партии не употребляли в дело мер для уничтожения своих противников, что, между прочим, постоянно наблюдалось в Риме. Даже влияние христианства сказалось в этом направлении лишь в ничтожной степени.

Это, по-видимому, органически присуще человеческой природе: любование кровавыми зрелищами и непреодолимое стремление к участию в них находят удовлетворение в тех грандиозных кровопусканиях, которые систематически устраивает себе человечество, начиная с древних времен и кончая последними днями.

Еще великий историограф Фукидид в своей истории, написанной более двух тысяч лет назад, дает одну из наиболее замечательных во всей мировой литературе схем, по которой протекают эпидемии братоубийства во времена гражданских войн. Тонкий наблюдатель и аналитик, наделенный одновременно мощным даром синтеза, Фукидид создал из немногих слов ту картину междоусобиц, обрушившихся на государство, «бед, какие бывают и будут всегда, пока человеческая природа останется тою же».

«Смерть царицы во всех видах, – рассказывает Фукидид, описывая одну из сцен Пелопоннесской войны, – происходило все то, что обыкновенно бывает в подобные времена, и даже больше: отец убивал сына, молящихся отрывали от святынь, убивали и подле них...» Еще в то отдаленное время Фукидид обратил внимание на то, что психология людей в моменты массовых движений резко изменялась. В связи с этим извращались нравы, добрые чувства уступали место насилию и убийству, порывы и страсти не сдерживались. Общее возбуждение умов до неузнаваемости меняло все формы обычной жизни.

На огромном протяжении истории мы периодически встречаем примеры водворения в человеческой среде межживотных

отношений. Стоит ли расширять рамки этой работы перечислением бесконечно многочисленных примеров этих кровавых эпидемических исступлений? Ограничимся лишь указанием на одного автора, которому удалось с художественною силою изобразительности передать это явление. Я имею в виду Тэна (1828–1893). В III томе своих сочинений он дает подробное и блестящее описание самого акта массовых убийств. Это тоже общая схема, которую мы вправе распространить на многие другие массовые резни, хотя Тэн описывает лишь знаменитые сентябрьские убийства 1792 г. Все чудовища, замечает французский историк, которые, закованные, пресмыкались в глубине сердца, все сразу выходят из человеческой пещеры, и не только злые инстинкты с их клыками, но также и нечистые инстинкты с их слизью. Действительно, вихрь коллективных убийств отбрасывает в сторону все наслоения эволюции и культуры, оставляя в центре лишь первобытные зоологические инстинкты, с их дикой жестокостью и похотью.

Перечислим хотя бы те из подобных кровавых безумств, некоторые из которых нам придется сопоставлять с датами солнечной деятельности.

Уже в Библии мы находим ряд описаний ужаснейших боен, поголовного избиения целых областей, населенных людьми, подобных избиению мидаанитов: «И пошли войною на Мидаана, как повелел Господь Моисею, и убивали всех мужского пола...» И сказал им Моисей: «Вы оставили в живых всех женщин... Итак, убейте всех детей мужского пола и всех женщин, познавших мужа на мужском ложе, убейте» (Числа, 31, 7, 15, 17). Евангелие повествует о поголовном избиении младенцев мужского пола в Вифлееме во времена правления иудейского царя Ирода (37 до н.э. – 2 н.э.). Не тем ли отмечена история двух величайших революций – французской и русской? Вспомним избиение детей в Нанте и на Украине в 1919 г., в период еврейских погромов. Эта своеобразная коллективная мизопедия, появляющаяся во времена массовых брожений, далеко превосходит жуткие сцены детоубийства на Огненной Земле или у негритосов в Полинезии.

История на каждой своей странице рассказывает о страшных коллективных злодеяниях. Перед нами проходят картины пе-

риодических уничтожений правящих классов, избиения периодически восстававших рабов, поголовного уничтожения пленных в гражданских и международных войнах, истребления беззащитных жителей завоеванных городов и т. д. Но попробуем быстро перелистать эти кровавые страницы человеческой истории. Вот страшные дни уничтожения илотов в Спарте, вот шесть дней поголовного избиения карфагенян в 146 г. до н. э. Если верить истории, это избиение представляет собою нечто невообразимое. Три года римляне бились с карфагенянами и, победив их, шесть дней и шесть ночей уничтожали их. Из 700000 населения к исходу избиения осталось лишь несколько тысяч, моливших о пощаде. Большая часть их была уничтожена, и лишь немногие спаслись. Город был распахан плугами, и римские жрецы произнесли над ним свои заклятия! Резня в Цирте, эфесские убийства, уничтожение пленных после битвы в Тевтобургском лесу, в 66 г. н.э. – разрушение Иерусалима. Вот приказ императора Проба (232–282) об уничтожении германцев в 277 г. Резня в Фессалониках. Обезглавление саксов по указу Карла Великого в 782 г. и т. д. Вот жуткая эпидемия всеобщей резни в Гань-Фу в 878 г., вот ужасы взятия Иерусалима в 1099 г., когда «крови было пролито столько, что она доходила до конских удил».

Но среди невообразимого количества этих кровавых деяний все же некоторые «избранные» приковывают к себе наше внимание особенно интенсивно. К таковым могут быть отнесены: избиение латинян в Фессалониках, разрушение Византии, истребление дравидов, «Сицилийская вечерня», бойня в Стокгольме, резня в Васси, Варфоломеевская ночь, лондонские убийства 1586 г., делийская резня, Коливщина, сентябрьские убийства, резня на юге Франции в 1815 г., холерная резня в Сицилии, резня христиан в Ливии и Сирии, уничтожение коммунаров в Париже, резня в Константинополе и т. д.

Все эти ужасные злодеяния я привожу ниже, в сравнительной таблице, из которой видно, как точно совпадают их исторические даты с максимумами солнцедейтельности.

Эпидемии антисемитизма, периодически повторяющиеся, представляют собою одно из самых интересных явлений всеобщей истории. Лурье в своей монографии «Антисемитизм в

древнем мире» на основании тщательного изучения исторического материала пришел к ряду выводов. Эпидемии антисемитизма, которые вот уже 2500 лет периодически возникают то в одной, то в другой стране и вписывают собою в историю человечества самые кровавые страницы, интересны для нашего исследования главным образом потому, что, как это утверждают некоторые компетентные историки, эпидемии эти были всегда делом широких народных масс и правительства обычно плелись в хвосте этих народных движений.

Тот же автор (Лурье) приходит на основании изучения исторического материала к другому, тоже чрезвычайно любопытно-му выводу о механике антисемитских движений, а именно: он утверждает, что «антисемитизм в древнем мире не только не был менее интенсивен, чем в наше время, но и выражался как раз в таких же формах, как и теперь». Нет ни одного обвинения, бросаемого ныне евреям, которое не предьявлялось бы им уже в древности. Более того, самое развитие отношений между евреями и неевреями – терпимость и ассимиляция, антисемитизм и партикуляризм – в древности происходило в таких же формах, как и ныне. Более того, говоря о погромах в глубокой древности, Лурье замечает: «Обстановка этих погромов во всем до мелочей совпадает с обстановкою позднейших “классических” погромов».

Первые проявления антисемитизма относятся к глубокой древности, к тому времени, когда евреи появились вне Палестины. Вместе с ними пошел в мир и антисемитизм. Вряд ли об этой эпохе мы можем надеяться собрать более или менее достоверные сведения.

Древнейшее известное в истории гонение на евреев имело место еще во время персидского владычества над Египтом в 410 г. до н. э., затем еврейский погром в 405 г. до н. э. Следующее гонение на евреев имело место в 350 г. до н. э.

Мы встречаем гонения на евреев при Птолемеях IV Филопаторе (223–205 до н. э.), при Антиохе IV Епифане (176–164 до н. э.), при Птолемеях VII и VIII (146–81 до н. э.), при Птолемеях XI, Авленте и Клеопатре (55–30 до н. э.); при Калигуле (37–41).

Знаменит погром евреев в 88 г. до н. э., когда жители Александрии напали на своих сограждан-евреев и перебили их. Далее одно

из самых ужасных погромных движений приходится на 38 г. н. э. Оно имело место в той же Александрии и было подробно описано еврейским философом и историком Филоном (род. в 30 г. до н. э.). Затем, при Нероне, 6 августа 66 г., имело место всеобщее избиение евреев. В то же время произошли еврейские погромы в Дамаске, Аскалоне, Скитополисе, Гиппосе, Гадаре, Птолемаиде и Тире. Через два года, в 68 г., по почину народных масс возник погром в Александрии, где было убито около 56 тысяч евреев. Наконец, известны гонения на евреев, начавшиеся в 146 г. в Египте.

В царствование Траяна (98–117) и Адриана (117–138) римский антисемитизм достиг своего апогея.

Некоторые из приведенных мною дат хорошо совпадают с эпохами концентрации исторических событий. Принадлежат к разряду массовых движений безусловно стихийного характера, на чем категорически настаивают компетентные знатоки вопроса, массовые гонения против евреев и должны по преимуществу иметь место в моменты интенсивной деятельности Солнца. В этом мы с полной очевидностью убеждаемся, если сопоставим даты всех наиболее крупных эпидемий антисемитизма за последнее тысячелетие с датами максимумов солнцедетельности. Это сопоставление я и даю в приводимых ниже сравнительных таблицах.

В подтверждение того, что во время погромного движения эффект достигает своей наивысшей точки, мы приведем описание некоторых моментов этого движения, составленное на основании проверенных и точных сведений.

Вот обыкновенный тип еврейского погрома на Украине в 1919 г.

Ворвавшись в город, местечко или селение, вооруженные люди направляются в еврейские кварталы, и начинается массовое истребление евреев, которому часто предшествует грабеж, вымогательство или требование контрибуции. Вымогают деньги, но затем все-таки убивают. Тут же насилуют женщин и малолетних девочек, раздевают евреев и евреек догола, издеваются, ломают домашний скот, сжигают дома и хаты. Первая группа погромщиков сменяется другой, другая третьей и т. д. В период погрома 15–19 июля 1919 г. в Переяславле каждая еврейская квартира посе-

шалась бандитами 20–30 раз в день. Очень часто сгоняют евреев для массового умерщвления или для истязаний в один какой-либо дом, и тут начинается кровавая оргия, кончающаяся бойней, хотя в способах убийства отряды бандитов обнаруживают большое разнообразие: вешают, колот шттыками и железом, поджаривают на огне, бросают в колодцы, топят в реках, зарывают живьем в землю, одновременно засыпают их известкою, устраивают поголовную резню «холодным оружием» или массовый «расстрел» – «к стенке». Иногда убивают только одних мужчин, милуя женщин, чаще – и тех и других вместе, не минуя ни старых, ни малых.

Кончатся погромы тем, что обезумевшее от ужаса население бросается вон из своих родных мест, раздетое, босое, без копейки в кармане, разнося повсюду страх, болезни, безумие.

Украина в 1919 г. пережила одну из самых жестоких в истории эпидемий антисемитизма. В самом деле, за этот год было 402 погромленных пункта и общее число жертв равнялось 100 000 человек. Ненависть и национальное озлобление против евреев были таковы, что о пощаде не могло быть и речи. Желая смести вовсе с лица земли еврейское племя, погромщики зачастую подвергали целые местечки полному уничтожению. Так, местечко Кублич было даже распахано; другие пункты еврейского населения выжжены дотла – Богуслав, Володарка, Борщаговка, Знаменка, Борзна.

Несколько позже я вернусь к вопросу об эпидемическом распространении антисемитского движения при изучении соотношения между месячными периодами погромного движения на Украине и месячными периодами в солнечной деятельности за 1919 г.

Здесь можно указать также на то, что в свое время подвергались огромным гонениям и христиане со стороны языческого мира. Это были подлинные эпидемии антихристианизма. Многочисленные массы людей, принявших учение Христа, претерпевали неоднократно страшные гонения, о которых рассказывает история. Не останавливаясь на этом вопросе, скажем лишь, что все наиболее крупные гонения на христиан хорошо совпадают с эпохами высокого напряжения в деятельности Солнца.

Эпидемии самоуничтожения. По-видимому, психоз коллективного самоистребления, подобно всем другим коллективным психозам, не составляет исключения из общего правила и ведет свое начало из глубокой древности. Существуют указания, впрочем, малодостоверные, что даже в животном мире наблюдаются случаи коллективного самоуничтожения. Если стремление к самоуничтожению лежит в глубоких недрах природы человека, как полагают исследователи этого темного вопроса и поэты, «и все, что гибелью грозит, для сердца смертного таит неизъяснимы наслажденья», то коллективное действие всегда способствует прямому доступу в эти недра. Недаром говорится: «На миру и смерть красна». Впрочем, каких-либо точно установленных норм в области психологического обоснования самоубийства еще нет. Можно лишь сказать одно: в случае единичного самоубийства человек-самоубийца в 35% обладает стойкими уклонениями в нервно-психической деятельности и даже органическим повреждением мозга. К области коллективных самоубийств это обобщенное наблюдение вряд ли может быть применено: коллектив изменяет личность и ее поведение.

Еще у Плутарха (ок. 45 – ок. 127) находим рассказ об эпидемическом распространении самоубийства среди милетских девушек. Монтень говорит о коллективном самоубийстве осажденных Брутом ксантийцев. Аналогичный рассказ существует о массовых самоубийствах евреев во время осады Иерусалима римлянами, а также о коллективных самоубийствах христиан во время гонений за период времени от Нерона (37–68) до Константина Великого (306–337). Например, известно самосожжение христиан в Никомедии, затем в одном фригийском городе, где христиане, запершись в церкви со своими женами и детьми, погибли в пламени мученической смертью. Гиббон (1737–1794) дает описание поступков христианской секты донатистов, жившей в Африке в IV и V столетиях. Эта секта состояла из религиозных фанатиков, одержимых отвращением к жизни и стремлением к мученичеству. Они искали смерти, где только можно было ее искать: в набегах, ограблениях, осквернениях языческих храмов и т. д. Когда же у них не было другого ресурса добыть себе смерть, они бросались головою вниз с утесов и скал и в пропастях находили себе смерть.

Они оправдывали свои самоубийства примером Разия, о котором повествует 14-я глава второй книги Маккавеев. Известны массовые самоубийства перуанцев и мексиканцев. Мексиканцы возвели массовые убийства и самоубийства в прочную обрядность. Каждый народный праздник, каждая победа, каждый ритуал сопровождалась жертвоприношениями. Степень торжественности определялась численностью убитых. Когда в 1445 г. начался голод в Анагауке, психоз человеческих жертвоприношений достиг у ацтеков безумных размеров. В средние века отмечены грандиозные самоубийства евреев в периоды еврейских погромов в связи с политическими неурядицами и эпидемиями, например в периоды чумного мора 1348 – 1352 гг.

Очень распространен рассказ о 30 инвалидах, повесившихся в 1772 г. один за другим на одном и том же крюке, снятие которого прекратило эпидемию. Аналогичный случай имел место в 1805 г. в лагере Наполеона, помещавшемся близ Булонского леса, где в одной и той же будке покончило самоубийством несколько солдат. Подобная эпидемия была отмечена в английском полку на острове Мальта. Известны случаи коллективных самоубийств среди военных во Франции в 1862, 1864 и 1868 гг. Рассказывают, что в одной деревне повесилась на дереве женщина, а вскоре на этом же дереве покончили самоубийством одна за другой все ее подруги. Тожественный случай произошел близ Везувия. Достаточно было лорду Кэстльри броситься в кратер Везувия, чтобы тотчас же появился ряд его последователей. Дерево Тимона-мизантропа стало историческим и др. Я уже говорил выше, что самоубийство Вертера вызвало ряд подражаний. Но прошло около 100 лет с тех пор, и вот в марте 1903 г. после представления «Вертера» в театре Сары Бернар одна дама покончила самоубийством, а за ней через несколько дней последовал литератор, также покончивший с собою. Массовые самоубийства имели место во время Великой французской революции. В дни ужасной сентябрьской резни заключенные кончали с собою в тюрьмах, разбивая голову о стены и перерезая горло ножом. Здесь можно указать на эпидемическое распространение самоубийств в Вене в 1859–1860 гг. среди высокопоставленных чиновников и крупных коммерсан-

тов, замешанных в одно общее дело, в связи с банкротством государства.

От древнего языческого культа, связанного с человеческим жертвоприношением, ведет свое происхождение огненная смерть. Что жертвоприношения неизбежно истекали из материалистического понятия о божестве, присущего всему древнему миру, явствует из так называемых этиологических мифов, которые рассказывают о происхождении жертвоприношений, о причинах их возникновения. От первоначального значения – простого священнодействия не осталось и следа. Им стал именоваться обряд, считавшийся из всех самым таинственным и прямее всего приближавшим человека к божеству.

И вот мы видим, как на Востоке еще в глубокой древности впервые появляются эпидемические самосожжения. Они проходят сквозь истории большинства восточных народов: индусов, японцев, корейцев. Эпидемии самосожжения мы встречаем в Китае. Под влиянием религиозного фанатизма и глубочайшей веры в блаженство nirваны китайские бонзы идут на самоубийства, увлекая с собой большие толпы верующих. Самосожжение имеет свое основание в одной из самых распространенных буддийских книг, где повествуется о том, как внутренний огонь сжигает человека, отрешившегося от земных сует, подобно тому как он сжигает и самого Будду. Чтобы ускорить процесс сожжения внутреннего, можно прибегнуть к огню внешнему.

К сожалению, до нас почти что не дошло точных хронологических дат этих повальных самосожжений, практиковавшихся на Востоке, поэтому мы лишены возможности проследить существование зависимости этих религиозных безумств от хода солнечного процесса. Нам приходится по вопросу о самосжигателях обратиться к тому скудному материалу, который дает нам история русского сектантства, еще недавно коллективно применявшего огненный культ.

В конце XVII и в течение XVIII в. на северо-востоке России среди раскольников свирепствуют страшные эпидемии коллективных самоубийств: самосожжения, самоутопления, самозаклания и самоизнурения голодом. «Смертоносная язва» поражает подобно неотвратимым чумным поветриям. При чтении описания

очевидцев этих самоубийств поистине леденеет кровь. Сильные, крепкие, совершенно здоровые люди всех возрастов, и цветущие девушки, и убеленные сединами старики без всяких сторонних побуждений, кроме религиозного фанатизма, самосжигаются, топятся, режутся, замуровываются в «ямах» и «храминах», уничтожая себя не только десятками или сотнями, но и тысячами одновременно. Их обугленные, обезображенные трупы валяются на пожарищах или всплывают в реках, подобно трупам пораженного мором скота. Нестерпимый смрад от сожженных тел в течение долгого времени после самосожжения отравляет воздух, напоминающая последователям раскола их деяния.

Нами собраны и выверены по нескольким монографиям некоторые даты массовых самосожжений, каковые мы можем сопоставить с датами солнцепеядельности.

Наконец, остановим наше внимание на событиях, имевших место в 1896 г. близ Тирасполя.

Идейное брожение в Терновских старообрядческих хуторах началось осенью 1896 г., когда под влиянием суеверной боязни за веру вследствие происходившей тогда народной переписи одна из женщин по имени Виталия предложила своим единомышленникам принять добровольно смерть – «закопаться в яму» и таким путем избежать якобы грозившей им тюрьмы. Эта мысль вскоре овладела всеми членами скита и в ближайшее время была осуществлена, причем люди уничтожали себя группами, по очереди. Устроив в земле род погреба с одним выходом, сектанты входили в него и, замуравав отверстие, подвергали себя медленному удушью вследствие отсутствия притока воздуха.

«Обстановка, при которой происходили самоистребления в два последние столетия (XVII и XVIII), – пишет Сикорский, – до такой степени напоминает обстановку терновских событий, даже до подробностей, что нам невольно приходит на мысль, что в самоистреблениях мы встречаемся не просто с историческими или бытовыми явлениями, но в известной степени с явлениями патологическими, относящимися к разряду так называемых психических эпидемий. В самом деле, явления бытовые или исторические хотя и повторяются, но всегда с некоторыми переменами, обусловленными протекшим временем и историей, между тем яв-

ления патологические гораздо более неподвижны, гораздо менее изменчивы».

Здесь я хотел бы заметить следующее: в то время как в периоды максимумов солнечной деятельности количество коллективных самоубийств может, вообще говоря, возрасти, количество индивидуальных самоубийств должно понижаться. Этот априорный вывод основан на том простом логическом заключении, что в периоды максимумов, по-видимому, вырастает нервно-психическая возбудимость и человек становится в общем более активен, а самоубийство, как это известно, является чаще всего результатом депрессивного состояния нервно-психической деятельности. Рассуждая далее, мы должны, следовательно, будем признать, что в периоды минимумов число самоубийств должно повышаться. Действительно, статистические данные хорошо подтверждают это заключение, к рассмотрению которого мы вернемся позже.

Эпидемии вакханалий и так называемых неистовых плясок периодически появлялись в античной древности и в средневековье. Между вакханалией и неистовой пляской нельзя провести строгой параллели: эти явления имели различные формы выражения. Единственно, что заставляет нас одновременно говорить об этих явлениях, так это то, что, вероятно, они имеют в человеческой природе некоторые общие корни.

По-видимому, впервые во Фракии возник культ Вакха, чаще именуемого Дионисом, – бога экстатических порывов и экстатического творчества. Фракия и Македония сохранили в первоначальной чистоте этот оргиастический культ до сравнительно позднего времени. В VIII в. до н. э. культ Вакха из Фракии через Фессалию и Фокиду или по морю – через архипелаг – проник в Элладу, вызвав почти во всей Греции психическую эпидемию иступленного движения. Возник миф о рождении нового бога, и началась борьба двух начал: Аполлона и Диониса. Античная душа грека выходит из длительного равновесия, гармонии и светлой аполлинийской жизнерадостности, отдаваясь во власть дикого, страдающего, пьянящего Диониса. Новый бог топчет мирные созерцающие души греков и во главе буйно неистовствующих, экстатических

толп совершает свое победное и шумное шествие по всей Греции.

Для встречи бога собирались вакханки и вакханты. В звериных шкурах, с венками из лоз на голове они ждали появления бога. Но вот сходил бог, и начиналась оргия, на которой и сосредоточивалось все внимание женщин и мужчин. Главная цель оргий заключалась в доведении всех присутствующих до экстаза (исступления), т. е. до такого состояния, во время которого человек становится «вне себя», познавая блаженство «внетелесного существования». Для этих целей пользовались безостановочной и головокружительной пляской до полного изнеможения, вдыхая смолистые курения и опьяняясь вином. Однако одним общим экстастическим состоянием оргии не ограничивались. Начинался разнузданный половой разгул, оправдываемый верою в божественность оплодотворения.

С течением времени оргиастический культ Вакха был подвергнут значительным изменениям. Под влиянием религии Аполлона произошло укрощение его, а реформа Мелампа превратила культ в официальный праздник с точным установлением времени и места празднования. На смену древнего инстинктивного порыва явились выборное начало и изоляция культа, что заметно сократило его распространение.

Около 400 г. до н. э. культ Диониса впервые проникает в Рим. Южноиталийские вазы сохранили изображения вакхических празднеств, оргиастических и мистических сцен религии Диониса. Эта религия проникла на италийскую почву, чтобы нарушить относительную строгость римской жизни греко-азиатским развращением нравов. С огромной быстротой новый культ распространился по всей Италии, но служение ему совершалось тайно и было сопряжено со всевозможными излишествами, ужасами и убийствами. Римский культ Вакха представлял собою дикие ночные оргии, происходившие в Остии, в священном лесу. Вскоре эти оргии получили эпидемическое распространение, привлекли к себе тысячи человек мужчин и женщин, пока наконец в дело не вмешался сенат. Это было в 186 г. до н. э. Возник грандиозный судеб-

ный процесс, на котором выяснились все кошмары и ужасы, и большинство участников культа были казнены, как о том рассказывает Тит Ливий (59 до н. э. – 17 н. э.). Сенату оставалось лишь издать знаменитые «запрещения», запрещавшие культ Вакха по всей Италии. В Вене хранится это запрещение сената в его оригинальной редакции, вырезанное на бронзовой доске.

В продолжение десяти-одиннадцати столетий в истории не встречается указаний, которые могли бы напомнить нам вакхические эпидемии. В течение первого тысячелетия н. э. человечество, населяющее Европу, пережило водворение христианской религии и переселение народов, которые наложили свою печать на политическую и духовную жизнь всей Европы. Это первое тысячелетие н. э. было для всего европейского населения временем тяжелых общественных катастроф и умственного застоя.

Еще древние греки подметили заразительность движений, и в частности пляски. Один из греческих писателей рассказывает о том, что однажды, после представления «Андромеды» Еврипида, зрителями, а затем и всем городом овладела неистовая пляска, от которой никто не мог уберечься. Нагие, бледные, со сверкающими глазами, они бегали по улицам, громко декламируя отрывки пьесы Еврипида и исполняя дикую, странную пляску. Это общее увлечение танцем, граничащее с безумием, прекратилось только с наступлением зимы. Это первое наблюдение древних о заразительности болезненной пляски получило в прошлом столетии клиническое доказательство в наблюдениях над хореей.

Начиная с XI и до XIV в. подобного рода неистовые пляски, отчасти по своему содержанию похожие на вакхические радения, несколько раз эпидемически распространялись в разных странах, а с XIV в. они, так сказать, выродились в культ танца и в радения религиозных сект.

Первый рассказ о неистовой пляске, случившейся в Дессау, относится к 1021 г. В ночь на Рождество, во время богослужения в кладбищенской церкви одного из монастырей близ Дессау, несколько крестьян начали плясать, и плясали

так неистово, что никакие уговоры священника их не могли остановить. Тогда он их проклял, сказав, чтобы они продолжали плясать и прыгать непрерывно в течение целого года. Проклятие исполнилось: крестьяне продолжали пляску до тех пор, пока некоторые из них не упали замертво; у прочих, оставшихся в живых, всю жизнь тряслись члены.

В следующий раз эпидемия неистовой пляски разразилась в 1237 г. в Эрфурте. Это была преимущественно детская эпидемия. В хронике рассказывается о том, что более ста детей, прыгая и танцуя, прошли через Штейервальд в город Арюштад, расположенный в двух милях от Эрфурта, где упали в изнеможении. По свидетельству хроники, многие из этих детей умерли, когда были взяты своими родителями, другие навсегда остались подверженными пляске св. Витта.

В третий раз неистовая пляска разразилась в 1278 г. в Утрехте, где двести человек собрались на Мозельском мосту и начали плясать, и плясали до тех пор, пока мост не обрушился и все они не погибли в реке.

Четвертый случай эпидемии неистовой пляски относится к лету 1375 г. Летописцы повествуют о том, что в этом году образовалась странная секта из мужчин и женщин, которая из Ахена распространилась по Германии, главным образом по Рейну и Мозелю, дойдя до границ Голландии. Когда бы члены этой секты ни собирались, они украшали себя, подобно вакханкам и вакхантам, цветочными венками и начинали неистово плясать и кружиться. Они плясали повсюду: в частных домах, в общественных местах, в церквах – по многу часов подряд, пока у них не появлялось столь сильное стеснение в груди, что они падали ниц. Затем они требовали, чтобы окружающие крепко перевязывали им животы полотенцами, топтали их ногами или били кулаками, что очень напоминает неистовства, случившиеся годами позже в Париже.

О силе этой эпидемии дают приблизительное представление цифры участников. Так, в Кёльне насчитывали до 500 больных, в Меце – 1100. Однако число участников эпидемии вскоре возросло, так как к беснующимся начали присоединяться разного рода обманщики, искатели приключений. Пьянство, разгул и половые неистовства превзошли всякое воображение. Рассказыва-

ют, что множество девушек, участвовавших в плясках, забеременели. Но и после этого у них все еще продолжалось ненасытное влечение к пляске. Эти обстоятельства принудили гражданскую и церковную власть преследовать предававшихся пляске и карать их как обманщиков. Действительно, вскоре после вмешательства власти неистовая пляска прекратилась надолго.

Но вот в 1418 г. та же эпидемия снова появилась, и на этот раз – в Страсбурге. Здесь несколько сот мужчин и женщин начали плясать на площадях, одержимые пляской св. Витта. Гезер приводит отрывок рассказа из ненапечатанной страсбургской летописи, касающийся этой эпидемии: «За восемь дней до праздника Марии Магдалины (14 июля) неистовая пляска показалась впервые у одной женщины. Магистрат отправил ее в часовню св. Витта в Паберн, где она и успокоилась. Но в течение следующих четырех дней заболело еще тридцать четыре мужчины и женщины. Магистрат запретил бить в барабаны и трубить. Все заболевшие также были отведены к св. Витту. Но, несмотря на эти меры, число их в несколько дней увеличилось до двухсот. Вновь заболевших в свою очередь отправили отдельными партиями в часовню св. Витта в Цаберн и Ротенштейн, иных пешком, а иных в экипажах, чтобы там подействовать на них молитвами и другими священными обрядами». Так было поступлено с больными в Страсбурге. В других местах к ним были применены другие меры: многих сжигали на кострах как одержимых нечистым духом.

Как раз в тот год, когда в Германии свирепствовала эпидемия неистовой пляски, во Франции началась также полоса массовых безумств, среди которых пляска занимала выдающееся место. Период с 1418 по 1424 г., по мнению некоторых историков, является одним из самых жутких периодов в истории Франции. Мишеле говорит о том, что это был период опустошения: война следовала за голодом, голод за чумою, одно безумие за другим. Страшные бедствия, резня в Париже в 1418 г. и мор заставили население разбегаться куда глаза глядят. Завершением всех этих ужасов, обрушившихся на страну, явились массовые психозы, охватившие население сверху донизу. Замечательнее всего было то обстоятельство, что психика народа сосредоточилась на музыке и пляске, обычно служащих выражением веселого настроения

духа. В Париже были организованы команды плохих скрипачей, которые наполняли днем и ночью город своими звуками. В течение многих месяцев на парижском кладбище длился этот страшный танец, в котором принимали участие представители всех слоев тогдашнего общества. Зараза проникла во все уголки Парижа, и на кладбище стекались тысячи людей.

Начиная с конца XV в., приблизительно около 1479–1480 и 1490–1491 гг. в Италии приняла повальное распространение психическая эпидемия неистойой пляски, за которой укрепилось название «тарантизм». По свидетельству современников этой болезни, тарантизмом называлась совокупность припадков, происходящих якобы от укуса апулийского паука – тарантула. Эта болезнь выражалась в мучительных пароксизмах и конвульсиях, подлинном «мышечном сумасшествии». Единственным средством излечения считалась пляска под звуки скрипки или волынки, флейты или гитары. Отсюда и произошло название известного неаполитанского танца – тарантелла, которому народ приписывает сверхъестественное действие излечивать больных. Однако тарантизм мог возникнуть не только от укуса паука, но и от одного вида пляшущего больного, и, несомненно, причину тарантизма следует видеть в психическом воздействии. А поскольку психическое воздействие при известных социальных условиях может распространяться на огромные области, несомненно, что в указанные эпохи вся Италия благодаря тарантизму находилась в мучительно-возбужденном состоянии. Тарантизм был одной из величайших психических эпидемий, которые когда-либо свирепствовали на итальянской почве.

Некоторые исследователи сравнивают эпидемии средневековой неистойой пляски и тарантизма с замечательной психической эпидемией конвульсионеров, начавшейся в 1728 г. в Париже, на Сен-Медорском кладбище, у могилы священника де Пари, и описанной Карре де Монжероном.

Эпидемия началась с исцеления одной паралитической от прикосновения к гробу с прахом священника, а затем вскоре охватила чуть ли не весь Париж и длилась, с небольшими перерывами, несколько лет. Главной ареной этой эпидемии было Сен-Медор-

ское кладбище, где больные предавались самой фантастической пляске, кривляниям и подергиваниям.

Согласно описаниям современников, какая-то невероятная сила влекла людей к кладбищенской площади, для того чтобы принять участие в этих психопатических неистовствах. Трудно себе представить, какие формы приняла эта эпидемия! «Здесь мужчины бьются о землю, как настоящие эпилептики, в то время как другие немного дальше глотают камешки, кусочки стекла и даже горячие угли; там женщины ходят на голове с той степенью скромности или цинизма, которая вообще совместима с такого рода упражнениями. В другом месте женщины, растянувшись во весь рост, приглашают жителей бить их по животу и бывают довольны только тогда, когда десять или двенадцать мужчин обрушиваются на них сразу всей своей тяжестью. Люди корчатся, извиваются и двигаются на тысячи различных ладов. Среди всего этого нестройного шабаша слышатся только пение, рев, свист, декламация, пророчества и мяуканье».

Ни строгий приказ короля, ни полицейские меры не могли приостановить этой эпидемии. Наоборот, закрытие Сен-Медорского кладбища способствовало рассеянию конвульсионеров по всему Парижу, и припадочники начали собираться в частных домах. Для ликвидации эпидемии потребовалось вмешательство военной силы, и только в 1762 г. в последний раз эта повальная болезнь вспыхнула снова, чтобы затем погаснуть навсегда.

Мы перечислили основные и наиболее поразительные примеры эпидемий неистовой пляски, в которых или форма проявления пляски, или территориальный охват, а иногда и то и другое вместе достигали исключительно яркого выражения. Кроме того, большинство из приведенных нами эпидемий может быть отнесено к определенным историческим датам, что чаще является крайне существенным для наших сопоставлений.

Конечно, перечисленные нами эпидемические взрывы неистовой пляски составляют лишь небольшую долю в полной истории этой болезни, которая еще ждет своего историка, вооруженного знанием новейшей психиатрической науки.

В XIII–XVI вв. мания плясок овладела детьми. Возникновение одной из них старинная хроника приписывает крысолову из

Гамельна. Рассказывают об эпидемическом распространении танца в XIV в. при дворе французского короля Карла V (1364–1380). История Португалии XVI в. отмечает лиссабонскую эпидемию неистой пляски.

Таких примеров можно было бы привести немало.

У современных культурных народов сохранились следы древних увлечений пляской, которые в свое время под влиянием религиозного фанатизма, болезненных уклонений психики и подражания потрясли целые страны. Дикие пляски во время солнцестояния составляли у германцев один из религиозных обрядов. Их следы сохранились и до настоящего времени в плясках и кострах дня Ивана Купалы. На родине немецкой неистой пляски, на Рейне, в городе Эхтернах, ежегодно в мае народ празднует день «прыгающих святых» – праздник, установленный в 1376 г. У северных племен – остяков, лапландцев, самоедов большинство праздников сопровождается пляской.

Подобного рода хореоманию, судорожную хореическую пляску мы встречаем в Абиссинии, у западноафриканских негров, у полинезийцев и других малокультурных народов.

У исследователя создается впечатление, что плясовое действие глубоко коренится в человеческой природе и, по-видимому, является одним из выражений заболевания нервно-психической и половой сферы. Впрочем, к этому вопросу мы еще вернемся.

Эпидемии самобичевания, или флагелляции, представляют для нашего исследования несомненный интерес. Прежде всего, это были массовые движения истеросексуального характера, затем, число их было не так велико, и все они достаточно хорошо изучены историей.

«Страх перед Христом» и «дух самобичевания» – это лишь одна сторона мании флагелляции, другая сторона – это пол. Сановитые и простые, богатые и бедные, старые и молодые, даже дети, по словам хроникеров, бродили по улицам без одежд, с одной только повязкой вокруг пояса. Каждый имел при себе кожаную плеть, которою бичевал свою плоть со слезами и вздохами, до изнурения, иногда до полной кровопотери. Городские хроники эпохи «черной смерти» (1348–1351) рисуют картины таких покаянных шествий.

Вот одна из подобных процессий. Человек 300–400 с хоругвями, свечами и красными крестами на шляпах. Впереди шествия идут запевалы, печальным песнопениям которых вторят все остальные. Население сел и городов встречает эти шествия любопытством, на колокольнях гудят колокола, многие присоединяются к шествию, бросая свои дома и своих близких.

Бичевание совершается дважды в день. Этот акт сопровождается звуками тех же заунывных песен. Люди обнажаются и бьют себя по телу ремнями, на конце которых пришиты пуговицы или вбиты гвозди. Этим актом бичующиеся приводят себя в состояние крайнего возбуждения.

Клиническое изучение случаев пассивной и активной алголагнии приводит к тому убеждению, что данное извращение наблюдается преимущественно у лиц с более или менее явно выраженной психопатической конституцией, у психически ненормальных людей, у дегенератов, у лиц, обнаруживающих признаки явного умственного недоразвития. Средневековые монастыри представляли особенно богатую почву для развития подобных извращений половой сферы даже у лиц, находящихся в состоянии душевной нормы. Несомненно, что бичевание и самобичевание, которые входили в обычай некоторых монашеских орденов, поддерживались главным образом сексуальными мотивами. Здесь начальным моментом появления алголагнических наклонностей могла быть порка розгами или другого рода телесные наказания, при которых присутствовал будущий садист или которым подвергался будущий мазохист или мазохистка. Сочетание этого акта с половым возбуждением, в котором заложены элементы боли и насилия, устанавливало тот рефлекторно-психологический комплекс, который, развиваясь, мог приводить в известные эпохи к возникновению повальных эпидемий религиозно-сексуального характера.

Почти все городские хроники отмечают тот факт, что спустя некоторое время после начала шествия оно обращалось в весьма удобное прикрытие для непристойностей всякого вида половой разнузданности и разврата. Лишь в исключительных случаях шествия флагеллантов носили строгий религиозный характер без явно выраженной сексуальной примеси. Иногда они носили

даже политический характер и были как бы предвестниками реформации XV в., как, например, самобичевание в Авиньоне на глазах у папы. Первое известное истории шествие самобичевателей относится к 1260 г. Оно возникло в Италии во время междоусобных войн между папой и императором. Пустынный Райнер из Перуджи собрал тысячные толпы экзальтированных людей всех возрастов и классов, чтобы «словом и примером призывать людей к покаянию и добрым делам». Они предавали себя взаимному бичеванию, взаимно возбуждая друг друга, в течение 33 дней, в «память лет, прожитых на земле Христом».

Вскоре, однако, зараза самобичевания проникла далее и распространилась на огромную территорию. По словам хроники 1261 г., самобичевание наблюдалось повсюду, пока наконец церковь, видя возможность опасных последствий, общими усилиями не прекратила этой эпидемии на довольно продолжительное время.

Однако наивысшего своего расцвета эпидемия бичевания достигла в годы «черной смерти» – чумы, опустошавшей Европу. Под влиянием этого страшного всемирного бедствия резко повысилась религиозность населения всех стран, что привело к возникновению ряда психических эпидемий на религиозной почве, в том числе и эпидемии флагеллантов. Общественное мнение видело в чумной эпидемии ниспосланное свыше наказание за прегрешения людей и находило способ их искупления в виде грубого, потрясающего самоистязания. В конце 1349 г. бичевальщики, или «крестовые братья», массами стали появляться в различных странах Европы. Полагают, что первые шествия появились в Австрии и Германии и, переходя из города в город, из селения в селение, разносили психическую заразу по стране. Вскоре бичевальщики начали массами появляться в городах Нидерландов, Франции. Очевидец этих безумных процессий оставил хронику, из которой история заимствует описания данной психической эпидемии.

Из ранее бывших, менее крупных эпидемий самобичевания можно указать на эпидемии 1296, 1333–1334 гг., имевшие место в Страсбурге и Бергамо. Наконец, последнее шествие самобичевателей обычно относят к 1414 г. Впрочем, это не совсем точно. Еще при Генрихе III (1551–1589) во Франции случались не-

большие эпидемии флагелляции, якобы покровительствуемые самим королем, которому история приписывает педерастические наклонности.

Этот небольшой исторический материал об эпидемиях самобичевателей позволяет вывести следующие заключения о соотношении этих эпидемий с деятельностью Солнца.

1. Первая эпидемия самобичевателей 1260–1261 гг. На основании европейских записей о северных сияниях и китайских записей о солнечных пятнах следует предположить, как это и делает Святский, четвертый максимум XIII столетия между 1238–1242 гг. Следующие сведения о северных сияниях относятся, по де Мерану и по русским летописям, к 1269 г. Поэтому имеется много шансов за то, что в год первой эпидемии самобичевания 1260–1261 гг. имел место максимум солнцедетельности.

2. Эпидемия самобичевателей 1296 г. Более или менее точных предположений о состоянии солнцедетельности в данном году у нас не имеется. В русских летописях рассказывается о северном сиянии 1292 г. Мы можем лишь допустить, что в 1296 г. деятельность Солнца была еще не в минимуме.

3. Эпидемии самобичевателей 1333–1334 гг. Имеются указания на повышенную деятельность Солнца в 1325 и 1352–1353 гг. Можно предположить, что в 1333–1334 гг. имел место максимум солнцедетельности. Однако это предположение не может считаться вполне достоверным.

4. Эпидемии самобичевателей 1349–1352 гг. На том основании, что в период 1352–1354 гг. имели место интенсивные полярные сияния, можно думать, что период эпидемий самобичевания совпал с периодом назревания солнечной активности или даже с началом максимума.

5. Эпидемия самобичевателей 1414 г. Русские летописцы отмечают северные сияния в 1401 и 1402 гг. Мы имеем очень много данных, чтобы отнести следующий максимум солнцедетельности к 1413 или к 1414 г., т.е. как раз к году последней эпидемии самобичевания.

Поскольку *крестовые походы*, и особенно детские походы, развивались на истерорелигиозной почве и состояли из фанатических и экзальтированных толп, постольку они могут быть причислены к категории психических эпидемий истерорелигиозного характера.

В истории человечества эпоха крестовых походов по справедливости занимает совершенно обособленное место. В течение XI–XIII столетий народы Европы периодически переживали бурные подъемы религиозного фанатизма и периодически огромные человеческие массы поднимались во имя достижения достаточно мнимой цели – освобождения гроба Христа из рук неверных. Подстрекаемые замечательными проповедниками, народные массы приходили в неистовство и, бросая своих близких и свою землю, устремлялись за своими вождями, мало надеясь на возвращение домой. Мы не будем здесь останавливаться на этих религиозных безумствах, которым в истории уделяется так много места, скажем лишь, что явления, подобные крестовым походам, могли возникнуть в такой человеческой среде, которая была чрезвычайно предрасположена к истерическим реакциям, чему способствовали бытовые условия той феодальной эпохи.

Здесь нам придется ограничиться лишь констатированием того факта, что все крестовые походы, кроме шестого, а именно походы 1094–1096, 1147, 1187, 1202–1204, 1224, 1270 гг., были совершены в периоды максимальной деятельности Солнца. Что касается шестого крестового похода 1248 г., то этот последний был совершен не фанатически настроенными массами, а Людовиком IX с небольшим количеством войска. «Это было предприятие, скорее объясняемое личным характером короля, чем общественным настроением» (А.И. Успенский). Время его совершения, по-видимому, совпадает с минимумом солнцедетельности.

Еще Геккер, известный исследователь средневековой неистовой пляски, сделал попытку сопоставить с данным массовым явлением другое массовое расстройство психической деятельности – *детские крестовые походы*. «Из всех страстей, – писал Геккер, – религиозная более всего действует на массу народа. Поэтому-то она больше всех обогатила патологию большим количеством в высшей степени разнообразных, страшных и нередко

удивительных форм нервных болезней». Действительно, религиозные переживания могут приобретать огромную силу как у взрослых, так и у детей, и особенно у мальчиков в период наступления половой зрелости. Тогда с религиозными представлениями связываются заманчивые перспективы героических подвигов, и молодые люди изо всех сил стремятся проявить свою новообретенную силу.

Первым толчком к возникновению детского крестового похода в 1212–1213 гг. послужило, согласно одним источникам, религиозное движение, совершавшееся в то время по всей Франции с целью возбуждения населения против неверных. Другие источники утверждают, что значительная часть дела была сплошным обманом восточных купцов, преследовавших коммерческие цели. Знаменитый ученый и францисканский монах Рожер Бэкон, современник этого события, утверждает, что вожаками детей были агенты татар и сарацин.

Хроникеры полагают, что начало первого детского крестового похода положил некий францисканский пастух Этьенн из села близ Вандома. Этому пастуху якобы однажды было божественное видение, давшее ему письмо к французскому королю. После этого Этьенн начал появляться в различных местностях и петь песни, в которых призывал детей сплотиться воедино для возвращения святой земли из рук сарацин. К нему примыкали сотни и тысячи последователей, и вскоре таким образом составила армия, численность которой доходила до нескольких десятков тысяч детей. Несмотря на принятые Парижем строгие меры, потушить это детское религиозное движение не удалось. Ни к чему не привели также и увещания родителей, ибо детская возбужденность превысила всякие границы. Движение постепенно все разрасталось, избрав себе направление в сторону Средиземного моря. Наконец оно достигло Марселя. Рассказывают, что два марсельских купца посадили юных крестоносцев на заранее приготовленные корабли и вышли в море. Но возле Сардинии эти корабли потерпели крушение, часть детей погибла, а остальные были увезены ловкими предпринимателями в Буджию и Александрию, где и проданы в рабство.

Почти аналогичное явление одновременно имело место в Германии. Полчище детей направилось из Кёльна через Альпы к Адриатическому морю, руководимое 10-летним мальчиком Николаем. Ему удалось при помощи ряда выступлений и обещаний привлечь по дороге тысячи детей мужского и женского пола при сочувственном отношении населения, которое видело в этом массовом детском движении повеление неба. В Германии в большей степени, чем во Франции, к этому шествию присоединялись взрослые мужчины и женщины, преследовавшие различные цели и главным образом видевшие в движении возможность удовлетворить свои сексуальные наклонности. Исход германского крестового похода детей был столь же трагичен, как и результат французского детского похода. Большинство детей погибли на материке от утомления, голода и болезней. Незначительная часть их вернулась домой по настоянию папы Иннокентия III (1198–1216). Другая часть дошла до Генуи и Рима, откуда некоторые были возвращены на родину. Когда этих детей спрашивали, зачем они шли в поход, они уверяли, что сами не знают этого. Настолько велика была сила психической инфекции, что сознание и рассудок были подавлены в корне.

Вторым детским походом считается поход 1237 г. Он был отнесен по своему проявлению к эпидемии пляски. Наконец, о третьем походе 1458 г. мы узнаем из некоторых латинских и немецких хроник. Целью этого детского похода было паломничество к св. Михаилу в Нормандию. Никто из детей, принимавших участие в походе, не вернулся: часть погибла от холода и голода, остальные были проданы в рабство.

Подобно крестовым походам взрослых, крестовые походы детей также получили свое воплощение в периоды максимальной деятельности Солнца.

Истерорелигиозная почва послужила основой для возникновения в средние века очень большого количества психопатических эпидемий *одержимости*, представляющих во многих отношениях выдающийся научный интерес.

О том, что одержимость наблюдалась еще в очень отдаленные времена, свидетельствуют указания древних авторов с тою только разницею, что идее бесоодержимости предшествовала

идея богоодержимости. В Греции и Риме мы встречаем празднества в честь Вакха или Диониса, прорицания неистовствующих, пифий, церемонии жрецов Кибелы, корибантов, жрецов Марса. Жрецы Юпитера, Аполлона, нимфы Амфитриты были также одержимыми. Известная история осла Апулея свидетельствует о том же. В книге Левит упоминается об одержимости. Ее мы встречаем у диких племен, в Японии, у китайцев. Люди одержимые ведут себя как бесноватые. Аполлиническая душа греков не могла обезобразить женщину клеветническим наветом. И хотя беснования греки также принимали за действия демона, но это был светлый гений. Гиппократ объяснял беснования естественными причинами болезненного состояния организма, и только школа Платона (427–347 до н.э.) утверждала их таинственное происхождение.

Однако уже в то время с Востока шло учение о людях, одержимых злым духом – нечистой силой. Это суеверие шло в Европу через Африку, Рим, Византию, и вот в последние минуты существования греко-римского мира появляется колдовство, тайное знание, первоисточник страшных средневековых демономаний. Мало-помалу, передаваясь изустно, это суеверие охватило романские и германские народы Европы и вызвало перерождение многих отличительных черт их мифологии и жизни. Тип германской женщины, прообразом которой служили прекрасная Валькирия, светлая дева Одина, изменяет свой облик и имя. Немилостивая Ингольда превращается с течением времени в колдунью (Нехе).

Христианство с его учением об аде и дьяволе разделяет это заблуждение. Апологеты христианства создают особую доктрину о вселении дьявола или зверя в человека. Знаменитый схоластик и богослов Фома Аквинат (1225–1274) подробно излагает половую связь с дьяволом, св. Антонию дьявол являлся в виде молодой девушки, ребенка, пустынноку св. Мартину – в пышном одеянии. Церковь освящала и распространяла веру в сатану и его приближенных. Весь мир стал рассматриваться с этой точки зрения. Дионисийские празднества, претворявшиеся в христианстве в карнавал, исказились до неузнаваемости: оргиастический экстаз выродился в демоническое безумие, фантазия истеричек питалась

пережитками античных представлений о свите Диониса, вакханка выродилась в средневековую ведьму, козлоногий Пан – в демонического любовника, парнасская триетерида – в шабаш на Лысой горе, или на Блоксберге, куда слетались в Вальпургиеву ночь ведьмы со всей Германии. Схоластико-аскетический взгляд средневековой римско-католической церкви принуждал смотреть на женщину с чувством презрения и страха. Церковь учила: от дьявола идет обольщение, и это обольщение клерикалами, жившими в celibate (безбрачии), воплощается в образе женщины, и отсюда возникали зло и грех. Св. Иероним сомневался в существовании женской души. Тертуллиан (160–230) придерживался аналогичного мнения. Только страх и глубочайшее презрение к женщине со стороны римско-католического духовенства могли возбудить гонения на нервноболезных, страдающих истерией женщин, заклеив их их страшным именем «ведьма».

Выше мы видели, что начиная с XI в. европейские народы и католическо-феодальный мир прошли через ужасный кризис массовых умопомешательств. Крестовые походы, процессии самобичевальщиков, неистовая пляска, тарантелла, макабрский танец и другие эпидемии истерии и истероэпилепсии в течение четырех столетий волновали умы. Но общее возбуждение умов не прекратилось. В XV в. в жизнь европейских народов вмешивается дьявол. Начинаются повальные эпидемии демономаний (демонолатрии, демонопатии – активной и пассивной бесоодержимости). Ни одна нация Западной Европы не избежала этой эпидемии, которая крепко держалась около 300 лет. Повсюду вопреки здравому рассудку господствовало убеждение в том, что нечестивые люди, главным образом старые женщины, обладают адскими силами творить сверхъестественные злодеяния, мучить и умерщвлять людей, питаясь их мясом и кровью, летать на дьяволовы пиры и шабаша, превращаться в животных, совершая все свои деяния по наущению дьяволов.

Психическая инфекция быстро охватила массы народонаселения Европы, которая превратилась в убежище истеричек, слабоумных, меланхоликов, параноиков и всевозможных маньяков. Люди, психика которых была предрасположена к заболеванию, лица с расшатанной нервной системой, с предрасположением к

бреду, галлюцинациям и т. д. — все они каждую минуту склонны были признать себя виновными в интимных отношениях с демонами, инкубами, суккубами и даже самим дьяволом. Одержимые с большими подробностями рассказывали о своих полетах на шабаш дьявола, показывали анестезированные места на теле — «печати дьявола» и приводили другие не менее «веские» доказательства своих общений с нечистою силою.

Эти умственные аномалии, принявшие характер психических эпидемий, прежде всего взволновали верхи римско-католической церкви, где они по существу и получили свое начало. Папа Иннокентий VIII (1484—1492) в булле, изданной 5 декабря 1484 г. и известной под именем «*Summis Desiderantes*» («Желаннейшая покорность»), призывал паству к освобождению церкви от власти дьявола, от ужасов чародейства и колдовства. Руководителями по искоренению этих зол, которые после призыва папы сразу усилились, были назначены тою же буллою в качестве инквизиторов с обширными полномочиями два профессора теологии, доминиканцы Генрих Инститор и Яков Шпренгер. Шпренгер в сотрудничестве с демонологами Нидером и де Лепином выработал систему правил, при помощи которых инквизиторы могли обнаруживать виновных, и изложил их в книге «Молот на колдуний», изданной в Кёльне в 1487 г. Это была одна из самых ужасных и губительных книг, которые когда-либо знавала всемирная история. Она стала катехизисом инквизиции, и с тех пор смертоносные костры запылали по всей Европе. В течение двух с лишним столетий на эти костры было возведено около девяти миллионов человек.

Эта ужасная психическая эпидемия омрачила величайшие умы того времени. Фрэнсис Бэкон, Бодэн, Фернель, Лелайер, Богюэ, Парэ были исповедниками демономании. Эпидемия овладела протестантскими странами, и протестанты не обличили этой болезни. Меланхтон (1497—1560) верил в бесоодержимость, а Лютер (1483—1546) высказывался за сожжение «всех ведьм». В Англии статут Елизаветы (1558—1603), изданный в 1562 г., объявил чародейство величайшим преступлением. В Шотландии парламент издал в 1563 г. акт, устанавливавший смертную казнь для колдуний. Иаков I (1603—1625) в своем трактате о ведьмах призывал к умерщвлению ведьм и т. д. Настолько глубоко проникла вера в

бесоодержимость, что еще в 1749 г. несмотря на эпоху просвещения медицинский факультет Вюрцбургского университета совместно с богословским факультетом вынес смертный приговор колдунье. А последние колдуньи были казнены: в Испании – в 1784 г., в Швейцарии – в 1782 г., в Познани – в 1793 г. В России, в которой на Стоглавом соборе в 1551 г. русское духовенство прекратило преследование одержимых, все же последняя (да и последняя ли?) колдунья была сожжена в Новгородской губернии в 1878 г.

Я здесь не буду останавливаться на перечислении всех наиболее выдающихся демономанических эпидемий. Трудами Кальнеля, Реньяра, Ришера был собран большой материал, касающийся этого вопроса, и даны клинические эскизы эпидемий. Пользуясь указанными работами, а равно и другими многочисленными пособиями, я составил таблицу эпидемий одержимости, вошедшую полностью в сравнительную таблицу психических и психопатических эпидемий и солнцедательности, приводимую в конце данной главы. Здесь, не вдаваясь в рассмотрение каждого случая в отдельности, я могу лишь сказать, что наиболее значительные и наиболее жестокие умопомрачения в большинстве случаев хорошо совпадают с годами максимальной деятельности Солнца.

В данном отношении заслуживает упоминания ряд эпидемий, которые, между прочим, отмечаются и психиатрами как наиболее своеобразные и наиболее распространенные. Это эпидемии 1431, 1484, 1491, 1552, 1564, 1573, 1628 и 1632 гг.

В 1431 г. в окрестностях Берна и Лозанны несколько сот людей были сожжены по обвинению в сношениях с дьяволом и в пожирании детей. В 1484 г. в Констанце или Равенсбурге было сожжено несколько десятков человек, сознавших в колдовстве и обвинивших себя в сношениях с инкубами. С 1491 по 1494 г. длилась демономаническая эпидемия в монастыре Камбрэ. Монахини бегали собаками, порхали птицами, карабкались кошками и т. д. Относительно одной монахини выяснилось, что она находилась в связи с дьяволом с девяти лет и продолжала эту связь и в монастыре. Большая демономаническая эпидемия наблюдалась с 1628 по 1631 г. в Мадриде, в бенедиктинском женском монастыре. Монахини бились в судорогах и конвульсиях, заявляя, что они

одержимы демоном. Чрезвычайно интересна эпидемия в урсуплинском монастыре в Лудэне с 1632 по 1639 г.

Все эти эпидемии проявили себя в годы повышенной деятельности Солнца. Только эпидемия урсуплинок составляет некоторое исключение: начавшись в годы падения солнечной активности, она пережила минимум солнцедейтельности и кончилась точно в год максимума, в 1639 г., благодаря вмешательству гражданской власти.

В славянских землях и в России вследствие указанного соборного решения 1551 г. никогда не бывало таких огромных эпидемий бесноватости, какие мы встречаем на Западе. Однако одиночные случаи бывали нередко, и об этом свидетельствуют русские летописи. Из них можно вывести заключение, что обвинения против колдунов и колдуний случались преимущественно тогда, когда страну постигали различные бедствия – голод, засухи или поветрия. Действительно, русские летописи рассказывают о неоднократных сожжениях «волхвов», обвиняемых народом в чародействе, как это и имело место в 1024, 1071 и 1411 гг.

Первое упоминание о бесноватости в России мы находим у Феодосия Печорского в его слове о тропарях. Но лишь в XV в. появляется первая легенда о грешнице, сделавшейся бесноватой за то, что она вошла в церковь в нечистом виде. В период XVI–XVIII вв. становится известным «кличанье» как дело Св. Духа, вселившегося в человека. Первое известие о «кликушах» (от слов «кличать», «кликать», что значит пророчествовать, вещать), появившихся в Перми под именем «икотниц», относится к 1606 г. В «Описании Шуйского Воскресенского собора» мы находим первую эпидемию кликушества в России с 1666 по 1671 г. С этих пор эпидемии кликушества неоднократно появлялись вплоть до XX в. то в одной, то в другой губернии.

Эта распространенность истерических эпидемий становится понятной, если мы узнаем, какое огромное количество кликуш было в дореволюционной России. По словам Якобия, только в одной Орловской губернии в 1903 г. было более тысячи зарегистрированных «официальных» кликуш. И действительно, мы видим, как в начале текущего века у нас разыгрывается ряд тяжелых эпидемий истерических судорог – бесноватости и эпидемий икоты.

Можно отметить, что истерические эпидемии, которые наблюдались в Западной Европе в средние века, наблюдались в России в текущем столетии, да еще вблизи столицы. Полный список всех собранных нами из различных источников эпидемий кликушества до 1900 г. мы помещаем ниже, в указанной уже сравнительной таблице.

К категории истеросексуальных эпидемий могут быть причислены очень многие массовые движения, возникающие на *религиозной почве*. В них религиозная настроенность является основой, на которой ткется психопатический узор, характеризующий собою движение. Религиозность имеет данные сильнее всего воздействовать на темные массы, ибо ее объектом является все таинственное, чудодейственное и неведомое. Рассматривая историю религиозных движений, поражаешься тому разнообразию форм нервно-психических заболеваний, которые возникают на религиозной почве и по временам принимают характер психопатических эпидемий, охватывающих большие человеческие массы. Всякий религиозный человек, обладающий неустойчивой психикой и расшатанной нервной системой, может стать участником таковой эпидемии, но женщины и девушки захватываются в ее психопатический вихрь по преимуществу и благодаря своим физиологическим особенностям и истерической конституции и играют всегда главнейшую роль во всех психопатических движениях.

Одними из самых длительных и великих умственных эпидемий по справедливости следует признать христианство, буддизм, магометанство, конфуцианство и т. д. Учение Христа и его последователей вызвало огромную психическую эпидемию, длящуюся вот уже около двух тысяч лет и ставшую основой всех многочисленных инстинктов европейского мира. Но, распространяясь в форме психической эпидемии, христианство в некоторые эпохи вызывало явно психопатические движения вроде фанатически-сектантских вероучений, массовые переселения, массовые паломничества, крестовые походы, эпидемии флагеллантов, пляски св. Витта, бесо- и звероодержимости, эпидемии конвульсионеров, истерических судорог, икоты, самоуничтожения и т. д. Двигающей силой всех этих психопатических явлений была религиозность фанатических, неразумных и истерических масс, превратно

понимающих внутреннюю сущность религии и искажающих до неузнаваемости своими поступками религиозные предначертания христианства.

Еще более богаты истерическими чертами другие религии. В то время как людьми Запада главным образом руководят идеи, большинством наций Востока, исповедующих магометанство, управляют эмоция, инстинкт. Поэтому магометанство следует признать религией по преимуществу истерической. Действительно, созданная эпилептиком, эта религия с огромною быстротой, свойственной заразной эпидемии, завоевала Восток. И в наши дни в психическом состоянии строгих последователей Пророка часто можно отыскать патологические черты: неравномерное развитие умственных способностей, стихийную веру в могущество сакраментальных слов, склонность к коротким вспышкам гнева, половые аномалии, зрительные и слуховые галлюцинации. Большинство почитаемых святых среди магометанских сект – душевнобольные, у которых все эти черты проявились особенно резко. Внушение представляет одну из основных черт исламизма. Правоверные стекаются огромными массами в определенные молитвенные пункты и повторяют одно и то же слово сотни раз. Здесь работа мысли отсутствует, а имеется одно лишь гипнотическое состояние, охватывающее эти массы. Начинаются общее возбуждение, пляска, дикие вопли, драка, непристойные сцены... Из недр этой толпы выходят галлюцианты, пророки, теоманы, одержимые бредом и агитирующие темные народные массы. Эти религиозные помешанные быстро приобретают фантастических прозелитов. И вот возникает психопатическая эпидемия, которая представляет типичную форму распространения религии.

Но не следует думать, что этими видами массовых религиозных психопатий богаты средневековые или мусульманский Восток. Не следует думать, что только в темное средневековье могли развиваться явления подобного рода. Несмотря на громадное различие социального уклада в средневековой и, например, в американской жизни, мы только за одно XIX столетие можем насчитать в Америке около десяти больших психопатических эпидемий на религиозной почве. Все эти эпидемии возникали и проходили под флагом религиозного возрождения и охватывали самые широкие

слои американского общества. Достаточно было на арене американской жизни появиться какому-либо помешанному, впавшему в религиозную паранойю, как психическая инфекция влечет к нему десятки тысяч людей, которые дни и ночи проводят в церквах, яростно молятся и затем конвульсируют на многотысячных религиозных митингах. Американские религиозные эпидемии хорошо уживаются с повальным развратом. Начавшись в тоне высоконравственных идеалов возрождения человеческой природы, они вскоре из религиозных маний превращаются в мании сексуальные! Такого рода религиозные эпидемии имели место в Америке в 1815, 1832, 1840, 1843, 1857–1858, 1873, 1893 гг. и были описаны рядом авторов. В 1885 г. в Канаде вспыхнула религиозно-политическая эпидемия. Также религиозная эпидемия распространилась в 1902–1904 гг. в Америке среди русских эмигрантов-духоборов. Переселившись с Кавказа, в Канаду при поддержке английских и американских квакеров, духоборы образовали значительную колонию, вступив, однако, вскоре в столкновение с законами нового отечества по вопросу о частном землепользовании. Первый взрыв фанатизма выразился в проявлении явных признаков религиозного помешательства. Они разогнали рабочий скот, отказались от мясной пищи, сбросили одежду животного происхождения и впрягли в плуги женщин. Одновременно появились с пламенными речами пророки, впадающие в экстаз, конвульсии и галлюцинирующие Христом. Их влияние на массы было так велико, что значительная часть населения отправилась в десятиградусный мороз «искать Христа» по Канаде. Процессии этих сумасшедших пилигримов производили тяжелое впечатление и не оставляли сомнения в своем патологическом происхождении.

В России с ее многочисленными сектантами сплошь да рядом развивались психопатические эпидемии на религиозной почве. О некоторых эпидемиях, как, например, об эпидемиях самоуничтожения, я говорил выше. Сейчас отмечу лишь следующее: и здесь, как и всюду, половые оргии, кровожадность и благочестивые упражнения смешивались в чудовищном хаосе.

Совершенно исключительного внимания заслуживает одна из таких эпидемий, длившаяся в течение 1892 г. в Васильевском уезде Киевской губернии. Эта эпидемия получила название Мале-

ванщина по имени жителя города Тараща Кондратия Малеванного, который, страдая хроническим помешательством, и дал толчок к развитию этой эпидемии. Последняя возникла вместе с проповедью Малеванного о скором наступлении страшного суда и почти одновременно охватила несколько деревень, причем к движению присоединились не только крестьяне православного исповедания, но даже местные католики и протестанты. Внешне эта нервно-психическая эпидемия выразилась в резком изменении обычного образа жизни населения, которое отказалось от работы, пребывая в бездействии и радостной экзальтации, продавало имущество в ожидании кончины мира и беспрерывно участвовала в сходках, сборищах и своеобразного характера радениях.

Главная черта этой эпидемии – «неудержимая потребность у заболевшего населения собираться массами и предаваться порывам психического возбуждения, которое сопровождается судорогами, галлюцинациями и экстазом и распространяется постепенно на всех участников собрания». Последнее обстоятельство указывает с достаточной очевидностью на то, что в данном случае имела место повальная психическая болезнь, выражающаяся в массовом возбуждении заболевших. Собрания заканчиваются общими судорогами, которые, появляясь у одного из участников, быстро распространяются на других и являются самым желательным моментом для участников и целью их сборищ. «Такие собрания, – пишет Сикорский, – лишены всякого молитвенного или религиозного оттенка, производили крайне тягостное впечатление на зрителей-врачей своим странным демономаническим характером». Эти судороги проявляются в виде вскрикиваний, всхлипываний, слез, икоты, отрывки, свойственных истерии. Затем, чаще, – в виде страстных поз, а также в разнообразных ритмических подражательных движениях. Среди этих движений нередко встречаются такие, которые показывают, что причиной их появления была физическая страсть к другому полу, сопровождающаяся соответствующими галлюцинациями. Вообще не остается сомнений в том, что одною из главных причин всех этих собраний служили проявления половой сферы. Часто случалось, что во время экстатических плясок с судорогами женщины бросались к мужчинам с чувствен-

ным страстным поцелуем, обнажали себя до пояса, срывая одежды и продолжая одновременно прыгать и кричать.

Высшая степень возбуждения вызывала у некоторых участников сборищ особое возбуждение центра речи, выражавшееся в потоках бессмысленного словоизвержения, иногда имеющего характер несомненных импровизаций. Многие из участвующих в экстазе и судорогах обнаруживали полную или частичную анестезию с одновременным изощрением осязательных аппаратов. Женщины играли главенствующую роль и руководили всеми действиями собраний, одушевляя мужчин, обнаруживающих полную пассивность воли и преобладание над нею расслабленной эмоциональной сферы.

Существует еще один тип истеро-религиозных эпидемий. Это эпидемии паломничества и пилигримства. Из истории всех веков легко заключить, что стремление к поклонению святым местам почти всегда проходило эпидемически. Гиббон пишет, что в эпоху, предшествовавшую крестовым походам, «франки выказывали такое усердие в деле благочестивых странствований, какого у них не замечалось ранее, и большие дороги покрывались толпами людей обоого пола и всякого звания, высказывавших желание дожить только до той минуты, когда приложиться к гробнице своего Искупителя... Принцы и прелаты отказывались от забот о своих владениях, и многочисленность этих больших караванов служила прелюдией для тех армий, которые в следующем столетии выступали в поход под знаменем креста». Мы встречаем эпидемическое паломничество с верою в избавление от болезней в глубокой древности к храмам Сераписа и Асклепия, а в недавнее время – к Лурду и Кноке или к мощам православных святых. Изменилась форма этих паломничеств, но их сущность осталась неизменной.

В истории христианства можно отметить и другие эпидемии.

Так, распространение иконоборчества в VIII и IX столетиях и связанных с ним религиозных споров носило характер психических эпидемий. Известно, что в Сирии около 719 г. были уничтожены все иконы и поклонение им было запрещено. Эпидемия иконоборчества имела место во Франции во время Великой рево-

люции, когда в 1789 г. по всей стране пылали костры, на которых среди пляски и диких воплей, опьянявших людей, сжигались бесчисленные количества драгоценнейших предметов религиозного культа <...>.

Затем я задался целью проследить, как распределяются во времени основные массовые религиозные движения, имеющие то или иное решающее значение в истории церкви, дабы сравнить затем это распределение с ходом солнцедательности. К настоящему моменту выполнена лишь небольшая часть задуманной работы <...>.

Из рассмотрения этой диаграммы вытекает то следствие, что между развитием основных моментов в жизни римско-католической церкви, связанной с движениями больших масс, и максимальными напряжениями в деятельности Солнца существует известная зависимость. Здесь можно также отметить, что 70% всех вселенских соборов падает на время солнечных максимумов. А известно, что вселенские соборы созывались всякий раз, когда догматические устои церкви колебали массовые религиозные движения, возникающие под влиянием лжеучений и ересей.

Эпидемии *коллективных галлюцинаций*. Можно, конечно, не соглашаться с включением рассмотрения коллективных галлюцинаций в настоящую работу, так как по существу таковые лежат несколько в стороне от трактуемого вопроса. Однако если я решаю говорить здесь о коллективных галлюцинациях, так исключительно потому, что они все же являются продуктом определенного нервно-психического состояния человеческой массы и дают образы, являющиеся результатом коллективного творчества.

Далее, несомненно то, что для возникновения коллективной галлюцинации необходимо особое состояние центрального органа нервной системы – головного мозга, претворяющего притекающие с периферии раздражения в такую психологическую реакцию, которая выражается в форме галлюцинации. Следовательно, галлюцинации должно рассматривать как отраженные, рефлекторные явления со стороны периферических нервов при обязательном особом предрасположении головного мозга.

Основываясь на этой элементарной схеме механизма возникновения галлюцинаций и не вдаваясь в подробное рассмотре-

ние теорий, предложенных для объяснения галлюцинаторного процесса, все же необходимо отметить, что процесс этот должен рассматриваться как процесс психопатологический и что люди, переживающие его, находятся в тот момент вне пределов душевной нормы. В то время как для душевноздорового человека галлюцинации или иллюзии представляют редчайшее исключение и могут возникнуть лишь при определенном потрясении нервно-психического аппарата, еще старая статистика Бриер де Басмона показала, что галлюцинации обнаруживаются у 63% душевнобольных. Отсюда, впрочем, еще не следует, что галлюцинации являются признаком временного душевного заболевания. По-видимому, они возникают там, где даны условия для их развития: неустойчивая нервная система, повышенная впечатлительность и т. д.

Галлюцинаторный процесс, будучи процессом по преимуществу интеллектуальным, находится все же в зависимости от эмоциональной стороны душевной жизни, ибо известно, что галлюцинации легко развиваются при различных аффективных состояниях: при аффекте страха, при религиозном экстазе и т. д. Следует думать, что эмоция облегчает возникновение галлюцинации, подобно тому, как галлюцинаторному процессу способствует также болезненное изменение сознания, его помрачение и сужение.

Таким образом, для возникновения галлюцинации нужна сумма некоторых условий, заключающихся в ряде определенных нарушений нервно-психической деятельности, и с этой точки зрения хронология коллективных галлюцинаций может иметь некоторое отношение к нашей теме независимо от того, что явилось ближайшей причиной их существования.

Во всемирной истории и в психиатрической литературе мы встречаем ряд массовых зрительных галлюцинаций. Ниссенус описывает ряд коллективных галлюцинаций, имевших место во время чумной эпидемии в Александрии в 263 г. до н. э. Известна коллективная галлюцинация – «видение», явившееся на небе войскам Константина Великого перед началом сражения в 312 г., – крест с надписью: «Сим победиши». Из эпохи крестовых походов дошли сведения о ряде массовых галлюцинаций, принимавших

огромные размеры. Мишо дает описание галлюцинаций во время битв при Дорилее и Антиохии в 1097 г., в день взятия Иерусалима – в 1099 г. и др. На них же ссылаются в своих трудах и другие авторы.

Русские летописи запечатлели массовую галлюцинацию войск на Куликовом поле 8 сентября 1380 г. Во время эпидемии пляски св. Витта в 1375 г. в Германии многие утверждали, что видели под ногами струящиеся по земле потоки крови, из которых они старались выскочить и потому высоко подбрасывали ноги. В «Послании о земном рае» новгородского архиепископа Василия (XIV в.) имеются указания на массовую галлюцинацию, испытанную новгородскими купцами во время их путешествий. Английский мистик Пордедер (XVII в.) описал коллективную галлюцинацию, виденную им и его учениками. Известна галлюцинация, испытанная шведским королем Карлом XI и его приближенными, и галлюцинация, виденная незадолго до кончины царицы Анны Иоанновны ее придворными, в том числе и Бироном. Массовую галлюцинацию видели во время путешествия по Африке. Чрезвычайный интерес представляет одна массовая галлюцинация, разразившаяся во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. среди крестьян прирейнских областей и принявшая форму галлюцинаторной эпидемии. Эта эпидемия захватила тысячи лиц и длилась в течение нескольких месяцев, возникая в различных местах, причем созерцаемые видения повсюду были одинаковы. В тот же период наблюдались массовые галлюцинации в Метце при осаде Парижа, при бомбардировке Страсбурга. Описана массовая галлюцинация ночного кошмара среди солдат в Калабрии. Известен случай массовой галлюцинации в Леснинском монастыре Седлецкой губернии в 1874 г. Галлюцинация возникла после перенесения почитаемой местным населением иконы из униатского монастыря Лесна в одну из православных церквей. Тотчас в народе распространился слух о том, что икона «ушла из православной церкви и сама шествует в небесах». Этот слух повлек за собой взрыв религиозного фанатизма, толпы народа явились на поклонение иконе, и массовая галлюцинация охватила всех: все видели икону, летящую в облаках.

Другой случай эпидемических галлюцинаций наблюдался летом 1885 г. в Северной Италии во время распространения холеры в Сицилии. Встревоженным обитателям горного ущелья представилась Мадонна в черном, обрызганном кровью одеянии. Она пролиwała слезы и пророчила несчастья. Число лиц, видевших Мадонну, быстро росло, и вскоре тысячи лиц различного возраста стали впадать в экстатическое состояние. В местах, где показывалась Мадонна, зажигали огни и толпы собирались для молитвы. Чтобы прекратить эту эпидемию, итальянское правительство должно было прибегнуть к энергичным мерам воздействия.

Никитин описал коллективную галлюцинацию, наблюдаемую им в 1904 г. во время торжеств в Саровском монастыре.

Наконец, общеизвестны газетные описания массовых галлюцинаций на различных фронтах в период мировой войны 1914–1917 гг.

Наконец, я хотел бы остановиться на ряде других *массовых психозов*, которых в истории отыщется, быть может, не так и много, но которые все же по временам глубоко потрясают общественный организм. Это единичные случаи патологических вспышек массовой умственной деятельности, оригинальные нервно-психические или психопатические взрывы массовой деятельности. Мы знаем, что в последние годы Римской республики страсти к празднествам, играм, конским ристаниям в цирке проявлялось в Риме с *болезненной горячностью*. Посещавшие этот город иноземцы уже и тогда удивлялись, до какой степени эти игры могли быть предметом нескончаемых разговоров, споров и перипетий в столице. Чем значительнее деспотизм подавлял в римском народе свободное проявление человеческого духа и живой интерес к более важным вопросам общественности, тем более страстно он льнул к играм, зрелищам и забавам различного характера. Эти безобразия и пороки Древнего Рима, эти цирковые игры и скачки перенеслись в Византию, где возросли до размеров небывалой в истории человечества, чудовищной психической эпидемии.

Вначале в византийском цирке было четыре цвета, по которым отличали упряжки коней, их возниц и их собственников; позднее – два цвета: зеленый и голубой. Каждый житель считал

своим долгом примкнуть к той или иной партии цирка, ибо под последними скрывались церковные и политические интересы различных групп населения. Поток общественной и политической жизни, запруженный в одном месте, пробил себе дорогу в другом, еще более опасном для существования государства и общества. И вот, несмотря на благополучное существование страны, могущество императора Юстиниана I (527–565) было потрясено в один прекрасный день партией цирка! Император оказывал покровительство «голубым», и в 532 г. вспыхнуло вдруг такое восстание «зеленых», что и жизнь императора и судьба трона оказались в опасности...

Около 1000 г. н. э. вся христианская Европа была охвачена одною ужасною и роковою мыслью – о конце мира. Вера в светопреставление проникла во все умы и сердца: кончина мира должна была наступить с началом 1000 г. В истории человечества предсказания о кончине мира случались не раз. Это были предсказания Сивиллы, восточной девы-язычницы, пророчицы того небесного гнева, который должен в один прекрасный день развеять по пространству золу уничтоженной вселенной. Сивиллины пророчества тревожили и греческий и римский мир, но никогда не создавали такого всеобщего безумия, как в эпоху, предшествовавшую 1000 г. И чем ближе подходило время к 1000 г., тем различные страхи и смертельная боязнь все глубже вселялись в человека. В период 990–1000 гг. люди жили только страхами, слухами, один страшней и вздорней другого, пророчествами. Все было преувеличено и приукрашено в их глазах. Обычные явления природы принимались за нечто невообразимо ужасное. Видения, таинственные голоса, массовые галлюцинации зрения и слуха наблюдались повсюду. Страх перед кончиной мира и страшным судом в некоторых странах сочетался с повальными болезнями, голодом и другими бедствиями, что доводило до крайности этот жуткий всеобщий психоз. Храмы были переполнены молящимися, повсюду совершались богослужения со страстными мольбами прощения и помилования. Торжественные процессии величественных князей церкви, блестящие ризы и стройные хоры певчих сочетались с рубищами безумствующих людей, со сценами неопишемого ужаса и отчаяния.

Но вот 1000 год благополучно минул. Тягостное напряженное ожидание конца мира сменилось бурным стремлением человечества возблагодарить небо за избавление от гибели. Мир за три года переменялся до неузнаваемости: он ожил и расцвел, несмотря на многочисленные бедствия, которые еще давали знать о себе повсюду в Европе. Храмы начали украшаться и переполняться больными, благодарящими за спасение. Депрессивная психическая пандемия сменилась столь же мощной психической реакцией, выразившейся во всеобщем маниакальном возбуждении восторга и радости.

Повальные болезни, как холера или чума, молниеносно уносящие десятки тысяч людей из жизни, действуют на воображение и нервную систему здоровых людей так сильно, что служат толчком к возникновению бунтов и восстаний, охватывающих иногда огромные народные массы.

Вторая пандемия холеры прошлого века произвела повсеместно в Европе сильное впечатление, которое выразилось во многих местах холерными бунтами. Народным массам было трудно свыкнуться с мыслью, что действительно существует болезнь, способная в течение одного-двух дней, а иногда и того меньше убить совершенно здорового и крепкого человека. Холерные припадки, напоминающие отравления сильными ядами, быстрая смерть и неудержимое распространение болезни между беднейшими слоями населения возбудили невольные подозрения в злонамеренных отравлениях и вызвали во многих местах взрыв народного негодования, который обрушился на врачебный персонал. У нас в период 1830–1831 гг. холера послужила причиной народных волнений в Тамбовской, Калужской, Московской и других губерниях. Большую известность приобрел так называемый холерный бунт в Петербурге. Второго июля 1831 г. народ окружал кареты, в которых возили холерных больных, и вступал в борьбу с полицейскими чиновниками и конвоем. На следующий день, с наступлением ночи, разъяренная толпа ворвалась в госпиталь, вытащила на улицу больных, чтобы отправить их домой, избив двух врачей и одного жандарма, переломала холерные кареты и произвела другие бесчинства.

Аналогичные беспорядки происходили в то же время в Венгрии, где народ также подозревал отравления. Массовые беспорядки имели место в Англии. Например, в Бирмингеме разнесся слух о том, что хоронят живых. Толпа проникла на кладбище, разрыла могилы, переломала гробы и убила нескольких лиц, заподозренных в воображаемом преступлении. Подобные сцены разыгрались в нескольких городах Франции и Испании. В Сицилии в 1837 г. во время холерной эпидемии произошла кровопролитная резня. В период 1892–1893 гг. холерные бунты прокатились по России. Из них Астраханский холерный бунт приобрел большую известность. Знаменит также Московский чумной бунт 1769 г., умиротворенный генерал-лейтенантом Еропкиным.

Нет такой области в человеческой жизни, где бы психическая инфекция не проявила бы себя в виде психических эпидемий: политика, парламентаризм, военное дело, коммерция, искусство и т. д.

Маскау описывает знаменитую психическую эпидемию, так называемую тюльпаноманию, охватившую голландцев в 40-х годах XVII в.

Началась она с того, что все население – дворяне, горожане, фермеры, механики, моряки, лакеи, горничные, трубочисты, торговки старым платьем взялись за торговлю тюльпанами, которые, конечно, быстро стали повышаться в цене. Цены на луковицы некоторых видов достигли нескольких тысяч флоринов. Во всех городах Голландии были организованы торги для сбыта луковиц. Богачи разорялись, бедняки делались богачами. Но все безумно, слепо и упорно верили в то, что страсть к тюльпанам, охватившая уже не только Голландию, но и соседние страны, откуда текли в Голландию деньги, будет продолжаться без конца и что ценность объекта всеобщего безумного увлечения будет вечна и незыблема. Реальные ценности, земли, дома продавали за разорительную цену, чтобы приобрести на рынке несколько десятков тюльпанов. Однако вскоре пробил должный час, началась реакция, народное умопомешательство голландцев кончилось, и общая паника охватила всю страну: цена на тюльпаны стала ниже обычной, и тысячи людей были окончательно разорены.

В 1717 г. аналогичная эпидемия финансовой спекуляции прокатилась по Франции в связи с учреждением компании для торговли на западном берегу Миссисипи. Вождем этой эпидемии был шотландец Джон Ло, обещавший всякому, кто вложит свои средства в предприятие, 120 % прибыли. 300000 требований на акции новой компании поступили мгновенно. Толпы, состоящие из герцогов, графов, осаждали дом Ло. Существует рассказ, будто бы горбун, ходивший по улицам и отдававший свой горб в качестве конторки для неистовых спекулянтов, нажил значительное состояние. Однако вскоре дело компании рухнуло, и французы с воплями отчаяния должны были выйти из этого спекулятивного транса.

Через несколько лет финансовая эпидемия охватила англичан. Распространенная басня о возможности наживы сделала свое дело.

В форме массовых, повальных эпидемий распространялись и другие социальные явления. Так, например, можно сказать, что существует особый «психоз воровства или грабежа», или «эпидемия похищений». Эпидемии грабежа всегда сопровождают массовые социальные явления. Революция развязывает руки и у людей, которые никогда не прочь поживиться чужим добром. Возможность грабежа являлась во все времена одним из веских стимулов для поднятия восстаний. Об этом говорили еще Платон и Тацит. Примеры этого мы видим и в древности, и в новые времена. Маклей в IV томе истории Англии описал целую эпидемию разбоя и воровства со взломом, случившуюся в Англии в 1692 г. Но с другой стороны, существует нечто вроде эпидемического распространения и понятия о честности и связанного с этим понятием поведения. Пример такого необычного явления мы находим у Тарда. Во Франции при Людовике XIII (1610–1643) получили эпидемическое распространение случаи дуэли. Эта эпидемия не прекратилась даже тогда, когда кардинал Ришелье казнил некоторых дуэлянтов как простых убийц. При дворе Людовика XIV (1643–1715) разразилась своеобразная эпидемия отравлений. Начало этой эпидемии было положено знаменитым процессом маркизы Бренвилье.

Массовые половые психопатии известны во все времена. В Библии мы встречаем легенду о гибели Содомы и Гоморры. Повальный гомосексуальный разврат эпидемически распространился по Риму в царствование Гелиогабала (218–222), а в недавнее время – среди солдат в Новой Каледонии, в Бразилии и в других странах. Эпидемии разврата процветали в средние века. Так, во Франции во времена Карла Великого (771–814) не было ни одного города без нескольких десятков публичных домов. На улицах Парижа не было прохода от публичных женщин. Изнасилование девушки считалось самым невиннейшим поступком. Часто бывало так, что в одном и том же доме бывали школа для детей и публичный дом. Этому обстоятельству было обязано повальное распространение гонореи и сифилиса в средние века. Известны массовые сексуальные эпидемии на Востоке. Описана всеобщая половая психопатология во Франции в 1848 г. Описаны эпидемия мастурбации в одной берлинской школе, эпидемия изнасилований в 1903 г. и т. д.

Наконец, можно указать на истерическую эпидемию водобоязни, когда под впечатлением одного случая водобоязни заболело 90 человек, на эпидемию потери голоса в одном из петербургских закрытых учебных заведений и т. д.

Эпидемические психозы наблюдаются во времена крупных стихийных бедствий и катастроф, во времена голодовок, землетрясений и т. п. При голодовках эпидемически может распространяться каннибализм, при землетрясениях – повальный страх, боязнь за жизнь, трусость.

Описаны эпидемии эмиграции и массовых переселений, эпидемии наркомании (морфинизма, кокаинизма, алкоголизма, курения табака и др.). <...>

> ... крупнейшие исторические события имеют определенную тенденцию совпадать с максимумами солнцедетельности. Но мы знаем, что всякое историческое явление возглавляется тою или иною личностью, которая служит как бы социальным фокусом явления и совмещает в себе все надежды, чаяния и основные черты данного исторического явления. Не вдаваясь в рассмотрение различных точек зрения на роль личности в историческом процессе (Карлейль, Толстой), можно сказать, что личность, несо-

менно, играет ту организационную роль, которая необходима для того, чтобы самое историческое явление появилось на арене истории. И в этом смысле роль личности заключается в организации объединений и направлении по определенному пути тех стихийных разрозненных процессов, которые приводят в движение социальный механизм. И, личность, несомненно, на все эти процессы должна накладывать яркую индивидуальную окраску, коль скоро она становится во главе движения. В то же время необходимо, чтобы сама личность соответственно отвечала запросам эпохи. При условии такого благополучного сочетания появляются великие люди, социальные реформаторы, вожди, полководцы. Если же эпоха не обладает великими запросами, то и на исторической сцене мы не находим великих социальных деятелей. <...>.